

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета серии

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор серии

А. С. Зувев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь серии

С. Г. Скобелев канд. ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

А. К. Киклевич д-р филол. наук, профессор (Варминьско-Мазурский университет, Польша)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «Филология»

Ответственные редакторы

- Л. Г. Панин д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Л. Н. Синякова д-р филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

- Е. Н. Сорокина канд. филол. наук, доц. (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- Е. И. Дергачева-Скоп д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. А. Лукьянова д-р филол. наук, проф. (Новосибирский государственный университет, Россия)
- Н. Н. Казанский академик РАН, д-р филол. наук, проф. (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия)
- Н. Б. Кошкарева д-р филол. наук, проф. (Институт филологии СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)
- И. А. Мельчук д-р филологии, проф. (Монреальский университет, Канада)
- Э. Стергиопулу д-р филологии, проф. (Афинский национальный университет, Греция)
- П. Энгель д-р наук (Европейский центр по консервации книг и бумаги, Хорн, Австрия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

V. I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor of the Series

A. S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary of the Series

S. G. Skobelev Candidate of Sciences (History), Docent (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Kh. A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B. Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

E. E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

T. Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

A. V. Golovnev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation)

A. E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

A. P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

J. Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

O. D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

G. E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

A. K. Kiklevich Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Warmia and Mazury, Olsztyn, Poland)

S. M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

V. A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

H. Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

H. Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

P. Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

I. V. Silantev Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

T. Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yu. V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “Philology”

Executive Editors

- L. G. Panin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- L. N. Sinyakova Doctor of Sciences (Philology), Docent (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

- E. N. Sorokina Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- E. I. Dergacheva-Skop Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. A. Lukyanova Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- N. N. Kazanskiy Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Linguistic Studied of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation)
- N. B. Koshkareva Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)
- I. A. Melchuk Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Montreal, Canada)
- E. Stergiopoulou Doctor of Sciences (Philology), Professor (National University of Athens, Greece)
- P. Engel Doctor of Sciences (European Research Centre for Book and Paper Conservation-Restoration, Horn, Austria)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2021. Том 20, № 9: Филология

СОДЕРЖАНИЕ

Языкознание

- Панин Л. Г.* О разговорных явлениях в языке памятника церковнославянской письменности XV века (на материале Мучения Параскевы Пятницы) 9
- Панова Г. И., Викторина Т. В., Кузьмина А. Е.* Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия 23
- Онуфриева Е. С., Тресорукова И. В.* К проблеме словарной репрезентации продуктивных фразеологических паттернов (на примере новогреческих фразеологизмов-конструкций) 34
- Данилова Н. И., Самсонова Е. М.* Значение множественности в залоговых и аспектуальных конструкциях (на материале якутского языка) 44
- Тимкин Т. В.* Специфика юганского говора хантыйского языка по данным экспериментальной фонетики 55
- Козлов И. М., Кузнецова Е. С.* Семантические различия между глагольно-именными оборотами и соответствующими глаголами (на примере оборотов с глаголами *испытать / испытывать*) 68

Литературоведение

- Синякова Л. Н.* Художественная телеология повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (тема и тематические мотивы) 75
- Обатнина Е. Р.* «Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова 85

Павлова Л. В., Романова И. В., Казарцев Е. В. Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге 96

Задорина А. О. Ева, Магдалина, самаритянка... (к типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор») 108

Научная жизнь

Никитин О. В., Патроева Н. В. Вторые Фортунатовские чтения в Карелии 117

Рецензии

Колесникова Е. И. Грани утопического миропонимания в современных исследованиях. Рец. на кн.: Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века. Литература. Живопись. Кинематограф: Монография. Москва: Флинта, 2021. 281 с. 122

In Memoriam

Памяти Татьяны Андреевны Колосовой 128

Информация для авторов 130

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2021, vol. 20, no. 9: Philology

CONTENTS

Linguistics

- Panin L. G.* On Colloquial Phenomena in the Language of the Monument of Church Slavonic Writing of the 15th Century (Based on the Material of the Torment of Paraskeva Friday) 9
- Panova G. I., Viktorina T. V., Kuzmina A. E.* Morphological Means in Russian: Clarification of the Concept 23
- Onufrieva E. S., Tresorukova I. V.* On the Problem of Lexicographical Representation of Productive Phraseological Patterns (As Shown by Modern Greek Constructional Phrasemes) 34
- Danilova N. I., Samsonova E. M.* The Meaning of Plurality in Voice and Aspectual Constructions (Based on the Material of the Yakut Language) 44
- Timkin T. V.* Yugan Khanty Phonetic Features Based on the Experimental Data 55
- Kozlov I. M., Kuznetsova E. S.* Semantic Differences between Verb-Nominal Collocations and Corresponding Verbs (As Exemplified by Collocations with Verbs *Ispytyvat'* / *Ispytat'*) 68

Literature

- Sinyakova L. N.* Teleology of A. P. Chekhov's Story "My Life". Theme and Thematical Motifs 75
- Obatnina E. R.* The "Bird Catcher" From Remizov's "Nest": To the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobiakov 85

<i>Pavlova L. V., Romanova I. V., Kazartsev E. V.</i> The Language of “Overthrown Religion”: Tvardovsky about God	96
---	----

<i>Zadorina A. O.</i> Eve, Magdalina, Samaritan... (To the Typology of Female Images in the Novel of L. M. Leonov “Thief”)	108
--	-----

Scientific Life

<i>Nikitin O. V., Patroeva N. V.</i> Second Fortunatov Readings in Karelia	117
--	-----

Reviews

<i>Kolesnikova E. I.</i> Utopian View of the World: Modern Studies. Review: Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19 th – 21 st Century. Literature. Painting. Cinema. Monograph. Moscow, Flinta Publ., 2021, 281 p. (in Russ.)	122
--	-----

In Memoriam

In Memory of Tatiana A. Kolosova	128
----------------------------------	-----

Instructions to Contributors	130
------------------------------	-----

Научная статья

УДК 801.73

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

О разговорных явлениях в языке памятника церковнославянской письменности XV века (на материале Мучения Параскевы Пятницы)

Леонид Григорьевич Панин

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

leonid.panin.00@mail.ru

Аннотация

Проведенный автором ранее лингвотекстологический анализ сборников, содержащих чтения на особо чтимые памятные даты и жития наиболее почитаемых святых, выявил рукопись *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 (Русская Государственная Библиотека) как содержащую уникальную информацию о церковнославянском языке XV в. В статье представлен анализ языка этого произведения в сопоставлении с языком двух других списков. Автор определил широкий и узкий контексты исследования. Первый связан с церковнославянской проблематикой (языком, письменностью), второй – с XV веком, временем, когда так называемое «второе южнославянское влияние» проявлялось в полной мере. Исследование показывает, что церковнославянский язык в конечном счете является искомым объектом славистических исследований и путь к определению его структуры и функционального статуса лежит через анализ конкретных письменных источников, которые могут не свидетельствовать о структурном и стилистическом единстве того, что мы привычно называем церковнославянским языком. В частности выводы о «разговорном» («простом», может быть, простонародном) церковнославянском языке *Мучения Параскевы Пятницы* по списку Тхн-185 достаточно очевидны, язык памятника по данному списку разрушает и миф о так называемом «втором южнославянском влиянии».

Ключевые слова

церковнославянский язык, история русского языка, лингвистическая текстология, языковые различия, «Мучение Параскевы Пятницы»

Для цитирования

Панин Л. Г. О разговорных явлениях в языке памятника церковнославянской письменности XV века (на материале Мучения Параскевы Пятницы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 9–22. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

On Colloquial Phenomena in the Language of the Monument of Church Slavonic Writing of the 15th Century (Based on the Material of the Torment of Paraskeva Friday)

Leonid G. Panin

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

leonid.panin.00@mail.ru

Abstract

The author's earlier linguistic and textual analysis of collections containing readings on particularly revered memorable dates and the lives of the most revered saints revealed the manuscript *Festal Menaion* and *Chrysostom* from the collection of Tikhonravov No. 185 (from the collection of the Russian State Library) as containing unique information about the Church Slavonic language of the 15th century. This time, as traditionally considered, is a clear indicator

of the second South Slavic influence, but evidence of this influence (according to the collection) was not in the Word on the Council of the archangel Michael and Gabriel, the author of which was Clement of Ohrid. There were obvious colloquial elements, but the colloquial (common) facts of the Russian language are especially clearly recorded in another monument of this collection – in the Torment of Paraskeva Friday. In this article, this text is analyzed in comparison with the texts presented in the Great Menaion Reader of the SVT. St. Demetrius of Rostov and in the collection of the 15th century from the Collection of the Trinity Lavra of St. Sergius.

The author defines the broad and narrow contexts of the study. The first is connected with the Church Slavonic problems (language, writing), the second with the 15th century, the time when the so-called ‘second South Slavic influence’ was fully manifested. *Church Slavonic* itself is not a scientific term, although it emerged from a scientific tradition. We can define what the Russian language is by referring to ethnic and geographical boundaries, cultural and spiritual traditions, historical certainty, and keeping in mind, which is very important for the language, its ‘functional side’. It is impossible to evaluate the Church Slavonic language from these positions. Russian is a language that has developed different principles of development, and in relation to the Russian language, the Church Slavonic language appears to be as much an independent unit (a separate scientific ‘subject’) as the dialect language, which was the subject of lively discussions in its time, or the Russian spoken language, which occupies a strong position in the niche of the Russian language to this day.

The Church Slavonic language is ultimately the desired object of Slavistic research, and the way to determine its structure and functional status lies through the analysis of specific written sources. The conclusions about the ‘colloquial’ (‘simple’, perhaps common) Church Slavonic language of the Torment of Paraskeva Friday according to the list of Thn-185 are quite obvious, the language of the monument according to this list destroys the myth of the so-called ‘second South Slavic influence’.

The analysis allows us to take a new look at what we call the Church Slavonic language, to understand that the Church Slavonic language is still an unidentified linguistic object, rather than a philological one, because this language cannot be separated from the text. The text is the environment in which it exists. Linguistics has adopted the tools of linguistic analysis, which since ancient times served philological purposes, it is already presented in the *Τὴν γράμματιν* of Dionysius of Thrace, but it did not serve to describe and understand language as such, the main task of grammar was considered to be the evaluation of the work, “what is the best of all that grammar does”. This helps in the qualification of what is written in the Church Slavonic language: it should not only contain the traditional forms and vocabulary of this language (also with the traditional permissibility of innovations), but also have a functional correlation, correspond to the sphere of existence of Church Slavonic texts.

Keywords

Church Slavonic language, history of the Russian language, linguistic textology, language differences, The Torment of Paraskeva Friday

For citation

Panin L. G. On Colloquial Phenomena in the Language of the Monument of Church Slavonic Writing of the 15th Century (Based on the Material of the Torment of Paraskeva Friday). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 9–22. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-9-22

Памяти сводной сестры
Прасковьи Яковлевны Ершовой

Не вполне серьёзное вступление

В 1992 г. мне посчастливилось выступать с докладом о языке русской письменности Сибири XVII – начала XVIII в. на Семинаре у проф. В. Лефельда в Гёттингенском университете, доклад был посвящён достаточно необычной ситуации для книжного русского языка того времени: язык Сибирских летописей XVII в. немотивированно (в контексте языка русского летописания своего времени) архаизирован, «церковнославянизирован», в то время как язык церковных текстов того же времени Сибири (Сказания о явлении Абалацкой иконы Божьей Матери и Жития Василия Мангазейского, особенно во второй редакции этого памятника) испытал сильнейшее влияние со стороны языка деловой письменности (см. [Панин, 1994]). И имея в виду центробежные и центростремительные процессы в развитии русского языка, я бросил фразу, что лексика разрушает язык, а грамматика создаёт его. Мудрые немецкие коллеги отнеслись к этому как к каламбуру молодого и легкомысленного филолога. А в следующем году я делал доклад на тему церковнославянского языка уже в Ольденбургском университете, и руководитель Семинара проф. Г. Гентшель, стараниями которого я и был

приглашён в своё время в Гёттенген, мой доклад предварил достаточно провокационным вопросом. Он продиктовал фразу, в которой были традиционная для церковнославянского языка грамматика и слова, которые никогда не были отмечены ни в одном церковнославянском памятнике. К сожалению, я не запомнил той фразы, но предлагаю её аналог (он гораздо ниже оригинала и включает бытовые реалии, не допустимые с точки зрения выдержанного в своей корректности немецкого профессора): «*Будучи зъло піану шоферу мерседесъ бенць прободѣ ограженіе, поврежде е и врѣза сѧ в дрѣво, излѣзшии жителіе дому ругаху сѧ, браняху сѧ, лааху шофера и вызваши полицію*». Тогда я ответил, что это, бесспорно, церковнославянский язык, несмотря на то что там есть русизмы и новые заимствования; главное – грамматика церковнославянская. Сейчас я бы не был столь категоричен в своём ответе. Но для более адекватного понимания лингвистической квалификации текста потребовались годы работы с церковнославянскими памятниками, и я искренне рад тому, что в поле моего внимания оказался сборник *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 Российской Государственной Библиотеки. Это рукопись без начала и конца. Как отмечается в прилагающемся к сборнику описании, рукопись составная: XV в. (л. 9, 11 – 320 об., б. зн.: Briquet № 3883: 1478–74 гг.; № 14541: 1449, 1452 гг.; № 14562: 1476–1477 гг.; № 14872: 1457, 1470 гг.; № 14873: 1483 г.); XVI в. (л. 4–8, 10; б. зн.: Briquet № 13578: 1526 г.; № 13577: 1542–47 гг.).

Исследуемый в данной статье текст расположен на л. 46г–52г (XV в.). Анализ этого текста и некоторых других позволяет, как мне кажется, по-новому взглянуть на то, что мы называем церковнославянским языком.

Выбор предмета и объекта исследования

Предшествующее исследование 45 списков Минейного Торжественника строилось как лингвотекстологический анализ наиболее употребительных памятников на двенадцатые праздники и на особо чтимые памятные даты и житий наиболее почитаемых мучеников (см. [Панин, 1988]). В ходе исследования был проведён и анализ *Слова на Собор архангелов Михаила и Гавриила* древнеболгарского писателя Климента Охридского, выявивший интересные сведения о так называемом «втором южнославянском влиянии». Тогда и выделилась рукопись *Торжественник и Златоуст* из собрания Тихонравова № 185 (Тхн-185) с нетипичными для этого «влияния» языковыми проявлениями, которые в то время показались просто экзотическим фактом. Позже я просмотрел ещё некоторые тексты этого сборника и обнаружил, что писец, переписывавший *Слово на собор архистратигов Михаила и Гавриила*, своё видение церковнославянского языка (точнее, языковое видение церковнославянского текста) проявил ещё в ряде переписываемых памятников. Во-первых, это *Мучение Параскевы Пятницы*; во-вторых, *Житие и чудеса свв. Козмы и Дамиана*. Первый памятник – наиболее яркий, в языковом отношении представляет все уровни языка, и именно он «задаёт направления» лингвистического анализа филологической среды функционирования церковнославянского текста. Этой масштабности нет в *Житии и чудесах свв. Козмы и Дамиана*, текст этот более камерный, но в изложении чудес данного Жития представлена редакторская правка, в которой лингвистические новации сборника Тхн-185 «встраиваются» в привычное поле церковнославянского языка (ср. на л. 56в *говориль* зачеркнуто и сверху другой рукой написано: *гл(агол)аль*), но это тема уже другого, специального, исследования.

Текст *Мучения Параскевы Пятницы* по списку Тхн-185 [*М(еся)ца вкт(яб)ря въ .ки. д(е)нь муч(е)ніе с(вя)тыя и славныя м(уче)н(и)ца Парасковѣи и тулкует ся Пят(и)ници въ Иконіи гра(ди)*, л. 46г–52г] в статье анализируется в текстологическом сопоставлении с текстом, представленном в сборнике «Великие Четы Миней» свт. Димитрия Ростовского (1651–1709) и в сборнике XV в. из Собрания Троице-Сергеевой Лавры, переписанном полууставом разных почерков [407 листов: РГБ, ф. 304, № 755, л. 284–291: *М(еся)ца w(к)тяб)ря .ки. д(е)нь. мученіе с(вя)тыя и славныя м(уче)н(и)ца Парасковѣи. и(же) прото(лк)у(е)ть (ся) Пятница. въ Иконистѣ(м) градѣ*]. Это не собственно лингвотекстологический анализ в его исходном,

необходимом проявлении (см. [Жуковская, 1968; 1976; Панин, 1990]), скорее лингвотекстологический фон, необходимый для того, чтобы выявить уровень лингвистической разницы изучаемого текста и нашего традиционного представления о том, каким должен быть церковнославянский язык соответствующего времени.

Широкий и узкий контексты исследования

Первый связан с церковнославянской проблематикой (языком, письменностью), второй – с XV в., временем, когда так называемое «второе южнославянское влияние» проявлялось в полной мере.

Прежде всего – о словосочетании *церковнославянский язык*: оно не является научным термином, хотя и пришло из научной традиции. Определить, что такое *русский язык*, мы можем, ссылаясь на этнические и географические границы, культурные и духовные традиции, историческую определённую и (имея в виду, что это очень важно для языка) его «функциональную сторону» (в понимании В. А. Аврорина [1975]). Оценить же церковнославянский язык с этих позиций нельзя. Это другой язык, точнее, язык, выработавший для себя иные принципы развития (они же и принципы стабильности [так называемого *устойчивого развития*]), о чём мне приходилось неоднократно писать (ср. [Панин, 1992; 1995]). При этом по отношению к *русскому языку* церковнославянский язык предстаёт в той же степени самостоятельной единицей (обособленным научным «субъектом»), в какой находятся *диалектный язык*, бывший предметом оживлённых дискуссий в своё время, или *русский разговорный язык*, занимающий прочные позиции в нише русского языка по сей день.

Л. П. Жуковская на VIII Международном съезде славистов в Киеве имела все основания заявить, что церковнославянский язык в конечном счёте является искомым объектом славистических исследований и путь к определению его структуры и функционального статуса лежит через анализ конкретных письменных источников [Жуковская, 1978]. Сорок с лишним лет развития русистики, прошедшие после её доклада, не изменили ситуацию.

С именем Л. П. Жуковской связано и уточнение утвердившегося в русистике мнения А. И. Соболевского [1980] о «втором южнославянском влиянии» (полагаю, и о «первом влиянии» говорить можно очень и очень условно, в данном случае ссылаюсь на Б. Н. Флоря [1981]). Л. П. Жуковская писала: «Под влиянием можно понимать только такое состояние, когда при переписывании древнего русского оригинала русский писец начинает применять приёмы и законы южнославянской письменности» [1982, с. 28]. Но миф о «втором южнославянском влиянии» держится прочно: это удобно и не требует собственного анализа, достаточно придерживаться распространённой точки зрения (ср. [Пентковская, 2018]). Между тем это «зады» палеославистики (образное употребление, но не моё, это слова Л. П. Жуковской, в которые она, впрочем, не вкладывала ничего обидного – понятие заимствовано из практики приходских школ, где вплоть до начала XX в. учитель следил, чтобы подопечные чада при изучении языка и словесного произведения не преступали границ того, что дано раз и навсегда, что уже определено и установлено, и ни в коем случае не проявляли бы своей мысли).

Цитирование источников

Примеры из Сборника Тихонравова (Тхн-185), Великих Четий Миней свт. Димитрия Ростовского (ВЧМ) и из рукописного Сборника XV в. из Собрания Троице-Сергеевой Лавры (ТСЛ-755) цитируются в упрощённой орфографии: слова под титлом раскрываются, предполагаемые буквы указываются в круглых скобках; после сокращённого обозначения источника даётся отсылка к листу рукописи (Тхн-185, ТСЛ-755) или странице издания (ВЧМ). Цитируя ВЧМ, я «разомкнул» возвратные формы глаголов, отделив *ся* от основной глагольной формы, поскольку в церковнославянских текстах XV–XVI вв., да и последующих, это *ся* не воспринималось как словесное единство с основной глагольной формой, поэтому неудачными в издании свт. Димитрия Ростовского выглядят формы «*бояшебояся*» ВЧМ 1978 в.м. *бояше*

бо ся; «молотися» ВЧМ 1978 в.м. *молю ти ся*; «Скончажеся» ВЧМ 1979 в.м. *Сконча же ся* и под.

Структура исследования.

В статье анализируются языковые проявления рукописи Тхн-185, важные для определения её в историко-лингвистическом отношении. Прежде всего, речь идёт о «предварительном джентльменском наборе» начинающего филолога (о тех фактах, которые в первую очередь важны для «лингвистического паспорта» рукописи). На первом месте, безусловно, стоит вопрос, что за извод мы имеем, но в данном случае вопрос этот не актуален – восточнославянские языковые особенности в списке очевидны и отмечают иное (например, южнославянское) языковое восприятие рукописи.

Для определения функциональной соотнесённости языка памятника данного списка с тем, что мы обычно называем русским литературным языком (имея в виду и его книжную разновидность – церковнославянское проявление), существует достаточно простой набор языковых фактов, выявляемых в результате сравнения с другими списками. Первое, это соотношение русизмов и славянизмов. Далее, выявление разговорных особенностей в языке памятника, а если повезёт исследователю, то и диалектных, поскольку эти последние дают возможность высказать предположение о месте создания рукописи или, по крайней мере, о писце как носителе определённого диалекта. И именно с них мне хотелось бы начать анализ языка *Мучения Параскевы Пятницы*.

Вероятные лексические диалектизмы в языке памятника по списку Тхн-185

Полагаю, что самое спорное в исследовании истории русского языка – это квалификация слов в качестве диалектных, но областные словари XIX и XX вв. дают направление такой квалификации, и, как показали исследования проф. В. В. Палагиной и её учеников¹, могут служить основанием для серьёзных научных построений. Ниже представлены некоторые примеры из Тхн-185, на мой взгляд, достаточные для суждения о месте создания сборника (по крайней мере, диалекте писца, переписавшего данный памятник).

Прежде всего, это регулярное употребление глагола *отказати*, которому в двух других списках соответствуют слова *глаголати* и (наиболее часто встречающееся соответствие) *отвѣщати*: 1) *с(вя)таа жь ѿказала. рекла ти есмь имя мое вѣчного живота* Тхн-185 48в – *святая же глагола: рекохъ ти имя вѣчного живота ми* ВЧМ 1974; *с(вя)таа гл(агол)а, реко(х) ти имя вѣчного живота* ТСЛ-755 286; 2) *слышавше жь горожане ѿказали вси одины(м) голосо(м) говорече* Тхн-185 47г – *и слышавши, иже во гради, отвѣщааша гласомъ единѣмъ вси, глаголюще* ВЧМ 1973; *слышавше (ж) гражане, и ѿвѣщавше вси единѣ(м) гласо(м), гл(аголю)ще* ТСЛ-755 285 и др.

Глагол *отъказати* достаточно редкий для церковнославянских текстов; видимо, можно определить его диалектную прикреплённость. Сразу следует отметить его употребительность в тексте Мучения по данному списку (7 словоупотреблений). Безусловный интерес представляют глагольные пары – соответствия глагола *отъказати*, которые позволяют уточнить семантику слова. В словаре В. И. Даля данный глагол отмечен как характерный для южных и западных говоров: *отказывать* (что кому) ‘отвечать, отповедать, сказать в ответ’ (Даль, 1978, т. 2, с. 727). И. И. Срезневский, отметил употребление этого слова в северо-западных текстах (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 789), но семантика глагола, проявившаяся в интересующем нас тексте хорошо сохранялась и в XIX в.: *отказывать* (кому в чем) ‘отвергать просьбу, не склоняться на чье-либо желание’ и др. (СЦСиРЯ, 2001, т. 3, с. 107). На весьма широкий ареал бытования слова в XIX–XX вв. указывает современный диалектный словарь, но и он локализует его преимущественно западнорусскими говорами, ср.: *отказать* – *смол.*

¹ См. публикацию её докторской диссертации, защищённой в 1973 г.: [Палагина, 2007], а также: [Захарова, 1979].

‘давать ответ, отвечать’, *смол.* ‘умирать, уходить от кого-либо, покидать кого-либо’; глагол *откázыва́ть* – многозначный и среди его значений находим *смол., южн., зап., курск., орл., ряз., латв.* ‘отвечать’, *печер.* ‘прервать, перебить кого-либо’, (как непереходный глагол) *перм., смол., орл., курск., ряз.* ‘возражать кому-либо’ (СРНГ, вып. 24, с. 192–193).

Сразу два потенциально диалектных слова находим ещё в одном контексте: *лаяти* ‘ругать’ и *слухати* ‘слушать, слышать’. Современное стилистическое поле этих глаголов – просторечие, может быть, и в XV в. они не имели узкой локализации, но словари определённо свидетельствуют об их территориальном ограничении. *Лаати* (*лаяти*) ‘ругать, бранить’ интересно своим управлением: не *кого*, а *кому*; у Даля (1978, т. 4, с. 241) глагол *лаять* (кого) сопровождается пометами *запад., юж. и сиб.* Слово издавна входило в корпус экспрессивной лексики, ср.: *лаяти* – ‘лаять, љлактеѣв, latrare’, ‘кричать, бранить, браниться’ (уже в Изборнике 1073 г.) и др. (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 13). Глагол *слухати* в словаре В. И. Даля отмечен как характерный для южных, западных и северных говоров (Даль, 1978, т. 2, с. 225), что скорее всего указывает на широкое (просторечное) распространение слова. В словаре И. И. Срезневского единственный пример *слухати* ‘повиноваться, быть подвластным’ документирован Договорной грамотой 1349 г. (Срезневский, 1958, т. 3, стб. 435), ср. в нашем тексте: *мнози же не слухали и ненавидели ее за то инѣи били ю. а инѣи лаали еи. а она т<---> не переставала говорячи слово Б(о)жие Тхн-185 476–47в – и мнози же, недугующе [описка: негодующе] раны ей приношаху; но она не престааше глаголюще слово Божие ВЧМ 1973; идо-лослужители слышавшее сиа мнози неговдашаб и раны приношаху еи. она (ж) не престааше гл(агол)ючи встѣ(м) слово Б(о)жие ТСЛ-755 285.*

Широкий северный и западнорусский ареал имело, видимо, и слово *мовити* ‘говорить’, которое в «Словаре русских народных говоров» сопровождается пометами *олон., арх., сев.-двин., волог., зап.-брян.* (СРНГ, вып. 18, с. 189), ср.: *ижь мовиши не могу его слышати Тхн-185 48в – еже изрече ми, понеже сего не могу слышати ВЧМ 1974; распятаго исповѣдающе. зане азъ не могу его слышати ТСЛ-755 286.*

Отдельный интерес представляют слова, которые, скорее всего, не входили в корпус диалектной лексики, но со временем закрепились именно в диалектах. Таким было слово *спотворити* в значении ‘околдовать’: *таа бо спотворила весь горо(д) на(ш), многыя отставили от жертвы и от богъ наших(х) Тхн-185 47г–48а – и та уволсви градъ наш весь и многы обрати отъ жертвъ богъ нашихъ ВЧМ 1974; и гра(д) нашъ весь потворила е(сть) волшебными своими чарованіи. и мнѣгы(х) прелсти от нашеа вѣры, и от жертвы боговъ ТСЛ-755 285 об.* Лексема *спотворити* в таком (приставочном) оформлении встречается редко, но ср.: у Даля: *потворка* с пометой *стар.* ‘волшебство, чародейство, колдовство’ (Даль, 1978, т. 3, с. 354), и древнерусские лексикографические материалы дают примеры употребления данного глагола (без приставки *съ-*) и отглагольных образований в данном значении: *потвора* ‘волхование, колдовство’, *потворити* ‘околдовать’, ‘уничтожить’ (два из значений) (Срезневский, 1958, т. 2, стб. 1288). Особый интерес представляют материалы областного словаря современных говоров, где находим два употребления интересующего нас глагола: в свердловских говорах он зафиксирован в значении ‘родить (ребенка)’, а в смоленских с неустановленным значением в поговорке *Спотворил нос, что не полна горсть* (СРНГ, вып. 40, с. 244). Я бы обратил особое внимание на фиксацию лексемы в говорах Смоленщины.

Ещё два слова, относительно которых можно сделать предположение об их областном происхождении, – *сукня* и *кат*. Первому в двух других списках соответствует типичный церковнославянизм *ризы*, а второму – книжное *постыкатель* и латинизм *спекуляторъ*, вполне ожидаемый для церковнославянского перевода жития Святой Параскевы Иконийской: 1) *и повелеть раз(д)рати сукню еѣ, и жилами говядиными бити ю нещадно Тхн-185 496–49в – повелъ растерзати ризы ея и волуями жилами сырами бити ю непрестанно ВЧМ 1975; и повелъ растерзати ризы ея, и жилами говяжими бити ю неща(д)но ТСЛ-755 287; 2) тогда жь поклонила голову. и усекнулъ ю катѣ Тхн-185 52в – тогда преклони главу, и постыче*

ю *посъкатель* ВЧМ 1979; и *ра(д)уя ся преклони тог(д)а главу свою. спекуляторъ* (ж) *устькну* и ТСЛ-755 290.

Слово *сукня* ‘женская одежда, платье из домотканого сукна’ приводится со ссылкой на словарь В. И. Даля как характерное для южных и западных говоров русского языка, а также с уточнением этого значения для курских, воронежских, калужских говоров и говоров Мордовии (СРНГ, вып. 42, с. 203–204). Лексема была, очевидно, исконно областной. А вот слово *катъ*, появившись в русских западных говорах, со временем стало известным литературному языку.

М. Фасмер пишет, что слово *кат* ‘палач’ впервые появилось в эпоху Петра I и является заимствованием из немецкого языка через польское посредство (Фасмер, 1967, с. 208). Но в русских источниках оно было известно и ранее: Словарь русского языка XI–XVII вв. лексему *катъ* ‘палач, кат’ подтверждает источниками XVI–XVII вв. (цитаты из Истории о вел. кн. Московском Курбского и западнорусского Словаря из собрания Барсова [ГИМ]) (СРЯз, 1980, с. 88), а наш пример ещё более ранний. Диалектным слово, видимо, было недолгое время. В Словаре XIX в. оно приведено без помет (СЦСиРЯ, 2001, т. 2, с. 166), хотя у В. И. Даля отмечено как южное и западное (Даль, 1978, т. 2, с. 98). Лексема, употреблённая в сборнике ТСЛ-755, латинизм: *speculator* ‘разведчик, лазутчик’, ‘ординарец, вестовой’ и др. (Дворецкий, 1976, с. 945).

О фонетических диалектизмах в Тхн-185

Яркой диалектной чертой изучаемого текста является билабиальное *в* [ʋ] / [w], противопоставленное лабиодентальному *в* [v] в двух других списках. Чаще это случаи употребления предлога *въ*, хотя и в привычном употреблении оно встречается, ср.: *въ правои руце носячи вѣнецъ трѣно(в).* *у лѣвои же копие и губу, и трость* Тхн-185 50а – и *в десни руцѣ дерѣжащи вѣнецъ терновъ, в шуйцы же копие и губу и трость* ВЧМ 1976; и *в десни руцѣ носяща вѣнецъ терновъ, в лѣвѣи (ж) копие, и губу, и трость* ТСЛ-755 287 об. Другие случаи появления билабиального *в* в Тхн-185: *у городѣ; у темницу; въ многу тя муку уложити; увошла у ц(е)рк(о)въ; с(вя)тое тѣло еѣ узали; умлѣкли уси въ ц(е)ркви* и др.

Мучение Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 фиксирует одно редкое слово, собственное, фонетическую (фонематическую?) трансформацию литературного слова *възрастъ* в значении ‘пора взросления’ – *узрастъ*, которого в соответствующем выпуске СРНГ нет, но отмечены устойчивые словосочетания *в возрасте быть* (*стать*); *до возраста лет* ‘до зрелого возраста’, зафиксированные в архангельских, вятских и рязанских говорах (СРНГ, вып. 5, с. 29). Наш пример: *и въ узрастъ, далі ти живѣтъ* Тхн-185 50в – и *о возрасти, дароваша ти животъ* ВЧМ 1977; и *о възрастеніи лѣпоты тѣлесе, и дароваша ти живо(т)* ТСЛ-755 288.

И ещё об одном фонетическом диалектизме, ставшем позже нормой литературного произношения, мне хотелось упомянуть. Среди многих десятков прочитанных и просмотренных автором статьи церковнославянских рукописей сборник Тхн-185 оказался единственным, где писец соответствующей части регулярно употребляет местоимение (чаще в союзной функции) *што*, например: 1) *слышавше (ж). горожане. што приближил ся гѣмо(н)* Тхн-185 47в – и *слышавше, иже во градѣ, яко приближается игѣмонъ* ВЧМ 1973; *слышавше (ж) гражане яко приближи (с) гѣмонъ* ТСЛ-755 285; 2) *с(вя)таа рекла, не милуи доброты временныя игѣмоне. н(ы)нѣ цвѣтущую. а заутра увядающую. но болюи милуи д(у)шу свою. што жде(т) тебе вѣчнаа мука и мучение* Тхн-185 49а–49б – и *святаа Парасковѣи глагола: не милуй, о игемоне, доброты временны, днесъ цвѣтущее, а на утрия увядаемое; но паче помилуй душу свою, яко жде(т) тебе вѣчная мука и томление* ВЧМ 1975; *с(вя)таа Ппараскевѣи ре(ч), не милуи гѣмоне доброты временныя, днь(сь) цвѣтуща, а утрѣ увядающа. но паче милуи д(у)шу свою, яко жде(т) тебе вѣчнаа мука, и мучение не имуци конца* ТСЛ-755 286 об. – 287 и мн. др.

Лексические разночтения в исследуемых списках памятника

Речь пойдёт о таких разночтениях, где лексема из Тхн-185 «проявляет себя» как факт разговорного (иначе: не книжного) языка, может быть, даже просторечия, хотя последнее понятие, получившее терминологический статус, даже применительно к XVIII в., несмотря на блестящее исследование Г. П. Князьковой [1974], весьма условно, а говорить о нём применительно к более ранним периодам русского языка очень затруднительно.

О слове *говорити* как нехарактерном для церковнославянского языка писал в своё время М. В. Ломоносов [1952, с. 588], и у нас есть все основания считать его разговорным в отличие от традиционно употребляемого в церковнославянских памятниках *глаголати*, ср.: *и лице ея было, какъ бы встѣмъ видячи(м) дивити ся, и говорити* Тхн-185 48а – *и лице ея бысть свѣтло, яко встѣмъ, зрящемъ на ню, дивитися и глаголати* ВЧМ 1974; *и бы(сть) лице ея свѣтъ ся яко (ж) аг(г)лу. яко встѣ(м) видѣвши(м) ю дивити (с) и гл(аго)лати* ТСЛ-755 285 об. и мн. др.

Ещё несколько примеров, в которых разговорная окрашенность лексем из Тхн-185 не вызывает сомнения:

чинити – творити: *рци ми д(е)в(и)це, которыми влѣшбами, сиа дѣла чиниши* Тхн-185 51а–51б – *рци ми, о дѣвице, кими волешибами твориши сиа дѣла* ВЧМ 1977; *рци ми д(е)в(и)це, кыми волешибами твориши сиа дѣтели* ТСЛ-755 289;

замкнути (двери) – утвердити (двери): *сторожи жь темнични, замкнувшие двери ѿшли* Тхн-185 49г – *стражіе же темнични, утвердившие двери, отъидоша* ВЧМ 1976; *стражіе же темнични утвердившее двери темница съ всякы(м) утвержд(е)ніемъ, и ѿидоша* ТСЛ-755 287 об.;

кликнути – звати – вопияти: *тогда вси людие кликнули говорече, великъ Б(о)гъ хр(ис)тианьскыи* Тхн-185 51г – *тогда народи звааху, глаголюще: великъ Богъ христіанескъ* ВЧМ 1978; *тог(д)а же народи видѣвши, вопіаху гл(аголю)ще, вели(к) Б(о)гъ хр(ис)тіанескъ* ТСЛ-755 289 об.

Список разговорной лексики можно было бы продолжать, он интересен и сам по себе – нечасто в церковнославянском тексте встретишь подобные слова, но главное здесь – методологическая ценность нашего источника. Общая разговорная, простонародная (может быть, и просторечная, в любом случае – простая и безыскусная) ориентация языка Мучения Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 заставляет под этим углом зрения посмотреть на весь словарный состав текста. Бесспорна «простота» слов *дотуль ... докуль* (а не *толми ... дондеже*, как в ВЧМ, или *дотоле ... дондеже*, как в ТСЛ-755), *перекладати* (а не *премяяти ся*), *какъ* (а не *яко*), *учинити* (а не *сотворити*) и мн. др. Но словарный состав памятника по данному списку включает в себя и слова нейтральные, стилистически не окрашенные (в современном восприятии), однако противопоставленные определённым лексемам в двух других списках, церковнославянский статус которых не подлежит сомнению. Такие соответствия мне представляются особенно интересными, ибо дают возможность переступить границу времени: из «навязанного» современным состоянием языка представления о функциональных особенностях его словарного состава попытаться проникнуть в прошлое и понять, что же было в языке, точнее, в языковой оценке письменной речи. Наглядный (благодаря М. В. Ломоносову) пример *говорити* – *глаголати*, но здесь же оказываются и такие соответствия (Тхн-185 – ВМЧ – ТСЛ-755), как *некоторый* – *некий* – *етерь*; *напрасно* – *внезапу* – *внезапу*; *молити ся* – *жрети* – *пожрети*; *коли* – *яко* – *внегда*; *одинъ* – *онсица* – *некий*; *отворити ся* – *отверзти ся* – *отверзти ся* и мн. др.

Лексико-словообразовательные различия в языке списков

Классификация лексических различий связана прежде всего с диалектным материалом, она предлагалась многими лингвистами – диалектологами [Блинова, 1966], лингвотекстологами [Панин, 1995, с. 127–162], но базовой здесь была и остаётся статья Л. П. Жуковской [1957], создававшей её в ходе работы над Диалектологическим атласом русского языка, поз-

же эта статья вошла в совместную с Р. И. Аванесовым публикацию (см. [Вопросы теории..., 1962]), которая оценивалась самой Л. П. Жуковской гораздо ниже публикации 1957 г., поскольку там, как она считала, была утрачена основная идея. Лексические различия в словообразовании (хотя, наверное, здесь была бы более уместной отсылка не к словообразованию, а к словопроизводству [Тимофеев, 1993]), как показывает опыт лингвотекстологических исследований, дают очень многое в понимании развития языка, поскольку это более «тонкое» и органичное развитие и соотношение лексики, позволяющее понять движение языка на начальном этапе, и в этом главное отличие от собственно лексических различий, которые предстают перед исследователем в виде лексикографически отягощённых вокабул.

Из лексико-словообразовательных особенностей Тхн-185 необходимо назвать несколько наиболее впечатляющих, которые представляют этот текст как выразительный, яркий и позволяют удивиться самобытности и таланту его создателя (может быть, это был писец-редактор, но может быть, он просто переписал то, что оказалось под его рукой). Это прежде всего слово *дочка*, столь же неожиданное в церковнославянском тексте, как и ранее приведённое *што*.

Разночтение *дочка* – *д(ъ)ици*. Явно разговорная форма в Тхн-185, очень редко встречающаяся в церковнославянских текстах, ей противопоставлена традиционная форма *дъци*. Эта последняя форма ввиду частой употребительности в житиях и гомилиях стала уже своеобразным клише для церковно-книжных текстов. Форма *д(ъ)ици* ‘дочь’ обычна и зачастую единственна, начиная с древнейших русских церковнославянских памятников, хотя и форма *дъчка* встречается, например, в Синайском Патерике XI в. и в некоторых более поздних рукописях, а вост.-слав. *дъчи* = *дочи* = *дъци* = *дчи* представлена примерами, как правило, из оригинальных древнерусских текстов и весьма обильно (Срезневский, 1958, т. 1, стб. 762–763). Уменьшительное *дочка* точно не входило в церковнославянский лексикон. Ср.: 1) *дочка некоего боарина имя еи парасковѣи* Тхн-185 47а – *дѣци нѣкоего сунѣклитикѣи, именемъ Параскевѣи* ВЧМ 1973; *дѣци нѣкоего болярина, имя еи парасковѣи* ТСЛ-755 284 об.; 2) *пресвѣтлыи гѣмоне есть у гра(д)ѣ нашемъ д(ѣ)в(и)ца живет. дочка одного боярина* Тхн-185 47г – *свѣтлыи игѣмоне есть во градѣ семъ дѣвица живуци, дѣци онѣсици сунклитика* ВЧМ 1974; *пресвѣтлыи гѣмоне, е(сть) въ градѣ наше(м) дѣвица живуци, дѣци нѣкоего сунѣклитика* ТСЛ-755 285 об.

Здесь же находим разночтение *боаринъ* (*бояринъ*) – *сунѣклитикѣи*. Эти две лексемы отражают разный культурновоспринимающий мир и разный социальный мир. Русский и греческий, первый – понятный для русского читателя, а второй – ставящий этого читателя в затруднение (что, впрочем, не отторгало от православных ценностей, но придавало тексту явный оттенок книжности и учености, точнее, ученой непонятности и замкнутости), как, например, замену привычного для нас *декан факультета* на *менеджер факультета*. Словарная статья *бояринъ* = *боляринъ* ‘член высшего сословия, ἄρχων, μεγίσταν, συγκλητικός, optimas, dynasta’ хорошо разработана у Срезневского (1958, т. 1, стб. 160–162), который специально оговаривает, что форму *боляринъ* можно считать преимущественно русской, и дает толкование этого термина. Форма *боаринъ*, хотя и упоминается ранее с отсылкой к *бояринъ* (Срезневский, 1958, т. 1, стб. 124), здесь не подтверждена примерами. Греческого заимствования *синклитикии* у Срезневского нет, но приведено существительное женского рода *синклитикия* = *сунклитикия* (греч. συγκλητική) ‘жена члена синклита’, которое отмечено Синайским Патериком XI в. (Срезневский, 1958, т. 3, стб. 357).

Часто встречается разночтение *суд* – *судище*, например: *слышав же гѣмонъ. повѣлѣтъ с(вя)тѣи д(е)в(и)ци стати на судѣ* Тхн-185 48а – *слышавъ же Аетій игѣмонъ, повелѣтъ святуу дѣвицу поставити предъ судищемъ* ВЧМ 1974; *слыша|шав [так!] же игѣмонъ, в томъ часть повелѣтъ с(вя)туу д(е)в(и)цу, пре(д)ставити на судищи* ТСЛ-755 285 об.

В значении ‘брать, взять’ в данном тексте ТХН-185 регулярно употребляется глагол *няти*, а в двух других списках находим этимологически однокоренные *яти* и (или) *имати*. Первая лексема – производная в словообразовательной системе древнерусского языка. Приставоч-

ные образования *сън-яти*, *вън-яти* в результате переразложения основы (*съ-няти*, *въ-няти*) «дали жизнь» неоправданным с точки зрения этимологии лексемам *объняти*, *уняти*, *переняти* и под. и далее слову *няти*. Это пример того, как фонетические модификации, разграничивающие сферы употребления (церковно-разговорную и церковно-книжную), становятся лексическими противопоставлениями. Ср.: 1) и *няли* с(вя)тую Парасковгю. и пришед же гъмонъ къ граду икониско(му) Тхн-185 47в – *яша* святую дѣвицу Параскевъгю и всадиша ю в темницу. Пришедъ же игъмонъ ко граду Иконію ВЧМ 1973; и вниде въ гра(д) иконіискыи. вни (ж) *имше* с(вя)тую Парасковгю. и прише(д)ша къ граду ТСЛ-755 285; 2) и *немше* ю в тои часъ всадили есмо, у темницу Тхн-185 48а – и слышавше есмъ повелѣніе самодержца, *имше* ю, держимъ в темници ВЧМ 1974; и не може (м) терпѣти досаж-(д)еніа еа. и повелѣхо(м) *яті* ю, и дон(ы)нѣ держима е(сть) ТСЛ-755 285 об.; 3) и *въставиши*, и *няла* кумира за ногу Тхн-185 50г – и *въставиши*, *я* за ногу аполонову ВЧМ 1977; и *въставъ абіе ятъ* за ногу аполлону ТСЛ-755 288 об.

Русизмы (восточнославянизмы) в тексте Мучения Параскевы Пятницы в списке Тхн-185

Прежде всего, это восточнославянизмы, которые отмечены фонетическими чертами. Наиболее представительными являются две группы слов и форм: 1) полногласная лексика и 2) формы и слова, демонстрирующие употребление восточнославянского *ч* в соответствии с более типичным для церковнославянских памятников *щ*.

Первая группа представлена словами *городъ* (6 примеров), *голосъ* (5), *переставати* (2), по одному примеру *перестати*, *голова*, *горожане*, *перекладати*, *передъ*, *сторожи* (мн. ч.), в двух других списках соответствующая неполногласная лексика. Особый интерес представляют случаи употребления в Тхн-185 неполногласных слов. Их несколько. В первом находим одновременное употребление слов *градъ* и *городъ*, ср.: *пришедъ же гъмонъ къ граду Икониско(му) приступивше жь к' граду* Тхн-185 47в. Редактор (автор данной стилистической редакции) чётко чувствовал стилистическую разницу между официальным употреблением *градъ Иконискии* и обыденным *городъ*. О таком же чувстве «стилистической ответственности» свидетельствует ещё один пример – употребление формы *безгласна*, единственно возможной для описания ситуации, ср.: *въвръжена жь с(вя)таа м(у)ч(е)ница. лежала жь безгласна* Тхн-185 49г. Наконец, слова *временныи* и *преставити ся* ‘скончаться’, существовавшие в языковой литературной традиции практически только в неполногласной форме.

Равным образом и в группе форм с восточнославянским *ч* в соответствии с *щ*, традиционно представленным в церковнославянских памятниках, находим несколько примеров так называемых славянизмов.

Для нашего текста обычны причастия с суффиксами *-ач*, *-уч*, их достаточно много – причастные формы, как правило, избыточны в любом «книжном» тексте. Нетипичность Тхн-185 в том, что в подавляющем большинстве это восточнославянские формы: *не переставаячи*, *будучи*, *говорячи*, *имѣючи*, *носячи*, *крычае*, *постяче* и мн. др., но в нескольких контекстах находим причастия с суффиксами *-ащ*, *-уш*. И здесь опять проявляется стилистическая чуткость редактора: нет автоматической замены на русскую форму: книжная форма берётся из традиции церковнославянского текста. Ср.: *с(вя)таа рекъла, не милуи доброты временныа игъмоне. н(ы)нѣ цвѣтущую. а заутра увядающую* Тхн-185 49а; *нашли жь ю молящую ся и поющи* Тхн-185 50б. Формы *цвѣтущи*, *увядающи*, *молящи ся*, безусловно, связаны с традицией церковнославянских памятников, и их логично ожидать в данном тексте. Что касается формы *поющи*, то она скорее всего появилась по аналогии с предшествующим славянизмом: в предыдущем предложении находим *с(вя)таа жь м(у)ч(е)ница х(ристо)ва была молящи ся Б(о)гу, и поючи до заутриа* Тхн-185 50б.

Из глагольных форм *ч* находим также в формах инфинитива (*въверечи*, *помочи*, *жечи*) и 2 л. мн. ч. настоящего времени (*клеветече*).

Кроме этих употреблений отмечены именные формы: *полуночи жь быль тругъ великъ* Тхн-185 49г–50 (в *полунищи* ТСЛ-755 287 об.); *повелѣль сѣтъчи огньныа принести. и велѣль жечи по ребромъ еа* Тхн-185 51б.

Заключение

Выводы о «разговорном» («простом», может быть, простонародном) церковнославянском языке Мучения Параскевы Пятницы по списку Тхн-185 достаточно очевидны. Сейчас автор статьи проводит анализ грамматических особенностей текста, из которых самой яркой чертой является употребление форм перфекта без связки (классические формы перфекта появляются только в молитвах св. Параскевы). Для меня очевидно одно, язык памятника по данному списку разрушает миф о так называемом «втором южнославянском влиянии». Но, может быть, более значимы результаты исследования для понимания общих характеристик церковнославянского языка.

Анализ этого памятника и некоторых других позволяет, как мне кажется, по-новому взглянуть на то, что мы называем церковнославянским языком, во всяком случае, понять, что церковнославянский язык – это пока неопознанный лингвистический объект. И, может быть, не столько лингвистический, сколько филологический, ибо его и ранее, и сейчас нельзя оторвать от текста. Текст – та среда, в которой существует этот язык. Лингвистика – направление молодое, возникшее тогда, когда живая звучащая речь была признана объектом, достойным внимания учёных. Она восприняла тот инструментарий лингвистического анализа, который начиная с древности служил филологическим целям. Этот инструментарий хорошо представлен уже в «Искусстве грамматики» Дионисия Фракийского, но служил он не для описания и понимания языка как такового, главной задачей грамматики считалась «κρίσις ποιμάτων, ὃ δὲ κάλλιστόν ἐστι πάντων τῶν ἐν τῇ τέχνῃ» [Uhlig, 1965]. Это и помогает в квалификации того, что написано на церковнославянском языке: оно должно не только содержать традиционные формы и лексику этого языка (также с традиционной допустимостью нововведений), но и иметь функциональную соотнесённость, соответствовать сфере бытования церковнославянских текстов.

Список литературы

- Аврорин В. А.** Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука, 1975. 276 с.
- Блинова О. И.** К вопросу о типах лексических различий диалектного языка // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1966. С. 9–18.
- Вопросы теории лингвистической географии / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962. 254 с.
- Жуковская Л. П.** Типы лексических различий в диалектах русского языка // Вопросы языкознания. 1957. № 3. С. 102–111.
- Жуковская Л. П.** Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология. М., 1968. С. 199–332.
- Жуковская Л. П.** Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
- Жуковская Л. П.** Постоянная и варьирующаяся лексика в списках памятника (вопросы изучения и лексикографирования) // Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978. С. 173.
- Жуковская Л. П.** К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность (Житие Анисьи по спискам 1282–1632 гг.) // История русского языка. Исследования и тексты. М., 1982. С. 277–286.
- Захарова Л. А.** Данные современного диалекта как источник реконструкции говоров XVII в. // Русские говоры Сибири: Межвуз. сб. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 19–23.
- Князькова Г. П.** Русское просторечие второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1974. 256 с.

- Ломоносов М. В.** Полн. собр. соч.: В 11 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг.
- Палагина В. В.** Реконструкция исходного состояния вторичного говора (на материале томского говора): Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук (отдельные разделы) // В. В. Палагина: годы и труды. Томск: Изд-во ТГУ, 2007. С. 25–202.
- Панин Л. Г.** Лингвотекстологическое исследование Минейного Торжественника. Рукописи XIV–XVI вв. Новосибирск: Наука, 1988. 264 с.
- Панин Л. Г.** Об аспектах лингвотекстологического исследования памятников церковнославянской письменности // Академик Василий Михайлович Истрин: Тез. докл. областных научных чтений, посвящ. 125-летию со дня рождения учёного-филолога. 11–12 апреля 1990 г. Одесса, 1990. С. 25–26.
- Панин Л. Г.** О соотношении церковнославянского и современного русского литературного языков // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования языка. Калининград, 1992. С. 8–9.
- Панин Л. Г.** О языке русской письменности Сибири (XVII – начала XVIII в.) // Russian Linguistics. 1994. № 18. С. 159–176.
- Панин Л. Г.** История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск, 1995. 216 с.
- Пентковская Т. В.** Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. М.: МАКС Пресс, 2018. 160 с.
- Соболевский С. И.** История русского литературного языка / Изд. подгот. А. А. Алексеев. Л., 1980. 196 с.
- Тимофеев К. А.** Морфемика, словообразование, словопроизводство: Учеб. пособие для студентов-филологов. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 66 с.
- Флоря Б. Н.** Сказания о начале славянской письменности и современная им эпоха // Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. С. 5–69.
- Uhlig G.** (ed.). Διονύσιος ο Θραξ. Τέχνη Γραμματική, στο Grammatici Graeci. Leipzig, Teubner 1965, Bd. 1.

Список словарей

- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Рус. яз., 1978.
- Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1976. 1096 с.
- Срезневский И. И.** Материалы для словаря древнерусского языка: [В 3 т.]. М., 1958.
- СРНГ** – Словарь русских народных говоров. М.; Л.: Наука – СПб.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
- СРЯз** – Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1980. Вып. 7.
- СЦСиРЯ** – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук: [В 3 т.]. Репринт. изд. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1967. Т. 2.

References

- Avrorin V. A.** Problemy izucheniya funktsional'noi storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki) [Problems of Studying the Functional Side of Language (On the Subject of Sociolinguistics)]. Leningrad, Nauka, 1975, 276 p. (in Russ.)
- Blinova O. I.** K voprosu o tipakh leksicheskikh razlichii dialektного yazyka [On the Issue of the Types of Lexical Differences in Dialects]. In: Voprosy yazykoznaniya i sibirskoi dialektologii [Issues of Linguistics and Siberian Dialectology]. Tomsk, 1966, pp. 9–18. (in Russ.)
- Florya B. N.** Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti i sovremennaya im epokha [Tales of the Beginning of Slavic Writing and Their Era]. In: Skazaniya o nachale slavyanskoi pis'mennosti [Tales of the Beginning of Slavic Writing]. Moscow, Nauka, 1981, pp. 5–69. (in Russ.)
- Knyazkova G. P.** Russkoe prostorechie vtoroi poloviny XVIII v. [Russian Vernacular of the Second Half of the 18th Century]. Leningrad, Nauka, 1974, 256 p. (in Russ.)

- Lomonosov M. V.** Complete Works. In 11 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1952, vol. 7: Works on Philology. 1739–1758. (in Russ.)
- Palagina V. V.** Rekonstruktsiya ishodnogo sostoyaniya vtorichnogo govora (na materiale tomskogo govora): Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora filologicheskikh nauk (otdel'nye razdely) [Reconstruction of the Initial State of the Secondary Dialect (Based on the Material of the Tomsk Dialect): Dr. Phil. Sci. Diss.]. In: V. V. Palagina: gody i trudy [V. V. Palagina: Years and Works]. Tomsk, TSU Press, 2007, pp. 25–202. (in Russ.)
- Panin L. G.** Lingvotekstologicheskoe issledovanie Mineinogo Torzhestvennika. Rukopisi XIV–XVI vv. [Linguotextological Study of the Festal Menaion. Manuscripts of the 14th – 16th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 264 p. (in Russ.)
- Panin L. G.** Ob aspektakh lingvotekstologicheskogo issledovaniya pamyatnikov tserkovnoslavyanskoi pis'mennosti [On Aspects of Linguotextological Research of Monuments of Church Slavonic Writing]. In: Akademik Vasilii Mikhailovich Istrin. Tezisy dokladov oblastnykh nauchnykh chtenii, posvyashchennykh 125-letiyu so dnya rozhdeniya uchenogo-filologa. 11–12 aprelya 1990 g. [Vasilii M. Istrin, the Academician: Presentations of Regional Academic Readings Dedicated to the Researcher's 125th Anniversary. April 11–12, 1990]. Odessa, 1990, pp. 25–26. (in Russ.)
- Panin L. G.** O sootnoshenii tserkovnoslavyanskogo i sovremennogo russkogo literaturnogo yazykov [On the Correlation of Church Slavonic and Modern Russian Literary Languages]. In: Istoricheskie izmeneniya v yazykovoii sisteme kak rezul'tat funktsionirovaniya yazyka [Historical Changes in Language System as a Result of Language Functioning]. Kaliningrad, 1992, pp. 8–9. (in Russ.)
- Panin L. G.** O yazyke russkoi pis'mennosti Sibiri (XVII – nachala XVIII v.) [About the Language of Russian Writing in Siberia (XVII – Early XVIII Century)]. *Russian Linguistics*, 1994, no. 18, pp. 159–176. (in Russ.)
- Panin L. G.** Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya [History of the Church Slavonic Language and Linguistic Textology]. Novosibirsk, 1995, 216 p. (in Russ.)
- Pentkovskaya T. V.** Perevody Ierusalimskogo Tipikona v slavyanskoi traditsii. Lingvisticheskii aspekt [Translations of the Jerusalem Typicon in the Slavic Tradition. Linguistic Aspect]. Moscow, MAKSS Press, 2018, 160 p. (in Russ.)
- Sobolevsky S. I.** Istoriya russkogo literaturnogo yazyka [History of the Russian Literary Language]. Prep. by A. A. Alekseev. Leningrad, 1980, 196 p. (in Russ.)
- Timofeev K. A.** Morfemika, slovoobrazovanie, slovoпроизводство: Ucheb. posobie dlya studentov-filologov [Morphemics, Word Formation, Word Production]. Textbook for Students of Philology. Novosibirsk, NSU Press, 1993, 66 p. (in Russ.)
- Uhlig G.** (ed.). Διονύσιος ο Θραξ. Τέχνη Γραμματική, στο Grammatici Graeci. Leipzig, Teubner 1965, Bd. 1.
- Voprosy teorii lingvisticheskoi geografii [Questions of Theory of Linguistic Geography] / Ed. by R. I. Avanesov. Moscow, 1962, 254 p. (in Russ.)
- Zakharova L. A.** Dannye sovremennogo dialekta kak istochnik rekonstruktsii govorov XVII v. [Data of Modern Dialects as a Source of Reconstruction of Dialects of the 17th Century]. In: Russkie govory Sibiri [Russians Subdialects of Siberia]. An Intra-University Anthology. Tomsk, TSU Press, 1979, pp. 19–23. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Tipy leksicheskikh razlichii v dialektakh russkogo yazyka [Types of Lexical Differences in Russian Dialects]. *Voprosy yazykoznaniya [Issues of Linguistics]*. 1957, no. 3, pp. 102–111. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Tipologiya rukopisei drevnerusskogo polnogo aprakosa XI–XIV vv. v svyazi s lingvisticheskim izucheniem ikh [Typology of the Manuscripts of the Old Russian Complete Aprakos of the 11th – 14th Centuries in Connection with Their Linguistic Study]. In: Pamyatniki drevnerusskoi pis'mennosti: Yazyk i tekstologiya [Old Russian Written Monuments: Language and Textology]. Moscow, 1968, pp. 199–332. (in Russ.)

- Zhukovskaya L. P.** Tekstologiya i yazyk drevneishikh slavyanskikh pamyatnikov [Textology and Language of the Oldest Slavic Manuscripts]. Moscow, Nauka, 1976, 368 p. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** Postoyannaya i var'iruyushchayasya leksika v spiskakh pamyatnika (voprosy izucheniya i leksikografirovaniya) [Constant and Varying Vocabulary in the Copies of a Monument (Questions of Study and Lexicography)]. In: Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. Doklady sovetskoi delegatsii [Slavic Studies. VIII International Conference of Slavists. Reports of the Soviet Delegation]. Moscow, 1978, p. 173. (in Russ.)
- Zhukovskaya L. P.** K voprosu o yuzhnoslavyanskom vliyani na russkuyu pis'mennost' (Zhitie Anis'i po spiskam 1282–1632 gg.) [On the Question of the South Slavic Influence on the Russian Writing (The Life of Anisya according to the Copies of 1282–1632)]. In: Istoriya russkogo yazyka. Issledovaniya i teksty [History of the Russian Language. Studies and Texts]. Moscow, 1982, pp. 277–286. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Dal V. I.** Tolkovyiy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka [Explanatory Dictionary of the Great Living Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1978. (in Russ.)
- Dvoretsky I. H.** Latinsko-russkii slovar' [Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1976, 1096 p. (in Russ.)
- Fasmer M.** Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological Dictionary of Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1967. (in Russ.)
- Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Subdialects]. Moscow; Leningrad, Nauka – St. Petersburg, Nauka, 1965–2016, iss. 1–49. (in Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian Language of the 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1980, iss. 7. (in Russ.)
- Slovar' tserkovnoslavyanskogo i russkogo yazyka, sostavlennyyi Vtorym Otdeleniem Imperatorskoi Akademii Nauk [Dictionary of Church Slavonic and Russian Compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences]. In 3 vols. Reprint Edition. St. Petersburg, 2001. (in Russ.)
- Sreznevsky I. I.** Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language]. In 3 vols. Moscow, 1958. (in Russ.)

Информация об авторе

Леонид Григорьевич Панин, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Leonid G. Panin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 25.05.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 25.05.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 81.366

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33

Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия

Галина Ивановна Панова¹

Татьяна Валентиновна Викторина²

Антонина Евгеньевна Кузьмина³

¹⁻³ Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² t.viktorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9822-0391>

³ ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

Аннотация

В лингвистической литературе отсутствует общепринятая трактовка понятия «морфологические средства». Анализ языковых единиц, традиционно относимых к морфологическим средствам, выявляет наличие у них нескольких функциональных статусов: 1) категориальные, или собственно морфологические, средства – формообразующие аффиксы и вспомогательные слова, являющиеся носителями морфологических значений и конstituентами морфологических форм, базовых единиц флективной морфологии; 2) некатегориальное средство, синкретичное и случайное для морфологии, – супплетивные основы, содержащие лексическое и морфологическое значения и таким образом дублирующие выражение морфологической информации в словоформе категориальным средством; 3) языковые единицы, способные проявлять морфологическую значимость, дифференцируя омонимичные морфологические формы в структуре словоформ (чередующиеся звуки, ударение) или высказываний (интонация). Такую же функцию может выполнять порядок слов. Проведенное исследование позволяет уточнить дефиницию понятия «морфологические средства»: это языковые единицы, являющиеся носителями морфологических значений и конstituирующие морфологические формы.

Ключевые слова

морфологические средства, категориальные средства, некатегориальные средства, морфологическая форма, разграничение омонимичных морфологических форм, словоформа, высказывание

Для цитирования

Панова Г. И., Викторина Т. В., Кузьмина А. Е. Морфологические средства в русском языке: уточнение понятия // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 23–33. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33

Morphological Means in Russian: Clarification of the Concept

Galina I. Panova¹, Tatiana V. Viktorina², Antonina E. Kuzmina³

¹⁻³ Katanov Khakass State University
Abakan, Russian Federation

¹ gipanova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8375-8559>

² t.viktorina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9822-0391>

³ ivanova2979@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2702-2686>

Abstract

The concept of “morphological / grammatical means” is widely used in studies on the Russian language, although there is no generally accepted interpretation. This work analyzes the reflection of this concept in Russian studies and

© Панова Г. И., Викторина Т. В., Кузьмина А. Е., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 23–33

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 23–33

clarifies the status of those linguistic units that are traditionally referred to as morphological means: form-building affixes, alternating sounds (internal inflection), stress, supplementary word stems, auxiliary words, intonation, as well as word order. Our research has shown that these linguistic units have different functional status in the morphological structure of the Russian language. First, these are categorical, or actually morphological, means, represented by formative affixes and auxiliary words. They are carriers of morphological meanings in the structure of abstracted morphological forms – the basic units of inflectional Russian morphology. Secondly, a non-categorical means, syncretic and accidental for morphology, are supplementary stems that contain not only lexical, but also morphological meaning and thus duplicate the expression of morphological information in a word form with a form-building affix. Thirdly, these are linguistic units that are not elements of the morphological structure, but have morphological significance, which is manifested in their ability to differentiate homonymous morphological forms in the structure of word forms (alternating sounds and stress) or utterances (intonation). Word order can also perform a similar function. The study allows us to clarify the definition of the concept under consideration: morphological means are linguistic units that are carriers of morphological meanings and constituents of morphological forms.

Keywords

morphological means, categorical means, non-categorical means, morphological form, differentiation of homonymous morphological forms, word form, utterance

For citation

Panova G. I., Viktorina T. V., Kuzmina A. E. Morphological Means in Russian: Clarification of the Concept. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 23–33. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-23-33

О средствах выражения морфологических значений в русистике

Что такое средства выражения морфологических значений¹, филологам хорошо известно из учебных пособий по языкознанию и морфологии. Это – формообразующие аффиксы, чередования (или внутренняя флексия), ударение, вспомогательные слова, интонация, порядок слов (см.: [ЛЭС, 1990, с. 116; Тихонов, 2008, с. 721; РЯ, 2020, с. 119] и др.). Однако общепринятое определение этого понятия отсутствует. Видимо, в силу практической очевидности перечисленных единиц морфологические средства в целом как особый объект морфологии не рассматриваются в специальных исследованиях². Исключение составляет лишь пятитомная монография И. А. Мельчука «Курс общей морфологии», третья часть которой так и называется «Морфологические средства» [2000, с. 5–157]. В учебных пособиях по введению в языкознание и морфологии это понятие раскрывается (как и мы сделали это выше) путем представления его экстенционала, т. е. «перечисления элементов, входящих в него... как видовые его представители...» [Шелов, 1990, с. 24] (см. также [Реформатский, 1967, с. 263; Тихонов, 2002, с. 196, 201]). Что касается лексикографических источников, то понятие морфологических средств представлено, в отличие от других понятий морфологии, лишь в единичных случаях (см. [Ахманова, 1969, с. 448; Куликова, Салмина, 2002, с. 247–311], а также [Панова, 2010, с. 19]).

Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой «грамматическое средство» (отождествляемое с «грамматическим способом») определяется как «материальное выражение грамматических значений...» [1969, с. 448]. Практически такая же дефиниция дана в «Обучающем тематическом словаре ...» И. С. Куликовой и Д. В. Салминой: «Грамматические средства – материальное выражение ГЗ в составе словоформы» – с последующим перечислением конкретных средств, включая супплетивизм [2002, с. 295].

¹ Всё, что относится к «грамматике слова», мы вслед за А. В. Бондарко и И. А. Мельчуком определяем прилагательным *морфологический*, в частности *морфологическое значение*, *морфологическое средство*, *морфологическая форма*. Традиционно употребляемые термины *грамматическое значение* (ГЗ), *грамматическое средство*, *грамматическая форма* сохраняем только в цитатах.

² Нам известна диссертация О. А. Грачёвой [1983], посвященная анализу флексий в морфологическом и функциональном аспектах, однако родовое понятие *морфологические средства* там не затрагивается. Не отражается оно и в статье В. В. Лопатина «Морфологические категории в плане выражения» [1984], и в монографии Г. И. Пановой [1996], где рассматривается формальная репрезентация вида глагола и рода существительных в русском языке.

Приведенные определения понятия морфологических средств требуют определенных комментариев. Во-первых, они сформулированы, на наш взгляд, не вполне корректно: понятие предмета (*средство*) толкуется через процесс (*выражение*). Во-вторых, эти дефиниции не соответствуют природе формообразующих аффиксов, рассматриваемых как главное морфологическое средство, так как «материальное выражение» предполагает одностороннюю незначимую единицу языка, а аффикс – это двусторонняя, т. е. значимая, единица. Он включает означающее и означаемое, т. е. сочетание фонем (или фонему) как план его выражения и МЗ как план содержания.

И. А. Мельчук, придерживаясь в целом такого же понимания морфологических средств, не называет среди них аффиксы. Вначале приведем его дефиницию: «Морфологическим формальным средством называется языковое формальное средство, используемое для выражения некоторого морфологического значения... т. е. для построения морфологических означающих» (выделено нами. – Г. П., Т. В., А. К.) [Мельчук, 2000, с. 7]. В качестве базовых морфологических средств, составляющих «насущенный хлеб всех естественных языков», автор называет «цепочки фонем» (т. е. не что иное, как план выражения аффиксов); еще выделяет ударение и тоны (интонацию), чередование, порядок слов [Там же, с. 8–14].

Иных определений морфологических средств мы не обнаружили в литературе, однако получить представление о том, как их понимают другие лингвисты, можно. Для этого нужно обратиться к тем толкованиям морфологической формы (МФ), в которых она отождествляется с морфологическим средством. Их можно подразделить на два содержательных типа:

1) МФ – «звуковое выражение формального значения в слове» [Сидоров, 1945]; «материальный вид существования грамматического значения» [Шведова, 1979, с. 59]. Аналогичное понимание МФ у Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецова, С. Д. Кацнельсона, В. Г. Адмони и др.;

2) МФ – «языковые средства, служащие для выражения грамматических значений. Так, в слове *беру* окончание -у указывает на...» [Розенталь, Теленкова, 1972, с. 75]. Такого истолкования МФ придерживается большинство исследователей, например: А. Н. Гвоздев, А. В. Исаченко, Ю. С. Степанов, Л. Д. Чеснокова, Е. В. Матвеева.

Таким образом, одни лингвисты под морфологическим средством понимают план выражения морфологических аффиксов, другие – сами аффиксы. Думается, что эту непростую ситуацию с истолкованием морфологических средств можно интерпретировать следующим образом. В структуре морфологических аффиксов (и вспомогательных слов) средством выражения МЗ, бесспорно, являются фонемы (в речи – звуки, в которых они материально реализуются). Аналогично и в структуре словообразовательных и корневых морфем, а также в словесных единицах в целом. Следовательно, в материальном выражении МЗ отсутствует какая-либо морфологическая специфика. При этом в структуре словоформ в соответствии с традицией металингвистической коммуникации средствами выражения МЗ называют сами морфологические аффиксы, являющиеся носителями МЗ. Возможно, точнее было бы говорить, что аффиксы *включают* или *содержат* МЗ, а не *выражают*, но принято говорить *выражают*. Мы и о слове можем сказать, например, не только *Это слово имеет другое значение*, но и *Это слово выражает другое значение*. И в этом нет ошибки. Лингвистам известно, что значимые единицы данного уровня, включающие в себя значение и средство его выражения, на более высоком уровне, т. е. в структуре более сложных языковых единиц, могут сами выступать в качестве средства выражения. Так и аффикс в целом в структуре словоформы приобретает статус средства выражения МЗ, а словоформы в структуре высказывания становятся средством выражения смысловых отношений.

Интересно отметить, что И. А. Мельчук в третьей части монографии («Морфологические средства») исключает аффиксы из состава морфологических средств, однако в пятой части («Морфологические знаки») тоже употребляет подобные выражения, например: «аффиксы выражают исключительно *грамматические значения*» или «словоизменяющий аффикс выражает граммему или комбинацию граммем» (разрядка наша. – Г. П., Т. В., А. К.) [Мельчук, 2001, с. 163, 166].

Теперь обратимся к словарной статье энциклопедического словаря-справочника «Морфология русского языка», где дана такая информация о морфологических средствах: «**Средства выражения морфологических значений** – материальные элементы структуры языка, предназначенные для выражения морф. значений слова и являющиеся конституентом его морф. формы. В речи это звуки и комплексы звуков, составляющие план выражения формообразующих аффиксов и вспомогательных слов. <...>

В традиции морф. анализа С. в. м. з. условно называют сами формообразующие аффиксы и вспомогательные слова, хотя при этом известно, что они, будучи двусторонними единицами языка – морфемами, уже включают в себя морф. значение как план содержания. Поэтому более адекватными были бы выражения типа “Формообразующий суффикс -л- содержит морф. значение прошедшего времени” или “Звук [л] в структуре глагольной формы выражает морф. значение прош. времени”» [Панова, 2010, с. 19].

В данной работе морфологические средства подразделяются на категориальные – формообразующие аффиксы и вспомогательные слова, и некатегориальные – «любые элементы структуры слова (фонетические, словообразовательные, лексические), а также синтаксические элементы, которые дополнительно по отношению к категориальным средствам информируют о морф. значении словоформы. Это прежде всего супплетивные и морфонологические средства», т. е. чередующиеся звуки и ударение [Там же, с. 39–40].

Дальнейшее изучение формальной манифестации МЗ в русском языке привело нас к иному пониманию системы морфологических средств, которое мы и представим далее. И начнем с важного предварительного замечания: языковые единицы, определяемые нами ранее, с одной стороны, как категориальные морфологические средства, и, с другой стороны, как некатегориальные, существуют на разных уровнях морфологического строя, а также в структуре разных морфологических единиц, о которых и пойдет речь далее.

Морфологические формы и словоформы: разные уровни их существования

Адекватно представить систему средств выражения МЗ в русском языке можно, на наш взгляд, только с позиции разграничения разных уровней существования морфологического строя. Первый – это «уровень абстрагированной грамматической системы, рассматриваемой в отвлечении от лексики», второй – уровень ее репрезентации «в лексически конкретных единицах», третий – «уровень функционирования грамматических единиц в составе высказывания» [Бондарко, 1983, с. 100].

На уровне «абстрагированной грамматической системы» существуют морфологические формы [Панова, 2010, с. 25; 2020, с. 17]. Эти формы представляют собой единство: а) формообразующего аффикса (или служебного слова) и б) обобщенной основы слов данной части речи³. См. примеры графических аналогий некоторых МФ: [(осн. глаг.) + -у]; [(осн. сущ.) + -ами]; [самый + (осн. прилаг.) + -ый].

Таким образом, формообразующие аффиксы и вспомогательные слова существуют на абстрактном уровне морфологического строя как компоненты базовой единицы флективной русской морфологии – МФ. Эти средства имеют статус собственно морфологических, или категориальных, средств: они являются носителями словоизменятельных МЗ⁴ и конституентами как синтетических, так и аналитических МФ. Е. В. Клобуков справедливо определяет их как парадигматические средства, «поскольку они участвуют в образовании словоизменятельных парадигм слова» [Клобуков, 2007, с. 330].

³ МФ можно представить и как трехкомпонентную единицу, т. е. в развернутом виде, дифференцировав план содержания и план выражения морфологического средства. В таком случае МФ – это единство морфологического значения, его материального выражения и обобщенной основы слов данной части речи.

⁴ Если словоизменятельные МЗ и категории выражаются на уровне абстрагированных МФ, то классификационные – на уровне словоформ. В частности, вид глагола выражается его лексической основой, а род существительного – либо тоже основой слова, либо комплексным способом, с обязательным участием основы; см. об этом [Панова, 1996].

Формообразующие аффиксы логично называть также морфологическими аффиксами: термин *формообразующие* отражает функцию аффиксов, а *морфологические* – их принадлежность к морфологическому строю.

На уровне лексических единиц МФ репрезентируется в словоформе как единице языка. Словоформа (СФ) – это лексико-морфологическая единица, представляющая собой единство МФ и конкретной лексемы, например: *расскаж-у*; *дом-ами*; *самый добр-ый*. СФ отличается от МФ конкретным лексическим наполнением основы слова. В ее структуре происходит взаимодействие МФ и лексемы, с одной стороны, в плане содержания (между морфологическим и лексическим значениями), а с другой – в плане выражения (между означающими лексемами и МФ).

На уровне высказывания МФ репрезентируется в СФ как единице речи (в словоформе-синтаксеме), где тоже происходит взаимодействие в плане содержания и в плане выражения между МФ и элементами высказывания.

Чтобы определить подлинный статус всех тех языковых элементов, которые традиционно рассматривают как средства выражения МЗ, нужно учесть следующую ситуацию. В структуре словоформы сопряжены единицы трех уровней: лексического, морфологического и фонетического. Единицы последнего уровня обеспечивают план выражения лексических и морфологических знаков. Исторические изменения в фонетической системе языка нередко приводят к появлению омонимичных формообразующих аффиксов и, следовательно, омонимичных МФ. Однако омонимия языковых единиц мешает выполнению языком его главной, коммуникативной функции. И потому система языка находит способы и средства, чтобы скрыть омонимию абстрагированных МФ на более конкретных уровнях – в словоформе и, реже, в высказывании, если она является помехой для однозначной передачи смысла. Посмотрим, как происходит дифференциация омонимичных МФ в словоформах и высказываниях.

Способы преодоления омонимии МФ на разных уровнях

На уровне словоформ самый распространенный способ сокрытия омонимии МФ проявляется в том, что омонимичные формы не совмещаются в пределах одного слова. Например, у глаголов есть две омонимичные МФ, включающие нулевой суффикс и нулевую флексию (они возникли в результате определенных процессов в фонетической системе языка). Это 1) форма изъявительного наклонения прошедшего времени ед. ч. муж. р. – [(основа глагола) + Δ + $\emptyset$] и 2) форма повелительного наклонения 2 л. ед. ч. – [(основа глагола) + Δ + $\emptyset$]. Однако омонимии СФ не возникает, потому что они не встречаются в одном глаголе (за единственным исключением; см. далее). Это возможно благодаря наличию равнозначных суффиксов для прошедшего времени (-л- и Δ) и для императива (-и- и Δ). Если в СФ прошедшего времени представлен нулевой суффикс, то в СФ императива – материально выраженный, и наоборот, см.: *принёс- Δ - $\emptyset$* , но *принес-и- $\emptyset$* или *читай- Δ - $\emptyset$* , но *чита-л- $\emptyset$* .

Такой способ сокрытия омонимии МФ иногда делает непростым ее обнаружение даже для грамматиста. Так, оказывается, у существительных муж. р. есть омонимичные МФ с антонимичными МЗ, см.: 1) [(основа сущ.) + фл. -а] – МФ ед. ч. им. падежа и 2) [(основа сущ.) + фл. -а] – МФ мн. ч. им. падежа. Омонимия этих МФ скрыта, так как они реализуются в СФ разных субстантивов: *юноша*, *дедушка* (ед. ч.) – *господа*, *директора* (мн. ч.).

При совмещении же омонимичных МФ в пределах одного слова система языка тоже находит определенные средства их дифференциации, и такими средствами являются чередующиеся звуки и ударение. Приведем пример. Выше, когда мы писали о том, что омонимичные МФ с двумя нулевыми аффиксами реализуются в разных глаголах, мы отмечали наличие одного исключения. Этим исключением является глагол *лечь*, в котором репрезентируются обе МФ, однако омонимичных словоформ при этом не возникает. Этому препятствуют чередующиеся звуки, создавая морфонологические варианты лексической основы, см.: *лѣг* (- Δ - $\emptyset$) – *ляг* (- Δ - $\emptyset$).

Глаголы имеют еще одну пару МФ, включающих материально тождественные, хотя и разные по статусу аффиксы: 1) окончание 2 л. мн. ч. индикатива глаголов второго спряжения [(основа глагола) + *-ите*] и 2) суффикс и окончание 2 л. мн. ч. императива [(основа глагола) + *-и-* + *-те*]. Омонимия этих МФ (в отличие от предыдущих) проявляется и на уровне словоформ, например: *молч-ите* и *молч-и-те*, *гляд-ите* и *гляд-и-те*, а также у уникальной пары *е-шь* и *ешь-Δ-Ø*. В устной речи СФ ряда глаголов избавляются от омонимии благодаря разной позиции ударения: *суд-ите*, но *суд-и́-те*; *нос-ите*, но *нос-и́-те*, – но в письменной она остается у всех подобных словоформ.

Дифференцирующая функция ударения более заметна у существительных, в словоформах падежа-числа. Например, разная позиция ударения может разграничивать в устной речи омонимичные МФ им. падежа мн. ч. и род. падежа ед. ч. у субстантивов муж. р. с флексией *-а / -я*: (*директорá* – *дирéктора*, *якоря́* – *якоря*) и жен. р. с флексией *-и / -ы*: *го́ловы* – *голо́вы*, *ре́ки* – *рекí*. Как известно, в современном русском языке омонимия падежных словоформ широко распространена, причем не только в письменной, но и в устной речи (см., например, *ночи* – здесь совпадают словоформы им. и вин. падежей мн. ч. и род. и дат. падежей ед. ч.). И она исторически возрастает в связи с тенденцией развития русского языка по пути к анализму.

Таким образом, при совмещении омонимичных МФ в пределах одного слова система языка подключает к их дифференциации (однако не всегда) фонетические единицы – ударение или чередующиеся звуки как единицы плана выражения лексемы⁵.

Они приобретают морфологическую значимость, препятствуя возникновению омонимии словоформ путем создания их морфонологических вариантов, но сами по себе не связаны с каким-либо МЗ и не имеют статуса морфологических средств. В этом проявляется взаимодействие МФ с лексемой в плане выражения: оно направлено на «подавление» ее омонимии в словоформе и в конечном счете на создание условий качественного выполнения языком его коммуникативной функции.

Следовательно, чередующиеся звуки и ударение являются *не средствами выражения МЗ*, а *средствами разграничения МЗ с омонимичными означающими*. Если же омонимия МФ не разграничивается на уровне словоформ и при этом нарушает смысловую однозначность выражаемого смысла, то она дифференцируется в высказывании.

На уровне высказывания в качестве морфологического средства рассматривают обычно интонацию и порядок слов. Интонация проявляет собственно морфологическую значимость только при разграничении словоформ 2 л. изъявительного и повелительного наклонений, о которых шла речь выше. Например, *Сид-ите и молч-ите?* – *Сид-и-те и молч-и-те!* или *Ешь?* – *Ешь!* Их дифференциация актуальна для прагматического смысла высказывания: вопрос о действии (в данном случае) или же побуждение к его осуществлению. В русском языке интонация – это тоже не средство выражения МЗ, а средство дифференциации в устной речи морфологически омонимичных словоформ, разграничение которых значимо для содержания высказывания. В письменной речи в дифференциации этих словоформ участвуют знаки препинания в конце предложения или же контекст. Например, наличие «волшебного слова» *пожалуйста* предполагает соседство с императивной формой.

Порядок слов, на наш взгляд, крайне редко проявляет собственно морфологическую значимость, релевантную для передаваемого смысла. Это проявляется в единичных и несколько искусственных сочетаниях типа *глухие учёные* – *учёные глухие* (пример А. А. Реформатско-

⁵ Чередующиеся звуки и ударение могут дифференцировать не только омонимичные МФ в структуре словоформ, но также однокорневые видовые пары глаголов с омонимичными суффиксами (словоформы вида не имеют аналогов на уровне МФ). Имперфектив в этих парах образован при помощи суффикса *-а-* от перфектива с омонимичным суффиксом. См.: а) *созвать* (СВ) – *созывать* (НСВ), *собрать* – *собирать*, *сбежать* – *сбегать*; б) *засыпать* (СВ) – *засыпать* (НСВ), *нарэзать* – *нарэзать*, *натыкать* – *натыкать*. О том, что это разные суффиксы, свидетельствует их неодинаковое «поведение» при словоизменении. В личных формах суффикс *-а-* перфектива выпадает (*созов-у*, *созов-ёшь*), а имперфективный суффикс *-а-* присоединяет к себе интервокальный *-j-* (*созыва́j-у*, *созыва́j-ешь*).

го), где порядок расположения слов дифференцирует прилагательное и омонимичный субстантиват. И. А. Мельчук подобную «операцию» называет морфологическим «способом значащей линейной перестановки словоформ» [2001, с. 372].

Что касается омонимичных падежных словоформ, то их контекстуальная дифференциация не актуальна для смысла высказывания, так как падежные «семантические роли» обычно связаны с заполнением валентной позиции «господствующего» слова, и их могут «исполнять» как склоняемые, так и несклоняемые субстантивы, не нарушая, как правило, прозрачности смысловых отношений. См., например: *есть пальто – нет пальто – сшили пальто*. Порядок слов значим только для распознавания омонимичных падежных словоформ при их морфологическом анализе в известных случаях типа *Мать любит дочь – Дочь любит мать*.

Таким образом, интонация и иногда порядок слов, как чередующиеся звуки и ударение, тоже могут выступать в качестве разграничителей морфологически омонимичных словоформ, но только в высказывании.

Статус супплетивных основ слова

Особое внимание следует обратить на супплетивные основы слова, которые многие лингвисты (на наш взгляд, не без основания) тоже относят к средствам выражения МЗ (см. [Реформатский, 1967, с. 311; Кодухов, 2009, с. 218; Куликова, 2002, с. 295] и др.). Если чередование и ударение выполняют в словоформах морфологически дифференцирующую функцию, то супплетивные основы – дублирующую функцию. Они являются дополнительными по отношению к флексиям и суффиксам показателями (и выразителями) МЗ, причем более яркими, потому что составляют план выражения лексемы. См., например: *ребёнок-Ø – дети* (ср. *бык-Ø – быки*), *плохой – хуже* (ср.: *сухой – суше*), *иду – шёл* (ср.: *крашу – красил*)⁶.

И. А. Мельчук не относит супплетивные основы к морфологическим средствам. Исследователь полагает, что супплетивизм «представляет собой отношение между знаками; его надо рассматривать наравне с такими понятиями, как синонимия, омонимия...» [2001, с. 420]. По нашему мнению, и при такой, вполне правомерной, интерпретации супплетивных основ слова их следует считать средством выражения МЗ, так как они синкретичны и являются носителями не только тождественного лексического значения слова, но и разных его МЗ (*человек-Ø – люди*) [Панова, 2010, с. 39]. Однако это средство случайное для морфологии, абсолютно нерегулярное, не предполагаемое системой языка и не входящее в нее, это – некатегориальное средство. Появление супплетивных словоформ словоизменительного характера связано с определенными историческими процессами в лексической системе языка. Они возникли преимущественно в результате лексической конвергенции близких по значению слов, т. е. объединения определенных их форм в парадигму одной лексемы⁷. Например, словоформы числа *человек-Ø – люди* появились путем объединения словоформы ед. ч. из древнерусской пары *чловѣкъ – чловѣци* и мн. ч. из *людинъ – люди / люди*. Наличие в русском языке супплетивных основ как выразителей МЗ лексической основой слова, очевидно, делает целесообразным разграничивать понятия *морфологических средств* как компонентов морфологической системы и *средств выражения МЗ*, которые не являются ее компонентами. Аналогичную дублирующую функцию в современном русском языке выполняют суффиксы существительных типа *гусёнок-Ø – гусята*. Они тоже синкретичны: являясь компонентом лексической основы слова, выражают единое словообразовательное значение «невзрослости» и, параллельно с окончаниями, разные МЗ значения числа.

⁶ Кстати, подобную дублирующую функцию выполняют не только супплетивные основы, но иногда и чередующиеся звуки. Находясь в строго определенном морфологическом контексте, они тоже дополнительно по отношению к флексиям сигнализируют МЗ словоформы. Например, МЗ числа у существительных *ух-о – уш-и* и *ок-о – оч-и* или 1 л. ед. ч. у некоторых глаголов: *люблю, куплю, ловлю* (ср.: *любишь, любит, любим* и т. п.) либо *верчу, молочу, кручу* (ср.: *крутишь, крутит, крутим* и др.). Но это малозаметное явление в структуре словоформ.

⁷ Мы не рассматриваем вопрос о путях появления супплетивных словоформ в целом и не касаемся словоформ классификационного характера, как в сфере вида глагола или лица и числа личных и притяжательных местоимений. См. об этом: [Горбачевский, 1971; Мельчук, 2001, с. 419–445].

Завершая анализ морфологических средств в русском языке, прокомментируем фрагмент статьи «Грамматическая форма» в энциклопедии «Русский язык». «*Грамматическая форма* – материальный вид существования грамматического значения; единица языка, в которой грамматическое значение находит свое регулярное (стандартное) выражение. В пределах Г. ф. грамматические значения выражаются разными средствами: это аффиксы (в т. ч. нулевые), грамматические чередования... характер ударения, редупликация (повторы), служебные слова (предлоги, союзы, частицы), порядок слов, интонация» (курсив наш. – Г. П., Т. В., А. К.) [РЯ, 2020, с. 119].

Наше исследование показало, что «в пределах Г. ф.» (морфологической формы) МЗ выражаются только формообразующими аффиксами и вспомогательными словами, формирующими аналитические формы. Это частицы (*писал бы; пусть пишет, давай писать*), личные формы вспомогательного глагола *быть* (*буду писать*) и «слова сравнения» – термин А. А. Реформатского (*самый высокий, более / менее высокий, наиболее / наименее высокий*). Чередующиеся звуки, ударение, интонация и порядок слов не могут выражать МЗ, они могут только дифференцировать МЗ с омонимичными означающими (т. е. омонимичные МФ). Повтор же в русском языке совсем не имеет собственно морфологической значимости. Приводимые обычно в пособиях по введению в языкознание примеры типа *добрый-добрый* [Реформатский, 1967, с. 288], действительно, выражают значение, синонимичное семантике элативных словоформ типа *добрейший*, которые многие грамматисты включают в систему категории сравнения. Но это не МФ. Кстати, такую же семантику выражают и сочетания типа *очень добрый*; студенты нередко ошибочно приводят их как примеры аналитических форм превосходной степени.

В завершение статьи логично сопоставить наше современное представление о морфологических средствах в русском языке с тем, которое было отражено в словаре-справочнике [Панова, 2010, с. 19, 39]. Во-первых, мы отказываемся от понимания морфологических средств как материальных средств выражения МЗ, потому что, как уже отмечалось, в этом нет морфологической специфики. Любые типы языковых значений – морфологические, словообразовательные, лексические – имеют тождественное материальное выражение: в речи это звуки (цепочки звуков), соотносящиеся соответствующим образом с функциональными единицами языка – фонемами.

Во-вторых, ранее мы рассматривали чередующиеся звуки, ударение, супплетивные основы, интонацию, а также порядок слов как некатегориальные морфологические средства в отличие от категориальных средств – формообразующих аффиксов и вспомогательных слов⁸. Последние единицы конституируют МФ, а система однородных МФ (падежа, числа или лица) формирует морфологические категории, – и всё это в целом составляет остов морфологического строя флективного языка. Проведенный анализ показал, что так называемые «некатегориальные морфологические средства» вообще не выражают МЗ (за исключением супплетивных основ). Они только дифференцируют МЗ с омонимичными означающими, иначе говоря, дифференцируют омонимичные МФ в структуре словоформ (чередующиеся звуки и ударение) или высказывания (интонация, иногда порядок слов). Именно в этом и заключается их морфологическая значимость. Автономное положение занимают супплетивные основы: они являются синкретичными носителями тождественного лексического значения и параллельно разных МЗ, дублируя таким образом категориальное выражение МЗ в словоформе. Супплетивные основы – случайные «жители» в русской морфологии, они не являются собственно морфологическими средствами, но их можно рассматривать как некатегориальные средства выражения МЗ.

Проведенное исследование позволяет уточнить дефиницию понятия «морфологические средства»: это языковые единицы, являющиеся носителями морфологических значений

⁸ Здесь не рассматриваются особенности самих морфологических средств: их типология в плане семантической нагруженности, виды сочетаемости в структуре комплексных МФ, непосредственный и опосредованный характер выражения МЗ и др. (Частично это отражено в [Панова, 2016, с. 234].)

и конститuentами МФ. Как следует из предшествующего изложения, таковыми являются формообразующие, или морфологические, аффиксы, конституирующие синтетические морфологические формы, и вспомогательные слова, конституирующие аналитические формы.

Список литературы

- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1969. 607 с.
- Бондарко А. В.** Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983. 207 с.
- Горбачевский А. А.** Супплетивизм в русском языке (в сопоставлении с другими славянскими языками): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1971. 21 с.
- Грачёва О. А.** Система флексий современного русского литературного языка: Морфологический и функциональный анализ: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 243 с.
- Клобуков Е. В.** Морфология // Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык: Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Филология». 4-е изд. / Под ред. П. А. Леканта. М.: Дрофа, 2007. С. 238–354.
- Кодухов В. И.** Введение в языкознание: Учебник для студентов педагогических институтов по специальности «Русский язык и литература». 3-е изд., стереотип. М.: Альянс, 2009. 285 с.
- Куликова И. С., Салмина Д. В.** Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002. 352 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь** / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Лопатин В. В.** Морфологические категории в плане выражения // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984. С. 3–13.
- Мельчук И. А.** Курс общей морфологии. Москва; Вена: Языки славянской культуры, 2000. Т. 3, ч. 3: Морфологические средства; ч. 4: Морфологические синтактики. С. 5–158; 2001. Т. 4, ч. 5: Морфологические знаки. С. 5–158.
- Панова Г. И.** Морфологические категории в современном русском языке: аспекты формального выражения глагольного вида и рода существительных. СПб.; Абакан, 1996. 164 с.
- Панова Г. И.** Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. 2-е изд. М.: КомКнига, 2010. 448 с.
- Панова Г. И.** О формальном выражении вида и времени русского глагола // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 228–240.
- Панова Г. И.** О стратификации морфологических единиц и явлений в грамматическом строе русского языка // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература: изучение и преподавание. 2020. № 1 (1). С. 16–21.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. 4-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1967. 512 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1972. 495 с.
- РЯ – Русский язык. Энциклопедия** / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН; под общ. ред. А. М. Молдована. 3-е изд., перераб. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 904 с.
- Сидоров В. Н.** Морфология // Аванесов Р. А., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1945. Ч. 1: Фонетика и морфология. 234 с.
- Тихонов А. Н.** Морфология // Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык / Под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. М.: Флинта; Наука, 2008. Т. 1. С. 667–839.
- Тихонов А. Н.** Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель-трейд, 2002. 459 с.

Шведова Н. Ю. Грамматика // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 58–61.

Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 21–30.

References

- Akhmanova O. S.** Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1969, 607 p. (in Russ.)
- Bondarko A. V.** Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii [Principles of Functional Grammar and Aspects of Aspectology]. Leningrad, Nauka, 1983, 207 p. (in Russ.)
- Gorbachevsky A. A.** Suppletivizm v russkom yazyke (v sopostavlenii s drugimi slavyanskimi yazykami) [Suppletivism in the Russian Language (in Comparison with Other Slavic Languages)]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Dushanbe, 1971, 21 p. (in Russ.)
- Gracheva O. A.** Sistema fleksii sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: Morfologicheskii i funktsional'nyi analiz [The system of Inflections of the Modern Russian Literary Language: Morphological and Functional Analysis]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 1983, 243 p. (in Russ.)
- Klobukov E. V.** Morfologiya [Morphology]. In: Lekant P. A., Dibrova E. I., Kasatkin L. L., Klobukov E. V. Sovremennyy russkii yazyk [Modern Russian language]. Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Specialty "Philology". Ed. by P. A. Lekant. 4th ed. Moscow, Drofa Publ., 2007, pp. 238–354. (in Russ.)
- Kodukhov V. I.** Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to Linguistics]. Textbook for Students of Pedagogical Institutes in the Specialty "Russian Language and Literature". 3rd ed. Moscow, Alliance Publ., 2009, 285 p. (in Russ.)
- Kulikova I. S., Salmina D. V.** Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyi, leksikograficheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty lingvisticheskoi terminologii) [Introduction to Metalinguistics (Systemic, Lexicographic and Communicative-Pragmatic Aspects of Linguistic Terminology)]. St. Petersburg, SAGA Publ., 2002, 352 p. (in Russ.)
- Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1990, 682 p. (in Russ.)
- Lopatin V. V.** Morfologicheskie kategorii v plane vyrazheniya [Morphological Categories in Terms of Expression]. In: Russkii yazyk. Funktsionirovanie grammaticheskikh kategorii. Tekst i kontekst [Russian Language. Functioning of Grammatical Categories. Text and Context]. Moscow, 1984, pp. 3–13. (in Russ.)
- Melchuk I. A.** Kurs obshchei morfologii [Course of General Morphology]. Moscow, Vienna, Languages of Slavic Culture Publ., 2000, vol. 3, pt. 3: Morphological Tools; pt. 4: Morphological Syntactics, pp. 5–158; vol. 4, pt. 5: Morphological Signs, pp. 5–158. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologicheskie kategorii v sovremennom russkom yazyke: aspekty formal'nogo vyrazheniya glagol'nogo vida i roda sushchestvitel'nykh [Morphological Categories in Modern Russian: Aspects of the Formal Expression of the Verb Aspect and the Gender of Nouns]. St. Petersburg, Abakan, 1996, 164 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** Morfologiya russkogo yazyka [Morphology of the Russian Language]. An Encyclopedic Dictionary and Reference Book. 2nd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2010, 448 p. (in Russ.)
- Panova G. I.** O formal'nom vyrazhenii vida i vremeni russkogo glagola [On the Formal Expression of the Aspect and Tense of the Russian Verb]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2016, no. 4, pp. 228–240. (in Russ.)
- Panova G. I.** O stratifikatsii morfologicheskikh edinit i yavlenii v grammaticheskom stroe russkogo yazyka [On the Stratification of Morphological Units and Phenomena in the Grammatical Structure of the Russian Language] *Professorskii zhurnal. Seriya: Russkii yazyk i literatura: izuchenie i prepodavanie* [Professor's Journal. Series: Russian language and Literature: Study and Teaching], 2020, no. 1 (1), pp. 16–21. (in Russ.)

- Reformatsky A. A.** Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. 4th ed. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1967, 512 p. (in Russ.)
- Rosenthal D. E., Telenkova M. A.** Spravochnik lingvisticheskikh terminov [Directory of Linguistic Terms]. A Guide for Teachers. Moscow, Education Publ., 1972, 495 p. (in Russ.)
- Russkii yazyk. Entsiklopediya** [Russian Language. Encyclopedia]. Institute of Russian Language. Russian Academy of Sciences. Ed. by A. M. Moldovan. 3rd ed. Moscow, AST-PRESS SCHOOL Publ., 2020, 904 p. (in Russ.)
- Sidorov V. N.** Morfologiya [Morphology]. In: Ocherk grammatiki russkogo literaturnogo yazyka [Essay on the Grammar of the Russian Literary Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1945, pt. 1: Phonetics and Morphology, 234 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Grammatika [Grammar]. In: Russkii yazyk. Entsiklopediya [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, 1979, pp. 58–61. (in Russ.)
- Shelov S. D.** Ob opredelenii lingvisticheskikh terminov (opyt tipologii i interpretatsii) [On the Definition of Linguistic Terms (An Experiment in Typology and Interpretation)]. *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], 1990, no. 3, pp. 21–30. (in Russ.)
- Tikhonov A. N.** Sovremennyi russkii yazyk. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Modern Russian language. Morphemics. Word formation. Morphology]. Moscow, Citadel-trade, 2002, 459 p. (in Russ.)
- Tikhonov A. N.** Morfologiya [Morphology]. In: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov i ponyatii. Russkii yazyk [Encyclopedic Dictionary of Linguistic Terms and Concepts. Russian language]. Eds. A. N. Tikhonova, R. I. Khashimova. Moscow, Flinta, Nauka, 2008, vol. 1, pp. 667–839. (in Russ.)

Информация об авторах

Галина Ивановна Панова, доктор филологических наук, профессор

Татьяна Валентиновна Викторина, кандидат филологических наук, доцент

Антонина Евгеньевна Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Galina I. Panova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Tatiana V. Viktorina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Antonina E. Kuzmina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 25.05.2021;

одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021

The article was submitted 25.05.2021;

approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Научная статья

УДК 81'373.7 + 811.142 + 81'374.81
DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-34-43

К проблеме словарной репрезентации продуктивных фразеологических паттернов (на примере новогреческих фразеологизмов-конструкций)

Елизавета Сергеевна Онуфриева¹
Ирина Витальевна Тресорукова²

^{1,2} Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия

¹ lisa.onufrieva@gmail.com

² itresir@mail.ru

Аннотация

Проводится анализ словарной репрезентации фразеологизмов-конструкций – продуктивных фразеологических паттернов с переменным компонентом-слотом. На примере новогреческого фразеологизма-конструкции *Ótē va P* показано, что одной из проблем, связанной с репрезентацией фразеологизмов-конструкций, является их фиксация в словаре в лексически заполненном виде без указания на наличие слота. Данные корпусного анализа фразеологизма-конструкции *Ótē va P* свидетельствуют о том, что подобное лексикографическое представление продуктивного паттерна не соответствует языковой действительности, и указывают на необходимость разработки нового подхода к лексикографическому описанию этого типа фразеологизмов.

Ключевые слова

фразеологизмы-конструкции, фразеологические паттерны, фразеография, переменный компонент, слот, новогреческий язык

Для цитирования

Онуфриева Е. С., Тресорукова И. В. К проблеме словарной репрезентации продуктивных фразеологических паттернов (на примере новогреческих фразеологизмов-конструкций) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 34–43. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-34-43

On the Problem of Lexicographical Representation of Productive Phraseological Patterns (As Shown by Modern Greek Constructional Phrasemes)

Elizaveta S. Onufrieva¹, Irina V. Tresorukova²

^{1,2} Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

¹ lisa.onufrieva@gmail.com

² itresir@mail.ru

Abstract

This paper discusses the problems of lexicographical representation of Modern Greek constructional phrasemes – productive phraseological patterns with one or more variable components (slots).

© Онуфриева Е. С., Тресорукова И. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 34–43

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 34–43

The analysis of Modern Greek general and phraseological dictionaries has shown that, in Modern Greek lexicography, there is no unified approach towards the description of this type of phraseologisms. One of the significant problems associated with lexicographical treatment of Modern Greek constructional phrasemes is that some of them are registered in dictionaries as fully fixed expressions with their slot(s) filled with a specific lexeme or a specific proposition, without any indication that these expressions possess a variable component. Such lexicographical representation of productive phraseological patterns does not reflect the real linguistic usage and does not allow the reader of the dictionary to understand that the expressions described in the dictionary as fully fixed show considerable variation and possess one or two slots that can be filled with a wide range of words or word combinations.

The corpus analysis of the constructional phraseme *Ótē va P* (literally, ‘neither if’), which is registered in Modern Greek dictionaries in five different, all fully lexically specified forms, has shown that the specific realizations of this productive phraseological pattern included in the dictionaries either have relatively low frequency of occurrence in the corpus, or are not encountered in the corpus at all. Other realizations of this phraseological pattern account for over 92 % of all the cases of its use in the corpus, but the common pattern behind them can hardly be identified with the help of the existing lexicographical descriptions, as it is registered in the dictionaries under the lemmas of five different lexemes that do not form part of its fixed component.

Based on the findings of this study, the paper raises the issue of developing a new approach towards the description of productive phraseological patterns that currently pose a significant challenge for adequate lexicographical representation.

Keywords

constructional phrasemes, phraseological patterns, phraseography, variable component, slot, Modern Greek language

For citation

Onufrieva E. S., Tresorukova I. V. On the Problem of Lexicographical Representation of Productive Phraseological Patterns (As Shown by Modern Greek Constructional Phrasemes). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 34–43. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-34-43

Введение

Появление в последние десятилетия новых теоретических и практических направлений в лингвистике изменило положение фразеологии как научной дисциплины. Как указывает Д. О. Добровольский, в современной лингвистике фразеология переместилась «с периферийного места, которое она долго занимала, в центр теоретических интересов» [2016, с. 19]. Этому в первую очередь способствовало создание больших корпусов текстов и разработка систем машинного перевода, а также продолжающееся в лингвистике развитие междисциплинарных подходов.

Работа с корпусами текстов оказала влияние и на развитие самой фразеологии, дав возможность верифицировать многие устоявшиеся представления, основывавшиеся на интуиции исследователей. Так, стало очевидным, что некоторые из фразеологических единиц, традиционно относимых к «ядру» фразеологии, в действительности имеют низкую частотность употребления, в то время как частотность многих языковых явлений, относимых ранее к «периферии» фразеологии или вовсе из нее исключавшихся, очень высока (см., например, [Granger, Raquot, 2008, p. 29; Добровольский, 2016, с. 12]).

Корпусные данные дали исследователям более полное представление о степени и типах вариативности устойчивых выражений (см., например, [Philip, 2008, p. 95; Fellbaum, 2016, p. 412]) и наглядно подтвердили утверждение Дж. Синклера о том, что многие «так называемые “фиксированные фразы” в действительности фиксированными не являются»¹ [Sinclair, 2004, p. 30].

Значимым шагом для современной фразеологии стало также осознание того, что большинство устойчивых выражений представляет собой частные случаи реализации более общих паттернов (об этом см. [Steyer, 2015; 2020]). Именно это, по мнению К. Штайер, ставит фразеологию и, как следствие, фразеографию перед лицом смены парадигмы [Steyer, 2015, pp. 279, 281].

К. Штайер отмечает, что «традиционный фокус на сильно лексикализованных, часто идиоматичных многословных выражениях привел к завышенной оценке их уникального ста-

¹ Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, перевод авторов статьи.

туса в ментальном лексиконе» [Steyer, 2015, pp. 295–296], в то время как в действительности «большинство многословных выражений представляет собой типичные лексические реализации шаблонов (“паттернов многословных выражений”), которые появились в результате постоянного использования и могут быть заполнены постоянно меняющимися лексическими элементами» [Ibid., p. 279], «как фразеологическими, так и не фразеологическими» [Ibid., p. 281].

Одним из типов продуктивных паттернов являются фразеологизмы-конструкции – частично лексикализованные идиоматичные синтаксические схемы, обладающие лексическим значением и являющиеся единицами лексикона. Термин «фразеологизмы-конструкции», предложенный Д. О. Добровольским [Dobrovolskij, 2011, S. 114], включившим этот класс фразеологизмов во фразеологическую классификацию, отражает новый, междисциплинарный подход к изучению и описанию фразеологических единиц.

Цель нашей статьи – показать на примере новогреческого фразеологизма-конструкции *Ούτε να Ρ* (букв. ‘ни если *Ρ*’) то, как представлен в новогреческих словарях класс фразеологизмов-конструкций, и продемонстрировать, что за словарной репрезентацией некоторых выражений как полностью фиксированных фразеологизмов могут в действительности скрываться продуктивные фразеологические паттерны ².

1. Понятие фразеологизмов-конструкций и их место в современной греческой лексикографии

Фразеологизмы-конструкции (ФК), выделенные как отдельный класс фразеологизмов в классификации А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, представляют собой «синтаксически автономные выражения устойчивого состава, в которых пропущены некоторые элементы (актанты – обычные или пропозициональные) ³. При этом фиксированные элементы конструкции, вместе с ее синтаксисом, характеризуются единым значением, приближающимся к лексическому» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 88].

Основным структурным признаком ФК является наличие идиоматичной фиксированной части и свободной переменной части – «пустого слота», заполняемого в зависимости от контекста и намерения говорящего. Другим важным свойством ФК является их синтаксическая автономность, позволяющая отличить их от грамматических фразеологизмов [Там же, с. 86, 88].

Частично ФК соответствуют структурам, известным в зарубежной научной литературе под названиями *formal / lexically open idioms* [Fillmore et al., 1988. P. 505], *Phraseoschablonen* [Fleischer, 1982, S. 135], *φρασεολογήματα* [Σετάτος, 1994, Σ. 177–178] и в русистике как *фразеологизированные построения* [Шведова, 1960, с. 269], *фразеосхемы* [Шмелев, 2002, с. 419] и пр.

Для данной статьи мы проанализировали, как отображаются ФК в наиболее известных и авторитетных одноязычных словарях новогреческого языка:

- «Пользовательском словаре новогреческого языка» Афинской академии под редакцией Х. Хараламбакиса (Χρηστικό λεξικό, 2014);
- «Словаре стандартного новогреческого языка» Института новогреческих исследований Университета имени Аристотеля в Салониках – так называемом «Словаре Триандафиллидиса» (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, 1998);

² По определению К. Штайер, фразеологические паттерны (multiword / multiword expression patterns) представляют собой «конвенциональные лексические схемы, застывшие в результате постоянного использования», и «состоят из фиксированного лексического компонента, а также облигаторных слотов, которые могут быть заполнены конкретными единицами» [Steyer, 2020, pp. 277–278]. При этом для паттернов, описываемых К. Штайер, не является обязательным свойством идиоматичность, присущая фразеологизмам-конструкциям, выделяемым А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским [2014, с. 87].

³ Далее в статье простые актанты будут обозначаться символами *X* или *Y*, а пропозициональные – *P*.

- «Словаре новогреческого языка» Г. Бабиньотиса (Μπαμπινιώτης, 2005).

Кроме академических словарей были также проанализированы одноязычные фразеологические словари и сборники фразеологизмов:

- «Словарь народного и периферийного языка» Г. Катоса (Κάτος, 2016);
- сборник устойчивых выражений «Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις»

Н. Сарандакоса (Σαραντάκος, 2013).

Анализ словарной репрезентации новогреческих ФК свидетельствует об отсутствии в новогреческой лексикографии единого подхода к описанию этого типа фразеологизмов, а также указывает на существование ряда проблем, связанных с отображением в словаре продуктивных фразеологических паттернов. Одна из них связана с их репрезентацией в словаре в лексически заполненном виде – как полностью фиксированных выражений⁴. Более подробно этот тип словарной репрезентации фразеологических паттернов мы рассмотрим далее на примере новогреческого ФК *Ούτε να Ρ*.

2. Новогреческий ФК *Ούτε να Ρ* и его словарные описания

Новогреческий ФК *Ούτε να Ρ* (букв. ‘ни если *Ρ*’) состоит из двух компонентов – фиксированного и переменного. Фиксированный компонент образован союзом *ούτε* ‘ни’ (реже *μήτε* с тем же значением) и полифункциональным служебным элементом *να*, который в данном случае мы считаем корректным перевести как ‘если’. Слот ФК заполняется каким-либо пропозициональным актантом (*Ρ*).

В новогреческой литературе этот ФК встречается уже в произведениях начала XX в. Самое раннее его употребление, встретившееся нам, – в рассказе А. Эфталлотиса «Τ’ όμορφο το χωριό» – датируется 1900 г.:

- (1a) *Μέτρο δεν είχε τότες η χαρά του Παυλή. Μήτε στον Άγιο Τάφο να πήγαινε.*
букв. ‘Предела не было тогда радости Павлиса. **Ни к Святому Гробу если бы он шел.**’

По всей видимости, ФК *Ούτε να Ρ* представляет собой редуцированный вариант синтаксически регулярного построения *Ούτε / Μήτε να Ρ₁, (δεν) θα Ρ₂* ‘Даже если бы *Ρ₁*, то бы не *Ρ₂*’. С учетом этого пример (1a) можно условно реконструировать следующим образом:

- (1b) *Μήτε στον Άγιο Τάφο να πήγαινε, δεν θα χαίρόταν τόσο πολύ.*
‘Даже если бы он шел к Святому Гробу, он бы так сильно не радовался.’

Идиоматичность ФК *Ούτε να Ρ*, таким образом, связана со структурной редукцией синтаксически регулярного построения, т. е., по А. Н. Баранову и Д. О. Добровольскому, «непрозрачностью редуцированной формы», когда «какое-то полное и вполне прозрачное выражение редуцируется до его отдельных фрагментов. Пропущенные составляющие семантически, однако, не исчезают, и тем самым при понимании данного выражения требуются какие-то дополнительные усилия» [Баранов, Добровольский, 2014, с. 54].

Несмотря на то что основным значением союза *ούτε* ‘ни’ является отрицание, ФК *Ούτε να Ρ* выражает значение не отрицания, а уподобления характеризуемой ситуации другой ситуации, выраженной актантом *Ρ*, и даже превосходства над ней:

- (1b) *Μέτρο δεν είχε τότες η χαρά του Παυλή. Μήτε στον Άγιο Τάφο να πήγαινε.*
‘Предела не было радости Павлиса. **Он будто шел к Гробу Господню.**’

Носителю языка значение этого ФК интуитивно понятно, однако иноязычный читатель или переводчик вынужден искать его в словаре.

⁴ Об аналогичных проблемах с отображением идиом с открытым слотом в английских словарях см., например, работу Р. Марти Солано [Martí Solano, 2013]. Недостаточную разработанность вопросов, связанных с синтаксической фразеологией, в российской лексикографии отмечают Л. А. Золотарева и Нгуен Ань Нам [2018, с. 27].

В результате поиска ФК *Ούτε να Ρ* в толковых словарях новогреческого языка выяснилось следующее.

1. В «Пользовательском словаре новогреческого языка» Афинской академии ФК *Ούτε να Ρ* зафиксирован в лексически заполненном виде в словарной статье существительного *παραγγελία* ‘заказ’ в форме *Ούτε παραγγελία (να το έκανα / είχα κάνει)* (букв. ‘ни заказ (если бы я это сделал)’, т. е. ‘будто по моему заказу’) с толкованием ‘о чем-то, что произошло по совпадению, случайно, именно так, как желал говорящий’ (Χρηστικό λεξικό, 2014. Σ. 1193).

2. В «Словаре Триандафиллидиса» ФК *Ούτε να Ρ* также зафиксирован в лексически заполненном виде в словарной статье существительного *παραγγελία* ‘заказ’ в форме *Ούτε παραγγελία να το 'χαμε* (букв. ‘ни заказ если бы мы это имели’) с толкованием ‘о чем-то, что произошло по совпадению, именно так, как мы этого желали’ (Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής, 1998).

3. Из фразеологических словарей ФК *Ούτε να Ρ* зафиксирован только в «Словаре народного и периферийного языка» Г. Катоса – в четырех лексически заполненных вариантах:

- в словарной статье существительного *γαμπρός* ‘жених’ в форме *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολίζόσουν!* (букв. ‘ни женихом если бы ты одевался / наряжался!’, т. е. ‘ты будто жених одеваешься / наряжаешься’) с толкованием ‘выражение негодования в адрес мужчины, который сильно задерживается, заботясь о своем наряде’;
- в словарной статье существительного *νύφη* ‘невеста’ в форме *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολίζόσουν!* (букв. ‘ни невестой если бы ты одевалась / наряжалась!’, т. е. ‘ты будто невеста одеваешься / наряжаешься’) с толкованием ‘выражение негодования в адрес женщины, которая так тщательно наряжается, что заставляет нас очень долго себя ждать’;
- в словарной статье существительного *παραγγελία* ‘заказ’ в форме *Ούτε παραγγελία να το 'χαμε!* (букв. ‘ни заказ если бы мы это имели!’, т. е. ‘будто по нашему заказу’) с толкованием ‘о чем-то, что по чистому совпадению произошло именно так, как мы этого желали’;
- в словарной статье глагола *συνεννοούμαι* ‘договариваться, сговариваться’ в форме *Ούτε συνεννοημένοι να 'μασταν!* (букв. ‘ни сговорившимися если бы мы были!’, т. е. ‘мы будто сговорились’) с толкованием ‘выражение восхищения в случае, когда два человека действуют одновременно одинаковым образом, без предварительной договоренности’ (Κάτος, 2016).

Таким образом, анализ словарной репрезентации ФК *Ούτε να Ρ* показывает, что этот фразеологический паттерн занесен в новогреческие словари в пяти разных лексически заполненных вариантах без каких-либо указаний на присущую ему вариативность. Все пять вариантов ФК зафиксированы в словарях в словарных статьях лексем, относящихся к его вариативному компоненту (*παραγγελία* ‘заказ’, *γαμπρός* ‘жених’, *νύφη* ‘невеста’, *συνεννοούμαι* ‘договариваться, сговариваться’), а значения, закрепляемые словарями за вариантами ФК, представляют собой толкования частных случаев реализации продуктивного паттерна *Ούτε να Ρ*.

3. ФК *Ούτε να Ρ* в корпусе текстов

Чтобы оценить полноту существующих словарных описаний ФК *Ούτε να Ρ*, определить степень вариативности его переменного компонента и частотность отдельных реализаций, мы провели анализ этого ФК с использованием корпуса текстов eITenTen14 (Greek Web Corpus). Этот корпус создан на основе грекоязычных текстов сети Интернет, содержит более 1,6 млрд слов и на текущий момент является самым объемным корпусом новогреческого языка.

Всего в корпусе eITenTen14 было найдено 1 390 случаев употребления ФК *Ούτε να Ρ*. Частотность глаголов, формирующих пропозициональный актанта *Ρ*, показана в табл. 1 (включены только глаголы с частотностью более 10 употреблений).

Таблица 1

Частотность глаголов, формирующих переменный компонент
ФК *Ούτε να Ρ*

Table 1

Frequency of verbs appearing in the variable component
of the phraseme *Ούτε να Ρ*

Слово	Перевод	Частотность	Доля в общем употреблении, %
<i>είμαι</i>	быть	864	62,2
<i>έχω</i>	иметь	114	8,2
<i>κάνω</i>	делать	96	6,9
<i>γράφω</i>	писать	23	1,7
<i>παίζω</i>	играть	21	1,5
<i>πηγαίνω</i>	идти	17	1,2
<i>δίνω</i>	давать	16	1,2
<i>ξέρω</i>	знать	16	1,2
<i>παίρνω</i>	брать	14	1,0
<i>γίνομαι</i>	становиться	13	0,9

Как видно из табл. 1, спектр глаголов, формирующих пропозициональный актант рассматриваемого ФК, довольно широк, однако наиболее часто используется глагол *είμαι* ‘быть’ и реже – *έχω* ‘иметь’ и *κάνω* ‘делать’. На долю этих трех глаголов приходится в сумме около 80 % всех случаев употребления ФК в корпусе.

В табл. 2 приведены наиболее частотные словосочетания, которые образуют глаголы переменного компонента.

Таблица 2

Наиболее частотные словосочетания,
образуемые глаголами переменного компонента ФК *Ούτε να Ρ*

Table 2

Frequency of word combinations formed by verbs appearing in the variable component
of the phraseme *Ούτε να Ρ*

Словосочетание	Перевод	Частотность	Доля в общем употреблении, %
<i>είμαι συνεννοημένος</i>	быть сговорившимся	43	3,1
<i>κάνω παραγγελία</i>	делать заказ	33	2,4
<i>έχω παραγγελία</i>	иметь заказ	31	2,2
<i>κάνω επίτηδες</i>	делать нарочно	25	1,8
<i>είμαι βαλτός</i>	быть подосланным	19	1,4
<i>είμαι προφήτης</i>	быть пророком	14	1,0
<i>το ξέρω</i>	знать это	14	1,0

Как видно из табл. 2, на долю словосочетаний *κάνω παραγγελία* ‘делать заказ’ и *έχω παραγγελία* ‘иметь заказ’, с которыми ФК *Ούτε να Ρ* зафиксирован в «Пользовательском словаре новогреческого языка» и «Словаре Триандафиллидиса» соответственно, приходится в совокупности 4,6 % всех случаев использования рассматриваемого ФК. Словосочетание *είμαι*

συνεννοημένος ‘быть сговорившимся’, с которым ФК занесен в «Словарь народного и периферийного языка» Г. Катоса, используется в 3,1 % всех случаев. Варианты *Ούτε γαμπρός να ντυνόσουν / στολίζόσουν!* ‘ты будто жених одеваешься / наряжаешься’ и *Ούτε νύφη να ντυνόσουν / στολίζόσουν!* ‘ты будто невеста одеваешься / наряжаешься’, занесенные в «Словарь народного и периферийного языка» Г. Катоса, ни разу не встретились в наших корпусных данных.

В то же время в корпусе представлено большое разнообразие других вариантов использования ФК *Ούτε να P*. Приведем несколько примеров:

- (2) – *Καλά, ρε παιδιά, τους λέω πότε θα τελειώσει αυτή η συντήρηση, ούτε η Ακρόπολη να ήταν!*

‘– Слушайте, парни, – говорю я им, – когда закончится этот ремонт? **Вы что, Акрополь реставрируете?**’ (букв. ‘ни Акрополь если бы это был!’)

- (3) *Στο δρόμο με χαιρετούν οι πάντες, ούτε για δήμαρχος να είχα βάλει.*

‘На улице все со мной здороваются – **можно подумать, я на мэра выдвинулся.**’ (букв. ‘ни на мэра если бы я выдвинулся’)

- (4) *“Ετοιμάζω αγωγούλα!” (Οχτώ μήνες την ετοιμάζει, πια, ούτε η Ιλιάδα να ήταν!)*

‘Я готовлю небольшой иск! (Он его уже восемь месяцев готовит – **можно подумать, Илиаду пишет!**)’ (букв. ‘ни Илиада если бы это была!’) (Greek Web Corpus).

Во всех случаях в корпусе ФК *Ούτε να P* представляет собой синтаксически автономное высказывание, функцией которого является оценка говорящим ситуации, описываемой в контексте. Фиксированный компонент ФК выражает лексическое значение уподобления и / или превосходства. Слот заполняется пропозицией, обозначающей оценочный стереотип, с которым сопоставляется ситуация, описываемая в контексте.

Варианты ФК *Ούτε να P*, зафиксированные в новогреческих словарях, представляют собой лишь некоторые частные случаи реализации этого фразеологического паттерна. Другие варианты реализации этого ФК (более 92 %) с помощью словарей идентифицировать невозможно, поскольку в словарях он зафиксирован в лексически заполненной форме в словарных статьях пяти разных лексем, являющихся для него частью переменного компонента. Более предпочтительным был бы вариант фиксации ФК *Ούτε να P* в словарях в словарной статье союза *ούτε* (а также *μήτε*) ‘ни’, являющегося основным «лексическим якорем» рассматриваемого ФК и стоящего в составе фиксированного компонента ФК первым по порядку. Также необходимо было бы указать любым возможным способом на наличие у ФК переменного компонента, например, с помощью многоточия (*Ούτε να...*), подчеркивания (*Ούτε να__*) или символического обозначения (*Ούτε να P*). Так как подробное описание всех вариантов заполнения слота ФК не представляется возможным, было бы желательным кратко указать на тип актанта (в данном случае пропозициональный), а также по возможности – частеречные и семантические характеристики лексем, заполняющих слот. В качестве словарного значения необходимо представить типовое значение ФК, выражаемое его фиксированным компонентом во всех случаях использования этого продуктивного фразеологического паттерна.

Заключение

В данной статье на материале новогреческого языка показано, что одной из проблем, связанных со словарной репрезентацией фразеологизмов-конструкций – продуктивных фразеологических паттернов с переменным компонентом-слотом, – является их занесение в словарь в лексически заполненном виде в качестве полностью фиксированных выражений без указания на наличие в их структуре переменного компонента. Подобное лексикографическое представление фразеологизмов-конструкций не соответствует языковой действительности и не

позволяет пользователю словаря понять, что выражения, представленные в словаре как полностью устойчивые, обладают вариативностью и имеют один или несколько слотов, которые могут быть заполнены широким спектром лексем и словосочетаний.

Расширение сферы фразеологии и перемещение в центр ее теоретических интересов фразеологических паттернов неизбежно ставят новые задачи перед фразеографией и требуют разработки нового подхода к словарной репрезентации фразеологических единиц с переменным компонентом-слотом.

Список литературы

- Баранов А. Н., Добровольский Д. О.** Основы фразеологии (краткий курс): Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2014. 312 с.
- Добровольский Д. О.** Грамматика конструкций и фразеология // Вопросы языкознания. 2016. № 3. С. 7–21.
- Золотарева Л. А., Нгуен Ань Нам.** Синтаксические фразеологические единицы в лексикографическом представлении // Научный диалог. 2018. № 6. С. 19–31.
- Шведова Н. Ю.** Очерки по синтаксису русской разговорной речи: Монография. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.
- Шмелев Д. Н.** Избранные труды по русскому языку. М.: Языки славянской культуры, 2002. 888 с.
- Dobrovolskij D.** Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. In: Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze. Hrsg. A. Lasch, A. Ziem. Tübingen, Stauffenburg Linguistik, 2011. S. 110–130.
- Fellbaum Ch.** The treatment of multi-word units in lexicography. In: The Oxford Handbook of Lexicography. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 411–424.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*, 1988, vol. 3 (64), pp. 501–538.
- Fleischer W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1982, 299 S.
- Granger S., Paquot M.** Disentangling the phraseological web. In: Phraseology. An interdisciplinary perspective. Eds. S. Granger, F. Meunier. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 27–49.
- Martí Solano R.** From idiom variants to open-slot idioms: close-ended and open-ended variational paradigms. In: Research on Phraseology across Continents. Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski, Katsumasa Yagi Takaaki Kanzaki. Bialystok, University of Bialystok Press, 2013, vol. 2, pp. 167–180.
- Philip G.** Reassessing the canon. 'Fixed' phrases in general reference corpora. In: Phraseology. An interdisciplinary perspective. Eds. S. Granger, F. Meunier. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 95–108.
- Sinclair J.** Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. London, Routledge, 2004, 224 p.
- Steyer K.** Patterns. Phraseology in a state of flux. *International Journal of Lexicography*, 2015, vol. 28 (3), pp. 279–298.
- Steyer K.** Multi-word patterns and networks. How corpus-driven approaches have changed our description of language use. In: Computational Phraseology. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 273–295.
- Στάτος Μ.** Φρασεολογήματα και φρασεολογισμοί στην κοινή νεοελληνική. *Επιστημονική Επετηρίδα της Φιλοσοφικής Σχολής*, 1994, № 4 (Β), Σ. 167–184.

Список источников

Greek Web Corpus (elTenTen14). URL: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus>.

- Κάτος Γ.** Λεξικό της λαϊκής και της περιθωριακής μας γλώσσας. Θεσσαλονίκη: Κέντρο Ελληνικής Γλώσσας, 2016. URL: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anzitisi/g-katou>.
- Λεξικό της Κοινής Νεοελληνικής. Θεσσαλονίκη: Ινστιτούτο Νεοελληνικών Σπουδών του Αριστοτελείου Πανεπιστημίου Θεσσαλονίκης, 1998. URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides.
- Μπαμπινιώτης Γ.** Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα, Κέντρο Λεξικολογίας, 2005, 2035 σ.
- Σαραντάκος Ν.** Λόγια του αέρα και άλλες 1000 παγιωμένες εκφράσεις. Αθήνα: Εκδόσεις του Εικοστού Πρώτου, 2013. 312 σ.
- Χρηστικό Λεξικό της Νεοελληνικής Γλώσσας. Γεν. συντονισμός Χ. Χαραλαμπίκης. Αθήνα, Εθνικό Τυπογραφείο, 2014, 1826 σ.

References

- Baranov A. N., Dobrovolsky D. O.** Osnovy frazeologii (kratkii kurs) [Basics of Phraseology (A Brief Course)]. Moscow, FLINTA Publ., 2014, 312 p. (in Russ.)
- Dobrovolskij D.** Phraseologie und Konstruktionsgrammatik. In: Konstruktionsgrammatik III: Aktuelle Fragen und Lösungsansätze. Hrsg. A. Lasch, A. Ziem. Tübingen, Stauffenburg Linguistik, 2011. S. 110–130.
- Dobrovolsky D. O.** Grammatika konstruktiv i frazeologiya [Construction Grammar and Phraseology]. Voprosy yazykoznaniiya [Issues of Language Studies], 2016. vol. 3. pp. 7–21. (in Russ.)
- Fellbaum Ch.** The treatment of multi-word units in lexicography. In: The Oxford Handbook of Lexicography. Oxford, Oxford Uni. Press, 2016, pp. 411–424.
- Fillmore Ch., Kay P., O'Connor M. C.** Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: the case of let alone. *Language*, 1988, vol. 3 (64), pp. 501–538.
- Fleischer W.** Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, VEB Bibliographisches Institut, 1982, 299 S.
- Granger S., Paquot M.** Disentangling the phraseological web. In: Phraseology. An interdisciplinary perspective. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 27–49.
- Martí Solano R.** From idiom variants to open-slot idioms: close-ended and open-ended variational paradigms. In: Research on Phraseology across Continents. Eds. J. Szerszunowicz, B. Nowowiejski, Katsumasa Yagi Takaaki Kanzaki. Bialystok, University of Bialystok Press, 2013, vol. 2, pp. 167–180.
- Philip G.** Reassessing the canon. 'Fixed' phrases in general reference corpora. In: Phraseology. An interdisciplinary perspective. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2008, pp. 95–108.
- Setatos M.** Fraseologimata kai fraseologismoi stin koini neoelliniki [Phraseologemes and phraseologisms in Standard Modern Greek]. *Epistimoniki Epetirida tis Filosofikis Scholis [Scientific Yearbook of the School of Philosophy]*, 1994, vol. 4 (B), pp. 167–184. (in Greek)
- Shmelev D. N.** Izbrannye trudy po russkomu yazyku [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury Publ., 2002, 888 p. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi [Essays on Russian Oral Syntax]. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 377 p. (in Russ.)
- Sinclair J.** Trust the Text. Language, Corpus and Discourse. London, Routledge, 2004, 224 p.
- Steyer K.** Patterns. Phraseology in a state of flux. *International Journal of Lexicography*, 2015, vol. 28 (3), pp. 279–298.
- Steyer K.** Multi-word patterns and networks. How corpus-driven approaches have changed our description of language use. In: Computational Phraseology. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 2020, pp. 273–295.

Zolotareva L. A., Nguyen An Nam. Sintaksicheskie frazeologicheskie edinitzy v leksikograficheskom predstavlenii [Syntactic Phraseological Units in Lexicographical Representation]. *Nauchnyi dialog [Scientific Dialogue]*, 2018, vol. 6, pp. 19–31. (in Russ.)

List of Sources

- Babiniotis G.** Leksiko tis Neas Ellinikis Glossas [Dictionary of the Modern Greek language]. Athens, Kentro Lexikologias, 2005, 2035 p. (in Greek)
Greek Web Corpus (elTenTen14). URL: <https://www.sketchengine.eu/eltenten-greek-corpus> (accessed: 18.06.2020).
- Katos G.** Leksiko tis laikis kai perithoriakis glossas [Dictionary of the colloquial and marginal speech]. Thessaloniki, Centre for the Greek Language, 2017. URL: <http://georgakas.lit.auth.gr/dictionaries/index.php/anazitisi/g-katou> (accessed: 20.06.2020). (in Greek)
- Khristiko leksiko tis Neoellinikis Glossas** [Practical dictionary of the Modern Greek language]. Athens, Ethniko tipografio, 2014, 1826 p. (in Greek)
- Leksiko tis Kinis Neoellinikis** [Dictionary of Standard Modern Greek]. Thessaloniki, Institute for Modern Greek Studies of the Aristotle University of Thessaloniki, 1998. URL: http://www.greek-language.gr/greekLang/modern_greek/tools/lexica/triantafyllides (accessed: 18.06.2020). (in Greek)
- Sarantakos N.** Logia tou aera kai alles 1000 pagiomenes ekfraseis [Just hot air and a 1000 other fixed expressions]. Athens, Ekdoseis tou Eikostou Protou, 2013, 312 p. (in Greek)

Информация об авторах

Елизавета Сергеевна Онуфриева, аспирант
Ирина Витальевна Тресорукова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Elizaveta S. Onufrieva, Postgraduate Student
Irina V. Tresorukova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 26.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 26.06.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 811.512.157

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-44-54

Значение множественности в залоговых и аспектуальных конструкциях (на материале якутского языка)

Надежда Ивановна Данилова¹

Екатерина Максимовна Самсонова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² samsonova_em@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-3097>

Аннотация

Статья посвящена функционально-семантическому анализу якутских предикативных конструкций, формируемых на базе глагольных форм совместно-взаимного залога и многократного вида. Данные залоговые и видовые формы образуют предикативные конструкции, относящиеся на первый взгляд к разным семантическим полям: соответственно залоговости и аспектуальности. Но в якутском языке обсуждаемые глагольные формы в некоторых семантических ситуациях, в частности при выражении категорий реципрока и дистрибутива, оказываются в функционально-семантическом поле множественности, в связи с чем неизбежно затрагивается проблема пересечения полей и взаимодействия семантических категорий внутри поля. Установлено, что семантическим инвариантом для дистрибутивных конструкций является множественность самого действия, а для реципрокальных – множественность участников действия. Реципрокальные и дистрибутивные конструкции образуются на основе глаголов разных семантических групп: в выражении реципрока участвуют глаголы воздействия, межличностных отношений, речевой деятельности и т. д., дистрибутивность выражается глаголами движения. Обсуждаемые конструкции характеризуются почти одинаковым набором групповых актантов, они представлены именами существительными во множественном числе, существительными, обозначающими парные предметы и части тела, а также количественными числительными.

Ключевые слова

функционально-семантическая категория, семантическая ситуация, множественность, дистрибутив, реципрок, глагольная основа

Для цитирования

Данилова Н. И., Самсонова Е. М. Значение множественности в залоговых и аспектуальных конструкциях (на материале якутского языка) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 44–54. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-44-54

© Данилова Н. И., Самсонова Е. М., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 44–54

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 44–54

The Meaning of Plurality in Voice and Aspectual Constructions (Based on the Material of the Yakut Language)

Nadezhda I. Danilova¹, Ekaterina M. Samsonova²

^{1,2} Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² samsonova_em@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7870-3097>

Abstract

The article is devoted to the functional-semantic analysis of the Yakut predicative constructions which are derived from verb stems in the form of comitative-reciprocal voice and frequentative aspect. Yakut verb forms under discussion, when expressing the categories of reciprocity and distributivity, fall into the functional-semantic field of plurality, in connection with which the problem of intersecting fields and of the interaction of semantic categories within a certain field inevitably arises. The analysis demonstrated that the difference between distributive constructions and reciprocal constructions in the Yakut language consists, first of all, in their content: the semantic invariant for the former is the multiplicity of the action itself whereas for the latter type it is the multiplicity of participants in the action. Objective distributive constructions, as a rule, have three arguments: apart from the agent and patient arguments they also contain an additional object argument which denotes the goal of the action. In reciprocal constructions indicating this participant of the situation is not obligatory. Furthermore, reciprocal and distributive constructions are formed on the basis of verbs which belong to different semantic groups. The majority of indicated verbs represent voice forms derived from the same stem and imply action performed on something plural or something consisting of many parts. Herewith, Yakut reciprocal and distributive constructions are characterized by nearly the same set of group arguments. However, the character of the group argument is particularly important for constructions with distributive content, in reciprocal constructions arguments are almost always singular animate objects.

Keywords

functional semantic category, semantic situation, plurality, distributive, reciprocal, verb stem

For citation

Danilova N. I., Samsonova E. M. The Meaning of Plurality in Voice and Aspectual Constructions (Based on the Material of the Yakut Language). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 44–54. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-44-54

Введение

Стремление исследователей к накоплению знаний об устройстве языковой системы и ее осмыслению привело к существованию лингвистических концепций самых разных направлений. Среди них прочно утвердился функционально-семантический подход к истолкованию языковых явлений, при котором «непосредственным предметом анализа являются функции, реализуемые в высказывании» [Бондарко, 2007, с. 8]. Применение методов анализа, принятых для исследований данного направления, позволяет представить целостную организацию универсальных семантических категорий в виде функционально-семантических полей (ФСП), имеющих определенное содержание и средства выражения.

Для ФСП характерно их взаимодействие и даже пересечения в пределах одной семантической категории. К пересекающимся прежде всего относятся поля универсального пространственно-временного содержания: времени, качества, количества, места, направления действия.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ семантики реципрока и дистрибутивного множества в якутском языке. Важно указать, что семантическое взаимодействие названных категорий характерно для многих языков. В типологических работах отмечается, что «наиболее известной и освещенной в литературе семантической связью между значениями, относящимися к семантической зоне предикатной множественности, и залоговыми значениями можно считать связь между значением итерации и реципрокальным значением. Ре-

ципроком, как известно, называется актантная деривация, значение которой состоит в том, что в ситуации задействовано два или более действующих взаимно участника, каждый из которых выполняет две роли» [Шлуинский, 2005, с. 182]. В предлагаемой статье итеративность понимается как структура, представленная тремя основными типами неоднократности: дистрибутивным, мультипликативным и «итеративным». Названные типы неоднократности образуют развитую систему форм, характеризующих количество действий, их субъектов и объектов. Методы анализа материала статьи продиктованы общим функционально-семантическим подходом. Это не только общелингвистические методы описания, семантического анализа, но и некоторые элементы структурного моделирования, позволяющие получить отображение изучаемых языковых явлений.

О пересечении функционально-семантических полей и сопряженных с ними категориальных ситуаций

Изучение специфических способов выражения семантических категорий представляет интерес не только для типологии, оно дает возможность зафиксировать уникальные идиоэтнические признаки отдельного языка. Это позволяет утверждать, что в настоящее время выявление и изучение семантических категорий на материале языков разной типологической принадлежности, в том числе миноритарных, является актуальной задачей лингвистики.

Исследователи отмечают, что пересечение ФСП и обусловленное этим существование сопряженных категориальных ситуаций всегда связаны с определенной семантической характеристикой глагольного предиката высказывания. Это вызвано тем, что предикативный член, выраженный глагольной формой, задает характер актантов ситуации: их количество, одушевленность / неодушевленность, субъектно-объектные связи и т. д. Поэтому для семантического анализа предикативной конструкции наиболее существенным является учет роли глагола, который «репрезентирует тип ситуации и определяет набор семантических актантов ситуации, описываемой предложением-высказыванием» [Буторин, 1999, с. 179].

Изучение специфики пересечения ФСП и сопряженных семантических категорий особенно важно для тюркских языков, поскольку для них характерным «является комплексный характер глагольных форм – сосуществование в семантике одной финитной формы временных, модальных, аспектуальных, эвиденциальных значений» [Широбокова и др., 2005, с. 6]. Очевидно, что опору на предикат – именной или глагольный – подразумевает также понятие «предикативная конструкция», которое является базовым в синтаксической концепции сибирской лингвистической школы. В центре внимания ее представителей всегда стоит роль глагольного предиката в построении конструкций того или иного семантического типа. Утверждается, например, что «носителем семантики ситуативного пространственного отношения является, в первую очередь, *локативный предикат*», предполагающий обязательный актант-локализатор [Невская, 2005, с. 14]. В работах данного направления подчеркивается также «особая роль глагольной семантики в формировании моделей предложения» [Байыроол и др., 2013, с. 3], отмечается разная степень сочетаемости вспомогательных глаголов с глаголами различной лексико-семантической принадлежности в аналитических конструкциях [Тазранова, 2005, с. 177; Шамина, 2010, с. 208] и значимость набора актантов глагольного предиката синтаксической конструкции [Черемисина и др., 2008, с. 3].

Предпринятый ранее анализ материала якутского языка, в свою очередь, также подтвердил положение о том, что совпадение полей особенно глубоко затрагивает семантические категории, облигаторным средством выражения которых является глагольный предикат. Например, аспектуально-темпоральный комплекс «объединяет семантические категории аспектуальности, времени и модальности, имеющие как синтетические, так и аналитические способы выражения разной структуры и степени сложности» [Данилова, 2017, с. 8]. Сопряженными семантическими категориями сформирован комплекс средств выражения качественно-количественной характеристики действия – это категории глагольной качественности

и дистрибутивной множественности. При этом в семантике качественности выделяются «три типа: 1) свойство как обобщение повторяющихся действий; 2) свойство как результат; 3) актуально протекающее свойство-состояние» [Воейкова, Пупынин, 1996, с. 53]. В якутском языке предикативная качественность выражается формой настоящего-будущего времени. Она также «может быть представлена как результат конкретного факта» [Винокурова, 2017, с. 40], а «третий тип глагольной предикативной качественности, выражающий актуально протекающее свойство-состояние, широко представлен как в монопредикативных, так и в полипредикативных конструкциях» [Там же, с. 41]. К категории качественности по многим семантическим параметрам примыкает категория определенности-неопределенности, которая привносит дополнительный оттенок в качественную характеристику действия. Семантическая связь значений аспектуальности с категорией определенности-неопределенности проявляется в выражении количества субъектов и объектов действия. Нельзя не упомянуть также и о «тесных связях и широком взаимодействии категории лица с другими функционально-семантическими категориями: модальности, количественности, посессивности» [Харабаева, 2017, с. 114]. Таким образом, проблема изучения семантических функций языковых категорий, в том числе явлений, обусловленных взаимодействием ФСП, относится к теоретически и практически значимым предметам обсуждения.

Семантика множественности в ФСП залоговости и аспектуальности якутского языка

В связи с проблемой пересечения или взаимодействия функционально-семантических полей и сопряженных с ними категориальных ситуаций (КС) большой интерес представляет выявление на материале якутского языка особенностей выражения семантики множественности формами совместно-взаимного залога и многократного вида глагола. ФСП залоговости и аспектуальности, компонентами которых выступают указанные формы, содержат семантику множественности действия или его участников, т. е. они семантически связаны с понятием предикатной множественности. Так, в семантической структуре совместно-взаимного залога в якутском языке содержится два значения: совместного (комитативного) и взаимного (реципрокального), подразумевающих множественность участников ситуации. Что касается многократного вида, выражаемого аффиксами *-талаа*, *-таа*, *-аттаа*, то он в якутском языке «представляет собой ядро категории дистрибутивной множественности» [Самсонова, 2017, с. 44].

Совпадение категорий совместности и множественности действия в рамках поля множественности относится к числу типологических, поскольку в языке любой квалификационной принадлежности «множественный участник имплицитно подразумевает множественную ситуацию и, наоборот, множественная ситуация естественно допускает множественного участника» [Шлунинский, 2005, с. 19]. Но при этом в каждой семантической ситуации множественность действия может быть представлена как взаимная, совместная и т. д., а участники могут иметь как одинаковые, так и разные роли в ситуации.

Семантическая структура категории множественности, выражаемая формой совместно-взаимного залога, не только в якутском, но и во всех языках тюркской классификационной группы содержит прежде всего «значение множественности передаваемого глаголом действия» [Юлдашев, 1988, с. 312]. Кроме того, исследователи обращают внимание на наличие здесь значения множественности ситуаций: «...реципрок позволяет маркировать множественные ситуации, которые сосуществуют одновременно» [Галиева, 2015, с. 144]. В некоторых исследованиях подчеркивается множественность участников ситуации: «значение совместно-взаимного залога сводится к тому, что наиболее общим и исходным значением этой формы является обозначение того, что в совершении данного действия принимают участие два или несколько субъектов» [Салыхова, 2012, с. 113]. Таким образом, в тюркских языках семантика реципрока связывается с множественностью как ситуаций, так и ее участников.

Групповой актант в реципрокальных и дистрибутивных конструкциях

В целом проблема корреляции совместно-взаимного залога и многократного вида в якутском языке подразумевает сравнение аспектов семантических зон множественности действия и его участников (дистрибутив, итератив, комитатив, реципрок и т. д.). А тот или иной оттенок значения (усиление, кратность, длительность, множественность действия) выражается в зависимости от количественной характеристики актантов: субъекта и объекта действия. Приведем примеры, оформленные на основе лейпцигских правил поморфемного глоссирования для представления примеров на якутском языке [Винокурова, 2016, с. 85]:

- (1) Оҕо-ттон ыйыт-ала-с-ты-м
Ребенок-ABL спросить-DISTR-COM-PRF-1SG
У ребенка расспросил я
- (2) Оҕо-лор-тон ыйыт-ала-с-ты-м
Ребенок-PL-ABL спросить-DISTR-COM-PRF-1SG
У детей поспрашивал я

В примере (1) субъект и объект действия имеют форму единственного числа, и глагольная форма наделена оттенком интенсивности действия, а в примере (2), где объект оформлен показателем множественности, действие понимается как дистрибутивное, распределенное по множеству объектов.

Форма совместно-взаимного залога в якутском языке часто сочетается с показателем многократного вида типа: *балл-(ы)гыраа-с* 'галдеть, тараторить', *үлү-эннээ-с* 'колыхаться, хаотично двигаться', *сура-(а)лаа-с* 'разуживать', *харб-ыалаа-с* 'хвататься' и т. д. Такие формы в якутском языке активно образуются от звукоподражательных и образных основ, а также от глаголов активного действия. В них семантика мультипликатива «осложняется наличием взаимного значения аффикса -с совместно-взаимного залога, придающим дистрибутивный оттенок, когда действия двух или нескольких субъектов совершаются по отношению друг к другу» [Самсонова, 2013, с. 203]. Например:

- (3) Таҥас-тар-(ы)ттан тарт-ыала-с-ар-лар
Одежда-PL-ABL тянуть-DISTR-RECP-PRS-PL
За одежду друг друга дергают
- (4) Уол-аттар сырс-ыакала-с-ты-лар
Мальчик-PL бегать-DISTR-RECP-PRF-PL
Мальчики друг за дружкой забежали

Пример (3) демонстрирует случай, когда действие представлено переходным глаголом, а в (4) – непереходным. Соответственно, значение реципрока, когда действие совершается несколькими субъектами в отношении друг друга, более отчетливо прослеживается в (3), пример (4) показывает ситуацию без обозначения достижения конечного результата.

Внутреннюю сущность дистрибутива, как отмечают исследователи, определяет «выражение расчлененности выполнения действий разными участниками ситуации или подчеркнутость полного охвата всех участников ситуации действием» [Долинина, 1996, с. 240]. Таким образом, при семантическом анализе дистрибутивной ситуации характер группового актанта принимается во внимание в первую очередь. В якутском языке конструкции с подобным значением характеризуются выделением нескольких типов выражения групповых актантов. Например: имена существительные в форме множественного числа -лар, имена, обозначающие парные предметы и части тела (*этэрбэс* 'торбаса, сапоги', *үтүлүк* 'рукавицы', *илии* 'руки', *атах* 'ноги', *харах* 'глаза', *кулгаах* 'уши' и т. д.), парные существительные, однородные члены предложения:

- (5) Иһит-и, таһаһ-ы сир-гэ суулл-ар-таа-т-а
Посуда-ACC одежда-ACC земля-DAT падать-CAUS-DISTR-PRF-3SG
Посуду, одежду на землю расшвырял
- (6) Кыыс илии-тин аҕа-тын сарын-(ы)лар-(ы)гар уур-талыы-р
Девушка рука-3SG/ACC отец-3SG/ACC плечо-PL-3SG/DAT положить-DISTR-3SG/PRS
Девушка руки на плечи отца положила

В конструкциях (5) и (6) представлены ситуации с множественным объектом, выраженным однородными членами предложения (*иһит, таһаһ* ‘посуда, одежда’) и именем, обозначающим парные части тела (*илии* ‘рука, руки’). Но в (5) множественный пациенс направлен на одного объекта-агенса (*сир* ‘земля, пол’), в (6) он распределен по частям парного объекта (*сарын-(ы)лар* ‘плечи’).

Примеры демонстрируют, что семантическим инвариантом объектных дистрибутивных конструкций является множественность действия (5), (6), а для от реципрокальных – множественность участников действия (3), (4). Соответственно, объектные дистрибутивные конструкции, как правило, трехактантны – кроме актанта-агенса и пациенса содержат дополнительный актант-объект, обозначающий направленность действия, как в примерах (5), (6), для реципрокальной конструкции обозначение этого участника ситуации не обязательно.

Роль семантики глагольного предиката в выражении реципрока и дистрибутивной множественности

Важно отметить, что реципрокальные и дистрибутивные конструкции образуются на основе глаголов разных семантических групп: если в выражение реципрока вовлечен обширный класс акциональных глаголов, то дистрибутивность выражают глаголы, обозначающие движение от некоторой общей исходной точки или к некоторой общей точке (так называемые диверсативные / цислокативные). Преобладающее большинство данных глаголов образованы от одной основы с помощью аффикса совместно-взаимного залога и обозначают действия над чем-то множественным или состоящим из множества частей.

Так, основными репрезентантами субъектного диверсатива являются глаголы *тарбас-* ‘расходиться’ и *сырыс-* ‘разбежаться’ со значением движения от некоторой общей исходной точки:

- (7) Ыалдьыт-тар тарҕа-с-ты-лар
Гость-PL рассеять-RECP-PRF-PL
Гости разошлись

Усиление диверсативного значения может происходить за счет добавления наречий со схожей семантикой:

- (8) Ыт-тар уруө-тараа сырыс-ты-лар
Собака-PL врассыпную бежать-RECP-PRF-PL
Собаки врассыпную разбежались

Семантика субъектного цислокатива, «описывающего движение совокупности участников с разных сторон в некоторую общую конечную точку» [Храковский, 1989, с. 40], может передаваться сочетанием глаголов с подлежащим в форме множественного числа. Большинство данных глаголов в современном якутском языке не сохранило корневую основу и употребляется только в форме совместно-взаимного залога: *түмүс-* ‘собираться (в одном месте)’, *үмүөрүс-* ‘скупиваться, толпиться’, *тобуурус-* ‘толпиться, скопляться в большом количестве’. Уточняющую роль при этом выполняют лексические средства, обозначающие множество конечных пунктов движения:

- (9) Үлэхит-тэр миитинг-нэ түм-сү-бүт-тэр
 Работник-PL митинг-DAT собрать-RECP-IPF-PL
Работники на митинг собрались

В составе аналитической глагольной формы диверсативный глагол *сырыс-* приобретает цислокативную семантику:

- (10) Оџо-лор сыр-с-ан кэл-эн, тэпс-эннэ-һ-э тур-ду-лар
 Ребенок-PL бежать-RECP-CVB прийти-CVB топтать-INTENS-RECP-CVB стоять-PRF-PL
Дети, сбежавшись, переминаясь стояли

В данном случае значение субъектного цислокатива конструкции придает глагольная основа *кэл-* ‘прийти, прибыть’, присоединяясь к основе *сырыс-* ‘бежать вместе’ и образуя деепричастное сочетание *сырсан кэл-* ‘прибыть бегом’.

Такая конструкция может сопровождаться локативными указателями, обозначающими направление движения «с разных сторон»: *онтон-мантан* ‘отовсюду, оттуда-отсюда’, *хотут-тан-собурууттан* ‘с севера и с юга, со всех сторон’ и т. п. Данные обстоятельства обозначают исходный пункт движения, о чем говорит и само их оформление – форма исходного падежа с аффиксом *-тан*. Как в примере (11), где обстоятельство *онтон-мантан* ‘отовсюду, оттуда-отсюда’ служит для подчеркивания того, что в рассматриваемой конструкции действие направлено с разных сторон:

- (11) Он-тон-ман-тан сыр-с-ан кэл-эн төгүрүй-э көт-өл-лөр
 Тот-ABL этот-ABL бежать-CVB прийти-CVB окружать-CVB летать-PRS-PL
Отовсюду сбежавшись, обступают со всех сторон

Необходимо сказать, что в типологических исследованиях как важное системное свойство отмечается закономерность образования конструкций того или иного содержания на основе глаголов определенных лексико-семантических групп. К примеру, установлено, что «собственно комитативная конструкция в разных языках используется с некоторыми типами предикатов и не используется с другими» и, «оказывается, есть класс предикатов, который с наибольшей вероятностью сочетается с произвольной КК. Это предикаты движения и позиции (предикаты, передающие такие смыслы, как *приходить*, *уходить*, *ходить*, *возвращаться*, *сидеть*, *стоять*, *лежать* и др.). К ним также примыкают такие глаголы, как *жить* и *оставаться*» [Архипов, 2005, с. 10].

В якутском языке множественность актантов обнаруживают глаголы однонаправленного и разнонаправленного движения в форме совместно-взаимного залога: *барыс-* ‘идти, уходить с кем-л., за кем-л.’, *кэлис-* ‘приходить с кем-л.’, глаголы со значением установления, поддержания, прекращения межличностных отношений: *тантас-* ‘любить друг друга’, глаголы речевой деятельности: *хаһытас-* ‘кричать друг на друга’, глаголы занятия: *ункүүлэс-* ‘танцевать вместе с кем-л., за кем-л.’ и т. д.

Выводы

Анализ показал, что отличие дистрибутивных конструкций от реципрокальных в якутском языке состоит, во-первых, в их содержании: семантическим инвариантом для первых является множественность самого действия, а для вторых – множественность участников действия. Соответственно, объектные дистрибутивные конструкции, как правило, трехактантны – кроме актанта-агенса и пациенса они содержат дополнительный актант-объект, обозначающий направленность действия, для реципрокальной конструкции обозначение этого участника ситуации не обязательно. Кроме того, эти конструкции образуются от глаголов разных семантических групп: если в выражение реципрока вовлечен обширный класс акциональных глаголов, то дистрибутивность выражают в основном глаголы движения от некото-

рой общей исходной точки или к некоторой общей точке. Вместе с тем в якутском языке реципрокальные и дистрибутивные конструкции характеризуются почти одинаковым набором групповых актантов. Это существительные в форме множественного числа, имена, обозначающие парные предметы и части тела, однородные члены предложения. Но характер группового актанта особенно важен для конструкций с дистрибутивным содержанием, в реципрокальных конструкциях актанты – это почти всегда единичные одушевленные предметы.

Список условных обозначений грамматических значений

ABL – аблатив, ACC – аккузатив, CAUS – каузатив, COM – комитатив, CVB – конверб, DAT – датив, DISTR – дистрибутив, INTENS – интенсив, IPF – имперфект, PL – множественное число, RECP – реципрок, PRF – перфект, PRS – настоящее время, SG – единственное число, 1 – первое лицо, 3 – третье лицо.

Список литературы

- Архипов А. В. Типология комитативных конструкций: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 17 с.
- Байыр-оол А. В., Добринина А. А., Озонова А. А., Тазранова А. Р., Тюттешева Е. В., Федина Н. Н., Шагдурова О. Ю., Широбокова Н. Н. Материалы к сравнительному словарю глагольной лексики тюркских языков Саяно-Алтая: Монография. Новосибирск: Омега-Принт, 2013. 176 с.
- Бондарко А. В. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис: Монография / Под ред. А. В. Бондарко. М.: Комкнига, 2007. С. 5–39.
- Буторин С. С. Залоговость в кетском языке и проблема разграничения словообразования и словоизменения // Языки коренных народов Сибири: Сб. науч. тр. / Под ред. Н. Н. Широбоковой. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Вып. 5. С. 178–186.
- Винокурова Н. И. Глагольная качественность: структура и семантика // Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Винокурова Н. И., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: Коллект. монография / Под ред. В. Д. Монастырева. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 29–43.
- Винокурова Н. И. Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 85–99.
- Воейкова М. Д., Пупынин Ю. А. Предикативная качественность // Акимова Т. Г., Берков В. П., Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Гиро-Вебер М., Долинина И. Б., Жукова А. Н., Калашник Д. М., Князев Ю. П., Козинцева Н. А., Павлов В. М., Пупынин Ю. А., Руденко Д. И., Смирнов И. Н., Супрун А. Е., Эдельман Д. И. Теория функциональной грамматики: Количественность. Качественность: Коллект. монография / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 53–65.
- Галиева А. М. Татарский реципрок и семантический класс глагола (на материале корпусных данных) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Тр. X Всерос. съезда востоковедов / Под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Гилем, 2015. Кн. 2. С. 144–147.
- Данилова Н. И. Глагольные формы как средства выражения семантической характеристики действия в якутском языке // Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Винокурова Н. И., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: Коллект. монография / Под ред. В. Д. Монастырева. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 8–29.
- Долинина И. Б. Количественность в сфере предикатов // Акимова Т. Г., Берков В. П., Бондарко А. В., Воейкова М. Д., Гиро-Вебер М., Долинина И. Б., Жукова А. Н., Калашник Д. М.,

- Князев Ю. П., Козинцева Н. А., Павлов В. М., Пупынин Ю. А., Руденко Д. И., Смирнов И. Н., Супрун А. Е., Эдельман Д. И. Теория функциональной грамматики: Количественность. Качественность: Коллект. монография / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 219–245.
- Невская И. А.** Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Монография. Новосибирск: Ника, 2005. 304 с.
- Саляхова З. И.** Залог глагола и залоговость: история и современность: Монография / Под ред. М. В. Зайнуллина. Уфа: Гилем, 2012. 140 с.
- Самсонова Е. М.** Дистрибутивная глагольная множественность: семантические особенности // Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Винокурова Н. И., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: Коллект. монография / Под ред. В. Д. Монастырева. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 43–62.
- Самсонова Е. М.** Категория итеративности в якутском языке // Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Самсонова Е. М. Функционально-семантические категории в якутском языке: Каузативность. Эвиденциальность. Итеративность: Коллект. монография / Под ред. Н. И. Поповой. Новосибирск: Наука, 2013. С. 178–224.
- Тазранова А. Р.** Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке: Монография / Под ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.
- Харабаева В. И.** Функционально-семантическая категория персональности: морфологические средства выражения // Данилова Н. И., Ефремов Н. Н., Винокурова Н. И., Иванова И. Б., Самсонова Е. М., Сивцева Н. А., Харабаева В. И. Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база: Коллект. монография / Под ред. В. Д. Монастырева. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2017. С. 86–114.
- Храковский В. С.** Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций: Коллект. монография / Под ред. В. С. Храковского. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Т.** Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири: Монография / Под ред. Е. К. Скрибник. Новосибирск: Любава, 2008. 205 с.
- Шамина Л. А.** Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке: Монография / Под ред. Н. Н. Ширококовой. Новосибирск: Любава, 2010. 240 с.
- Ширококова Н. Н., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А., Селютина И. Я.** Введение. О формировании лингвистического ландшафта Сибири // Абаева Ю. Д., Будаев Б. Ж., Бураев И. Д., Бюраева Э. И., Ильина Л. А., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А., Невская И. А., Озонова А. А., Рыжикова Т. Р., Селютина И. Я., Скрибник Е. К., Уртегешев Н. С., Шамина Л. А. Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири: Коллект. монография / Под ред. Н. Н. Ширококовой. Новосибирск, 2005. С. 3–7.
- Шлуинский А. Б.** Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 372 с.
- Юлдашев А. А.** Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология: Монография / Под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Наука, 1988. С. 269–324.

References

- Arkhipov A. V.** Tipologiya komitativnykh konstruktii [The Typology of Comitative Constructions]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2005, 17 p. (in Russ.)
- Baiyr-ool A. V., Dobrinina A. A., Ozonova A. A., Tazranova A. R., Tyuntesheva E. V., Fedina N. N., Shagdurova O. Yu., Shirobokova N. N.** Materialy k sravnitel'nomu slovaryu

- glagol'noi leksiki tyurkskikh yazykov Sayano-Altaya [Materials for the Comparative Dictionary of Verbal Vocabulary of the Sayano-Altaï Turkic Languages]. Novosibirsk, Omega-Print, 2013, 176 p. (in Russ.)
- Bondarko A. V.** Vvedenie. Osnovaniya funktsional'noi grammatiki [Introduction. The Foundations of Functional grammar]. In: Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [Theory of Functional Grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Monograph. Ed. by A. V. Bondarko. Moscow, Komkniga Publ., 2007, pp. 5–39. (in Russ.)
- Butorin S. S.** Zalogovost' v ketskom yazyke i problema razgranicheniya slovoobrazovaniya i slovoizmeneniya [Voice in the Ket Language and the Problem of Differentiating Word Derivation and Inflection]. In: Yazyki korennykh narodov Sibiri [Languages of the Indigenous Peoples of Siberia]. Anthology of Academic Articles. Ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 1999, iss. 5, pp. 178–186. (in Russ.)
- Cheremisina M. I., Ozonova A. A., Tazranova A. T.** Elementarnoe prostoe predlozhenie s glagol'nym skazuemym v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri [Elementary Simple Sentences with Verb Predicates in the Turkic languages of South Siberia]. Ed. by E. K. Skribnik. Novosibirsk, Lyubava Publ., 2008, 205 p. (in Russ.)
- Danilova N. I.** Glagol'nye formy kak sredstva vyrazheniya semanticheskoi kharakteristiki deistviya v yakutskom yazyke [Verbal Forms as Means of Expressing Semantic Characterization of Action in the Yakut Language]. In: Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Functional and Semantic Categories in the Yakut Language: Grammatical and Lexical Basis]. Ed. by V. D. Monastyrev. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2017, pp. 8–29. (in Russ.)
- Dolinina I. B.** Kolichestvennost' v sfere predikatov [Quantitativeness in the Domain of Predicates]. In: Teoriya funktsional'noi grammatiki: Kolichestvennost'. Kachestvennost' [Theory of Functional Grammar: Quantification. Qualitativeness]. Ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 219–245. (in Russ.)
- Galieva A. M.** Tatarskii retsiprok i semanticheskii klass glagola (na materiale korpusnykh dannykh) [Tatar Reciprocal and the Semantic Class of Verbs (Based on Corpus Data)]. In: Rossiya i Vostok: vzaimodeistvie stran i narodov [Russia and East: Interaction of Countries and Peoples]. Proceedings of the X All-Russian Congress of Orientalists. Ed. by F. G. Khisamitdinova. Ufa, Gilem Publ., 2015, book 2, pp. 144–147. (in Russ.)
- Kharabaeva V. I.** Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya personal'nosti: morfologicheskie sredstva vyrazheniya [Functional-Semantic Category of Personality: Morphological Means of Expression]. In: Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Functional and Semantic categories in the Yakut Language: Grammatical and Lexical Basis]. Ed. by V. D. Monastyrev. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2017, pp. 86–114. (in Russ.)
- Khrakovsky V. S.** Semanticheskie tipy mnozhestva situatsii i ikh estestvennaya klassifikatsiya [Semantic Types of the Plurality of Situations and Their Natural Classification] In: Tipologiya iterativnykh konstruktov [Typology of Iterative Constructions]. Ed. by V. S. Khrakovsky. Leningrad, Nauka, 1989, pp. 5–53. (in Russ.)
- Nevskaya I. A.** Prostranstvennye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo yazyka) [Spatial Relations in the Turkic Languages of South Siberia (Based on the Material of the Shor Language)]. Novosibirsk, Nika Publ., 2005, 304 p. (in Russ.)
- Salyakhova Z. I.** Zalog glagola i zalogovost': istoriya i sovremennost' [Voice of Verb and Voicedness. History and Modernity]. Ed. by M. V. Zainullin. Ufa, Gilem Publ., 2012, 140 p. (in Russ.)
- Samsonova E. M.** Kategoriya iterativnosti v yakutskom yazyke [The Category of Iterativity in the Yakut Language]. In: Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: Kausal'nost'. Evidentsial'nost'. Iterativnost' [Functional and Semantic Categories in the Yakut

- Language: Causativity. Evidentiality. Iterativity]. Ed. by N. I. Popova. Novosibirsk, Nauka, 2013, pp. 178–224. (in Russ.)
- Samsonova E. M.** Distributivnaya glagol'naya mnozhestvennost': semanticheskie osobennosti [Distributive Verbal Plurality: Semantic Properties]. In: Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Functional and Semantic Categories in the Yakut Language: Grammatical and Lexical Basis]. Ed. by V. D. Monastyrev. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2017, pp. 43–62. (in Russ.)
- Shamina L. A.** Analiticheskie grammaticheskie formy i konstruktii v funktsii skazuemogo v tuvinskom yazyke [Analytical Grammatical Forms and Constructions in the Predicate Function in the Tuvan Language]. Ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, Lyubava Publ., 2010, 240 p. (in Russ.)
- Shirobokova N. N., Koshkareva N. B., Maltseva A. A., Selyutina I. Ya.** Vvedenie. O formirovani lingvisticheskogo landshafta Sibiri [Introduction. On the Way of Forming of the Linguistic Landscape of Siberia]. In: Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri [Ways of Forming of the Linguistic Landscape of Siberia]. Ed. by N. N. Shirobokova. Novosibirsk, 2005, pp. 3–7. (in Russ.)
- Shluinsky A. B.** Tipologiya predikatnoi mnozhestvennosti: kolichestvennye aspektual'nye znacheniya [The Typology of Predicate Plurality: Quantitative Aspectual Meanings]. Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2005, 372 p. (in Russ.)
- Tazranova A. R.** Biverbal'nye konstruktii so vspomogatel'nymi glagolami bytiya v altaiskom yazyke [Biverbal Constructions with Auxiliary Verbs of Existence in the Altai Language]. Ed. by M. I. Cheremisina. Novosibirsk, Sova Publ., 2005, 228 p. (in Russ.)
- Vinokurova N. I.** Glossirovanie kak metod reprezentatsii tekstov v yakutskom yazyke [Glossing as a Method of Representing of Yakut Texts]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik [North-Eastern Journal of Humanities]*, 2016, no. 4 (17), pp. 85–99. (in Russ.)
- Vinokurova N. I.** Glagol'naya kachestvennost': struktura i semantika [Verbal qualitiveness: structure and semantics]. In: Funktsional'no-semanticheskie kategorii v yakutskom yazyke: grammaticheskaya i leksicheskaya baza [Functional and Semantic Categories in the Yakut Language: Grammatical and Lexical Basis]. Ed. by V. D. Monastyrev. Yakutsk, IGIIPMNS SO RAN Publ., 2017, pp. 29–43. (in Russ.)
- Voeikova M. D., Pupynin Yu. A.** Predikativnaya kachestvennost' [Predicative qualitiveness]. In: Teoriya funktsional'noi grammatiki: Kolichestvennost'. Kachestvennost' [Theory of Functional Grammar: Quantification. Qualitiveness]. Ed. by A. V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka, 1996, pp. 53–65. (in Russ.)
- Yuldashev A. A.** Kategoriya zaloga [The Category of Voice] In: Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov [Comparative-Historical Grammar of Turkic languages]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka, 1988, pp. 269–324. (in Russ.)

Информация об авторах

Надежда Ивановна Данилова, доктор филологических наук

Екатерина Максимовна Самсонова, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Nadezhda I. Danilova, Doctor of Sciences (Philology)

Ekaterina M. Samsonova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 07.08.2021;

одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021

The article was submitted 07.08.2021;

approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Научная статья

УДК 81-511.142

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-55-67

Специфика юганского говора хантыйского языка по данным экспериментальной фонетики

Тимофей Владимирович Тимкин

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

Новосибирск, Россия

timkin@yandex.ru

Аннотация

Рассматривается фонетическая система юганского говора сургутского диалекта хантыйского языка. Работа выполнена в рамках проекта по экспериментально-фонетическому описанию сургутского диалекта хантыйского языка, актуальность работы обусловлена существенными отличиями юганского говора от ранее исследованного тромьеганского. Работа выполнена методиками экспериментальной фонетики с использованием программ Praat, Etmu-SDMS, R. Мы обнаруживаем различия между говором рек Малый Юган и Большой Юган. Показано, что в малоюганском говоре реализуется 12 гласных фонем. В отличие от тромьеганского не представлена фонема /ɔ/ (традиционно /ǫ/), на ее месте реализуются /ɛ/ (традиционно /ǎ/) либо /o/ (традиционно /ǝ/). В большеюганском говоре также присутствуют дифтонги [ʰi], [ʰɛ] в позиции после [k] на месте этимологических *i*, *ǫ*. По-видимому, их можно считать реализациями фонем /i:/, /ɛ/ в позиции после фонологизованного огубленного *k*. Явление неначального [w], описанное в литературе как специфически юганское, подтверждается, но находит параллели в тромьеганском говоре, что свидетельствует о перераспределении территориальных вариантов. Приводятся наблюдения о территориальных и социальных факторах разрушения подсистемы латеральных согласных – сравнительно нового явления в сургутской фонетике, еще недостаточно освещенного в литературе.

Ключевые слова

экспериментальная фонетика, фонология, сургутский диалект, хантыйский язык

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00388 «Специфика звукового строя сургутского диалекта хантыйского языка»)

Для цитирования

Тимкин Т. В. Специфика юганского говора хантыйского языка по данным экспериментальной фонетики // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 55–67. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-55-67

Yugan Khanty Phonetic Features Based on the Experimental Data

Timofey V. Timkin

Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

timkin@yandex.ru

Abstract

The paper deals with the phonetics of Yugan idiom of Surgut Khanty. The research is a part of the project aimed at describing Surgut Khanty phonetics. The Yugan idiom has significant differences from the Tromyegan idiom described before.

© Тимкин Т. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 55–67

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 55–67

The analysis is based on the data collected during the expedition to the settlement Ugut in 2019. The experimental part includes 130 words list read out three times by four native speakers from different traditional settlements on the Malyi Yugan river and on the Bolshoi Yugan river.

The research was conducted using experimental techniques: Praat, Emu-SDMS software. The main technique was a formant analysis that deals with resonant frequencies in vowel spectra to obtain data on articulation features. Statistical evaluations and visualization were established via R programming language.

We found differences between the Malyi Yugan river and the Bol'shoi Yugan river idioms. 12 vowel phonemes were found in the Malyi Yugan idiom. Compared to the Tromyegan system the phoneme /ɔ/ (traditionally /ǝ/) is absent. It was replaced by /ɛ/ (traditionally /ǝ/) or /o/ (traditionally /ǝ/). The phoneme *ü* described in previous literature on the topic disappeared and was replaced by /i:/.

The Bolshoi Yugan vowel system includes these phonemes and also diphthongs [ʰi], [ʰɛ]. They appear after [k] where etimological *ü*, *ö* used to be. They probably are the realizations of the phonemes /i:/, /ɛ/ in the position after labialized *k*, which has become a phoneme.

Non-initial [w] is reported to be specific Jugan feature and appears to have parallels in Tromyegan idiom too. It is an evidence for the rearranging of the Surgut idioms. In this pronunciation type /w/ is realized as a labial approximant in an initial position and after not-rounded vowels in a non-final position. After not-rounded vowels in a final position it comes as an initial-voiced fricative evoking preceding vowel diphthongization. After rounded vowels it is labiovelar [ɣʷ] or non-syllabic [ʊ] (before consonants). This pronunciation type is similar to the Tromyegan type, but it differs from the Pim type where /w/ comes as a labial approximant consistently.

The disappearance of labial fricatives is a new phenomenon which has not been described properly. Territorial and social factors for this process are given. The Malyi Yugan speakers use lateral fricatives /ɬ/, /ɬʲ/ and the Bolshoi Yugan speakers replace it by /t/, /cç/. In the settlement Ugut where Bolshoi and Malyi Yugan natives contact in Russian-spoken environment both variants are used with t-pronunciation evaluated by speakers as new and declining from the 'right' speech.

Keywords

experimental phonetics, phonology, Surgut dialect, Khanty language

Acknowledgements

The research is supported by Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-012-00388)

For citation

Timkin T. V. Yugan Khanty Phonetic Features Based on the Experimental Data. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 55–67. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-55-67

Введение

Диалектное членение хантыйского языка остается проблемой, требующей изучения. Прежде всего, неоднозначен статус восточной и северной диалектных групп, которые по многим структурным признакам целесообразно выделять как два отдельных языка. Внутреннее членение этих диалектных общностей также отличается сложностью.

Обширная диалектная зона, распространенная на левобережных и правобережных притоках Оби в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа, традиционно относится к территории распространения сургутского диалекта, однако состав сургутских говоров различно описан в источниках.

Так, Е. А. Немысова [1988] противопоставляла салымский и агано-юганский говоры. Другие авторы ([Терешкин, 1981; Honti, 1981; Abondolo, 1998; Чепреги, 2016]) предлагают более дробное деление говоров в агано-юганской зоне.

На реке Пим выделяют пимский говор. Н. И. Терешкин упоминает этот идиом в «Словаре восточнохантыйских диалектов», однако не приводит словарных материалов по нему. Фонетическая специфика говора затронута у Л. Хонти; говор включается в систему идиомов у М. Чепреги, Д. Абондоло.

На реке Лямин не выделяется отдельного говора, М. Чепреги относит эту зону к территории распространения пимского говора.

Говор, выделяемый на реке Тромъеган, носит различные названия, поскольку река имеет устаревшие или неофициальные наименования Тром-Юган, Тром-Аган, а один из поселков на реке называется Тром-Аган. Так, Н. И. Терешкин называл этот говор тром-юганским, Л. Хонти подразделял тром-юганский и тром-аганский говоры. При этом, судя по его пометам, тром-юганский определялся как говор на Тром-Югане, а Тром-Аганский – как говор

в Тром-Агане. Тром-юганские данные у Л. Хонти цитировались по работам В. Штейница и Н. И. Терешкина, тогда как тром-аганский говор был описан по результатам работы с информантами. Д. Абондоло относит это разделение к диахроническим явлениям: современный тром-аганский противопоставляется неживому тром-юганскому. М. Чепреги описывает на Тромъегане единый тромъеганский говор, представленный различными подговорами (см. [Ли, Тимкин, 2019]).

На реке Аган Н. И. Терешкин и Л. Хонти выделяли аганский и усть-аганский говоры; М. Чепреги описывает здесь единый аганский говор с подговорами: варьеганским и ниже-аганским.

На левобережных притоках – реках Большой и Малый Юган – Н. И. Терешкин выделял юганский и усть-юганский говоры, тогда как В. Штейниц – юганский и малоюганский. В работах Л. Хонти эти традиции объединены и выделяются юганский, усть-юганский, малоюганский говоры. М. Чепреги делит юганский говор на малоюганский и большеюганский подговоры. Д. Абондоло следует традиции В. Штейница и упоминает только юганский и малоюганский говоры.

На реке Салым выделяют говор, значительно отличающийся от других сургутских идиомов. Так, даже в наименее дробной классификации Е. А. Немысовой салымский противопоставляется югано-аганскому. Салымский говор включается в описание Н. И. Терешкина, Л. Хонти. М. Чепреги, однако, не выделяют такой говор, относя Салым к зоне распространения большеюганского говора. Д. Абондоло, напротив, относит салымский к особой южной подгруппе внутри западнохантыйских диалектов и исключает его из числа сургутских говоров.

В рамках нашей работы [Тимкин, 2018] выполнено экспериментальное описание вокализма сургутского диалекта. Однако эта работа основана на материале тромъеганских дикторов и не объясняет ряд юганских фонетических явлений.

В литературе по сургутской фонетике описаны следующие специфически юганские черты.

1. Сохранение долгого огубленного гласного переднего ряда верхнего подъема /*iu*/, который совпал в других говорах с /*i*/. Специфическая юганская /*iu*/ выделяется еще у Н. И. Терешкина. Л. Хонти включает эту фонему в описание юганского вокализма и уточняет, что делабиализация /*iu*/ не происходит в позиции после /*k*/. М. Чепреги не включает эту фонему в систему гласных.

2. Исчезновение фонемы /*õ*/. По данным словаря Н. И. Терешкина, тромъеганскому /*õ*/ соответствует юганское /*iu*/, но не в позиции после /*k*/, /*m*/, например: тр-юг. *jõt* ‘сустав’, юг. *jūt* ‘сустав’, но тр-юг., юг., *kõt* ‘рука’, *wõ* ‘сила’. Данный переход описан у Л. Хонти (в его транскрипции *õ* > *õ*). По данным М. Чепреги, фонема /*õ*/ сохраняется в системе гласных, однако примеры приводятся только для позиции после /*k*/, /*w*/. М. Чепреги указывает, что в пимском и юганском говорах этот гласный произносится как нижний, похожий на /*ã*/, немного огубленный.

По нашим экспериментальным данным, в пимском говоре соответствующая фонема отсутствует, поскольку ее реализации совпали с /*e*/ (ФУТ /*ã*/). В тромъеганском говоре после /*w*/ данный гласный реализуется как /*o*/ (ФУТ /*õ*/), но после /*k*/ сохраняет самостоятельность, реализуясь как средне-нижний заднерядный (вопреки традиционному описанию как переднего) /*ɔ*/.

3. Допустимость неначального [w]. В говорах сургутского диалекта w употребляется только в начале словоформы, но в транскрипциях Н. И. Терешкина она встречается также после гласных в соответствии с тромъеганским лабиовелярным [ɣ]. Дистрибуция этих звуков остается крайне сложной проблемой. Так, согласно принятой реконструкции, хантыйский ɣ (из прафинно-угорских *w, *k) в сургутском диалекте подвергался лабиализации после передних огубленных гласных. Если гласный при этом делабиализовался, согласный сохранял эту огубленность. Таким образом, [ɣ], [ɣ] могут употребляться в одинаковой позиции и должны быть признаны аллофонами различных фонем. Однако в юганском ситуация усложняется тем, что после исконно огубленного гласного на месте *w, *k возможно также w; причем

из словарных транскрипций не восстанавливается однозначно дистрибуция этого явления; в ряде случаев наблюдается вариативность *w* и *y*. Например, *oy* 'голова', *owləy* 'безголовый', *oyti*, *owti* 'верх'.

4. Для говоров сургутского диалекта по-разному описывается подсистема долгих нижних гласных. Так, в словаре Н. И. Терешкина в тромьеганских (тром-юганских) материалах фиксируется передняя неогубленная фонема /a/ и непредняя огубленная /ā/. В юганском в ряде случаев им соответствуют передняя и непредняя неогубленные /ā/, /a/: тр-юг. *arit*, юг. *ārit* 'около'.

Л. Хонти противопоставлял *ā* ~ *ā* в системах левобережных говоров, а также в юганском и усть-юганском, при этом в малоюганском противопоставлялись *ā* ~ *a*. Комментируя систему, Л. Хонти писал, что лабиализация непреднего *a* – новое явление в сургутском диалекте и еще не завершилось в малоюганском, приводя к колебанию *ā* / *a*.

5. Переход глухих хантыйских латералов /ll/, /l'/ в соответствующие смычные /t/, /t'/ характерен для говоров южнохантыйской группы, например прииртышского. По-видимому, отсюда данный процесс распространился на левобережную часть сургутского ареала. Так, у Н. И. Терешкина, Л. Хонти это явление описано только для салымского – самого западного из левобережных сургутских говоров. Однако М. Чепреги отмечает дальнейшее продвижение процесса на восток, где он захватывает верховья Большого Югана, Пим.

Цель данной работы – дать объективное акустическое описание данных явлений в их современном состоянии на новом полевом материале.

Материалы и методы

Исследование основано на материалах полевой экспедиции 2019 г. под руководством Н. Б. Кошкаревой. В течение экспедиции были записаны словарные списки, озвученные двадцатью информантами, проживающими в селе Угут, а также в традиционных поселениях на берегах рек Малый и Большой Юган.

Данные обработаны методом слухового анализа. Экспериментальная проверка сделанных наблюдений производилась методами акустической фонетики на основе выборки, включающей данные четырех информантов.

Информант № 1 – уроженка р. Большой Юган, проживает на р. Малый Юган.

Информант № 2 – уроженка р. Большой Юган, проживает на р. Большой Юган.

Информант № 3 – уроженка верховьев р. Малый Юган, проживает на р. Малый Юган.

Информант № 4 – уроженец р. Малый Юган, проживает на р. Малый Юган.

Все информанты учились в школе с. Угут, ведут традиционный образ жизни, в быту пользуются хантыйским языком.

Анализ основан на записи основной лексической базы, включающей 130 слов в нескольких грамматических формах. Каждую форму информант озвучивал трижды по русскоязычному стимулу.

Аудиозаписи аннотированы в программе Praat¹ и загружены в фонетическую корпусную систему Etmu-SDMS [Winkelmann et al., 2017], при помощи которой были реализованы методики спектрального и формантного анализа. Полученные данные статистически обработаны и визуализированы с помощью языка программирования R.

Методика формантного анализа предполагает, что в спектре каждого гласного звука выделяются резонансные пики – форманты, определяющие тембр звука. Частота двух нижних формант напрямую связана с характером артикуляции: частота F1 соответствует подъему гласного, частота F2 характеризует ряд и огубленность.

В настоящей работе используется два способа реализации формантных данных: для описания звуков дифтонгического характера – график контура частоты форманты, на котором

¹ Boersma P., Weenink D. Praat: Doing Phonetics by Computer. Version 6.1.16. URL: <http://www.praat.org/> (retrieved June 6, 2020).

отражается изменение частоты одной из формант с течением времени; для описания звуков с ровным контуром формант – графики, где отдельные произнесения звука отражаются как точки на плоскости, расположение которых отражает распределение звуков по рядам и подъемам.

При цитировании источников звуки транскрибируются знаками финно-угорской транскрипции (ФУТ). При описании экспериментальных данных используются знаки международного фонетического алфавита (IPA), соответствие по ФУТ приводится в круглых скобках.

Результаты

Проблема юганской /i/. Мы обнаружили два типа произнесения звука в позициях, где фиксировалась /i/. Первый тип зафиксирован у информантов – уроженцев реки Большой Юган. Для этого типа произнесения характерно сохранение особого гласного, отличного от /i:/ (ФУТ /i/), однако только в позиции после заднеязычного взрывного согласного.

Данные гласные имеют среднюю частоту первой форманты (F1) 350 Гц, что соответствует гласным верхнего подъема; однако отличаются характером контура частоты второй форманты.

Покажем график частоты второй форманты ударных гласных по данным информанта № 1 в словах *kũlta* ‘встать’, *kũl* ‘свищ’, *mił* ‘шапка’, в которых, по словарю Н. И. Терешкина, зафиксирована долгая передняя огубленная фонема верхнего подъема /i/ (рис. 1). Для сравнения на том же графике приведены данные по ударным гласным в лексемах *kiməŋ* ‘возможно, оказывается’, *ķiŋəŋ* ‘крепкий’, *min* ‘мы двое’, где в аналогичных позициях (после заднеязычного смычного и после губного носового) употребляются неогубленные фонемы верхнего подъема /i:/ (ФУТ *i*), /i:/ (ФУТ *i*), /i:/ (ФУТ *i*).

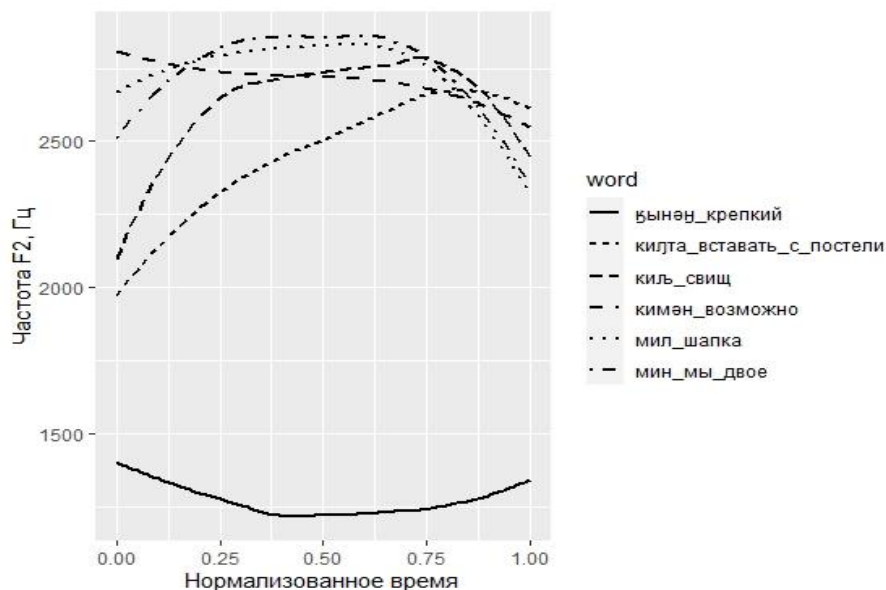

Рис. 1. Контур частоты F2 реализации гласных верхнего подъема по данным информанта № 1

Fig. 1. Contour of the close vowels F2 frequency based on the speaker № 1 data

По горизонтальной оси отложено нормализованное время, т. е. время от начала гласного сегмента, разделенное на общую абсолютную длительность сегмента. По вертикальной оси – частота второй форманты (F2). Каждая линия усредняет данные всех записанных произнесений лексемы. Контур лексем отличается рисунком: *ķiŋəŋ* ‘крепкий’ – сплошная линия;

kulta ‘встать’ – узкий пиктир; *kul* ‘свищ’ – широкий пиктир; *kiməŋ* ‘возможно, оказывает-ся’ – широкий пиктир с широкими пробелами; *mił* ‘шапка’ – точечный пиктир; *min* ‘мы двое’ – пиктир «точка-тире». Таким образом, график позволяет отследить изменения частоты F2 в различных фазах артикуляции.

Мы наблюдаем неоднородность произношения звуков на месте этимологического *i*. В лексемах *kulta* ‘встать’, *kul* ‘свищ’ реализуется дифтонгоид с *u*-образной первой частью и *i*-образной второй. В лексеме *mił* ‘шапка’ реализуется гласный однородной *i*-образной артикуляции.

Сравним дифтонгоид [^ui] с реализацией фонем /i:/, /i:/ в позиции после заднеязычного смычного. В точке 0,5 относительной длительности звука [^ui] частота F2 варьирует в пределах 2 450–2 800 Гц, имеет среднее значение 2 600 Гц. Это близко к значению F2 для фонемы /i:/, имеющей пределы варьирования 2 650–2 780 Гц и среднее значение 2 700 Гц.

В точке 0,75 относительной длительности звук [^ui] имеет диапазон варьирования 2 560–2 840 Гц и среднее значение 2 770 Гц. В этой точке фонема /i:/ имеет близкие значения в диапазоне 2 560–2 720 Гц и среднее значение 2 640 Гц.

В точке 0,25 относительной длительности звук [^ui] имеет разброс значений 2 100–2 740 Гц и средние значения 2 500 Гц. Фонема /i:/ здесь реализуется в пределах 2 710–2 740 Гц, среднее значение 2 730 Гц.

Таким образом, фонема /i:/ имеет однородную артикуляцию на протяжении своей длительности. Дифтонгоид [^ui] – более низкие значения F2 на протяжении первых 30 % длительности, затем сближается с /i:/.

В лексеме *mił* ‘шапка’ в точке 0,5 нормализованной длительности F2 характеризуется значениями F2 в пределах 2 800–2 850 Гц при среднем значении 2 820 Гц. Для сравнения в лексеме *min* ‘мы двое’, где в аналогичной позиции реализуется фонема /i:/ значение F2 равно 2 830 Гц.

В точке 0,25 нормализованной длительности гласный лексемы *mił* ‘шапка’ имеет F2 в пределах 2 750–2 880 Гц и среднее значение 2 800 Гц, тогда как гласный в *min* ‘мы двое’ характеризуется средним значением 2 870 Гц.

Таким образом, гласный в слове *mił* ‘шапка’ имеет ровный контур частоты второй форманты и не имеет значимого отличия от гласного /i:/.

Аналогичные результаты мы получаем по данным информанта № 2. Мы также наблюдаем в рассмотренных лексемах дифтонгоид [^ui] с переходной *u*-образной фазой, не характерной для реализаций фонемы /i:/, длительностью примерно 30 % от общей. На середине произнесения дифтонгоид имеет значения F2 2 620–2 670 Гц и не отличается от реализаций фонемы /i:/.

Второй тип произнесения зафиксирован у носителей с реки Малый Юган. В этом типе нет особого огубленного гласного, отличного от /i:/ . Покажем контуры частоты второй форманты по данным информанта № 3 в словах, которые были рассмотрены для первого информанта (рис. 2).

Мы видим, что звук, соответствующий *i*, обладает ровным контуром F2 и не имеет значимого отличия от контура F2 реализаций фонемы /i:/ . Так, в точке 0,5 относительной длительности гласный в лексемах *kulta* ‘встать’, *kul* ‘свищ’ реализуется в диапазоне значений 2 500–2 640 Гц при среднем значении 2 590 Гц. Ударный гласный в лексеме *kiməŋ* ‘возможно, оказывается’ реализуется в пределах 2 450–2 570 Гц при среднем значении 2 490 Гц. В точке 0,25 относительной длительности гласный в лексемах *kulta* ‘встать’, *kul* ‘свищ’ реализуется в диапазоне значений 2 470–2 680 Гц со средним значением 2 570 Гц. В лексеме *kiməŋ* ‘возможно, оказывается’ гласный имеет частоту F2 2 520–2 610 Гц и среднее значение 2 560 Гц.

Аналогичные результаты мы получаем по данным информанта № 4. Гласный на месте *i* имеет ровный контур и значения F2 порядка 1 900 Гц. Более низкое значение здесь обусловлено особенностями мужского голоса и не имеет значимого отличия от реализаций фонемы /i:/ для данного информанта.

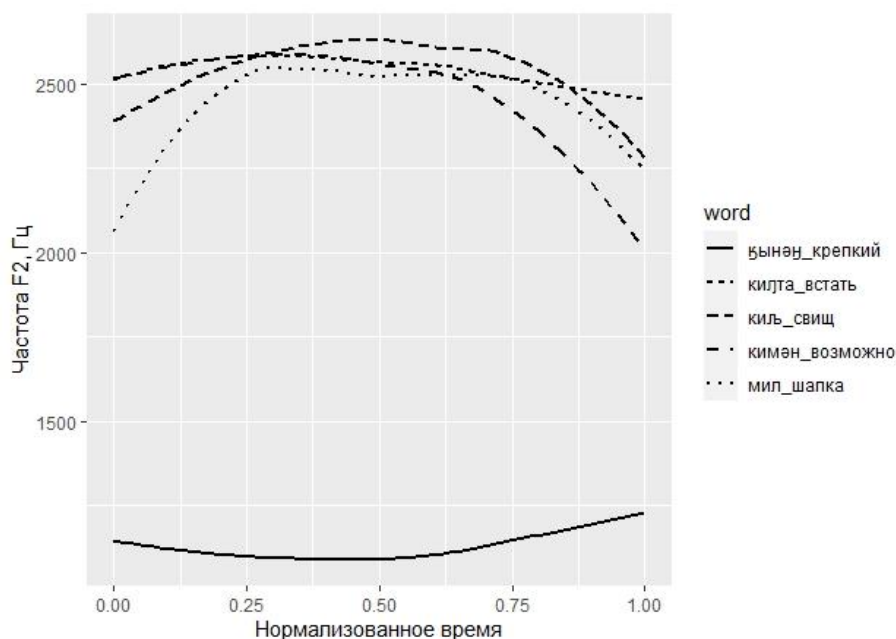

Рис. 2. Контур частоты F2 реализации гласных верхнего подъема по данным информанта № 3

Fig. 2. Contour of the close vowels F2 frequency based on the speaker №3 data

Таким образом, в этом типе произнесения на месте /i/ реализуется фонема /i:/ во всех позициях. Также нет надежных свидетельств о сохранении остаточной огубленности *k* в исследованных лексемах.

Проблема неначального [w]. Звук, традиционно выделяемый на месте юганского неначального [w] в произнесении наших информантов представлен глухим и звонким вариантами. Сравнив произношение ряда морфем в различных словоформах, мы приходим к выводу, что это различие может быть объяснено позиционно. Так, звонкий аллофон употребляется в интервокальной позиции, тогда как глухой – в конце фонетического слова. Например, в формах *siw* ‘украшение’, *sāw* ‘коса’ реализуется оглушенный согласный, тогда как в формах *ta siwet* ‘мое украшение’, *ta sāwat* ‘моя коса’ – звонкий.

Оглушение щелевого согласного сопровождается развитием перед ним глайдовой артикуляции, связанной с понижением частоты F2 и амплитуды предшествующего гласного.

Аналогичное позиционное оглушение наблюдается и для фонемы /ɣ/, например, в форме *ləɣ* ‘хвост’.

Спектральный анализ шумового компонента согласных не позволяет на данной выборке установить надежные акустические различия между [w], [ɣ] и [ɣ], поскольку акустические свойства велярных и губных артикуляции могут быть похожи. Более надежным критерием разграничения на данном этапе является комбинаторное влияние согласного на качество предшествующего гласного. Как уже было сказано, для неогубленных гласных перед губным щелевым наблюдается нисходящий контур частоты F2. Например, в лексеме *sāw* ‘коса’ в точке 0,5 относительной длительности реализуется среднее значение F2 1 950 Гц; на границе с согласным – 1 640 Гц. Для сравнения: в лексеме *ləɣ* ‘хвост’ в точке 0,5 реализуется значение F2 2 170 Гц, на границе с согласным – 2 080 Гц.

У огубленных гласных такое понижение не выражено настолько очевидно, в первую очередь потому, что для них характерно более низкое собственное значение F2. Тем не менее u-образный переход может вариативно реализоваться после неверхних гласных, например в слове *lɔɣ* ‘кость’.

После верхних огубленных гласных может наблюдаться утрата согласного. Например, лексема *tuɣər* ‘гнилушка’ произносится как [tuːɔr].

Сложность для анализа представляет позиция щелевого согласного перед другим согласным, поскольку эта позиция не такая частотная. Однако на основании имеющихся данных можно сделать следующие наблюдения. Если последующий согласный звонкий, то согласный произносится звонко, как в интервокальной позиции, например в формах *ta kəɣnat* ‘моя пуговица’ или *n'ewrət* ‘ребенок’. В позиции перед глухим согласным заднеязычный щелевой, как правило, оглушается. Огубленный щелевой здесь представлен аппроксимантом с невыраженной шумовой составляющей, например в словах *oɣʁi* ‘дверь’, *oɣʁi* ‘верх’.

Несмотря на то что нет минимальных пар, которые противопоставлялись бы только заднеязычным и губным щелевым, после неогубленного гласного может встречаться как губной, так и заднеязычный согласный. Это говорит в пользу того, что звуки, обозначаемые в традиционных описаниях как γ^o и γ , репрезентируют различные фонемы, которые не противопоставляются в начальной позиции и после огубленного гласного. По акустическим признакам можно отождествить как реализации одной фонемы: а) w в начальной позиции, б) γ^o после неогубленных гласных, в) γ^o в позиции нейтрализации после огубленных гласных.

Таким образом, по нашим данным, подсистема звонких щелевых представлена двумя фонемами / w / и / γ /. Фонема / w / реализуется в начальной позиции как звонкий губной согласный. После гласных в интервокальной позиции и перед звонким согласным реализуется как звонкий щелевой согласный с ощутимым γ -образным призвуком, вызывающий комбинаторное понижение частоты F2 предшествующего согласного, если он неогубленный. После верхних огубленных гласных может наблюдаться нулевая реализация фонемы. Перед глухим согласным данная фонема реализуется как неслоговой гласный [ɔ]. В конце фонетического слова звук представлен начальноозвонченным шумным согласным, вызывающим дифтонгизацию предшествующего гласного.

Фонема / γ / представлена в позиции после неогубленных гласных и реализуется как звонкий щелевой в интервокальной позиции, а также перед звонкими гласными, как глухой щелевой в конце слова и перед глухими согласными.

Описанный тип произношения, зафиксированный в наших материалах, не составляет собственно юганской специфики. Похожий состав фонем и их реализация обнаруживается и у тромъеганских дикторов. Этому типу произнесения противостоит другой вариант организации консонантизма, который был зафиксирован у пимского информанта и одного тромъеганского диктора, родившегося на востоке тромъеганской диалектной зоны. Здесь фонема / w / не подвергается оглушению и реализуется в конце слова звонко, при этом, в отличие от описанного типа, начальные и неначальные реализации / w / не различаются тембрально.

Гласный на месте традиционно выделяемого $\hat{a}$. Ранее в наших экспериментальных работах на тромъеганском материале мы показали, что противопоставление переднего неогубленного и непереднего огубленного a в настоящее время подверглось перестройке. Если / a / носит характер среднерядного нижнего гласного, то / $\hat{a}$ / реализуется как средне-нижний непередний гласный / $\text{ɔ}:/$.

Мы не обнаруживаем в этом отношении расхождений между юганскими и тромъеганскими данными. Проиллюстрируем это положение графиком распределения реализаций фонем / $a:/$, / $\text{ɔ}:/$ для малоюганского, большеюганского, тромъеганского информантов. На рис. 3 каждая панель графика показывает данные, записанные от одного из информантов.

Как можно убедиться, взаиморасположение артикуляций свидетельствует, что в исследованных идиомах гласные / $a:/$ (ФУТ / a /), / $\text{ɔ}:/$ (ФУТ / $\hat{a}$ /) противопоставляются как центрально-рядный нижний и заднерядный средне-нижний.

Если учесть, что Л. Хонти считал лабиализацию непереднего a процессом, не завершившимся в малоюганском говоре, то можно предположить, что сейчас этот общесургутский процесс закончен.

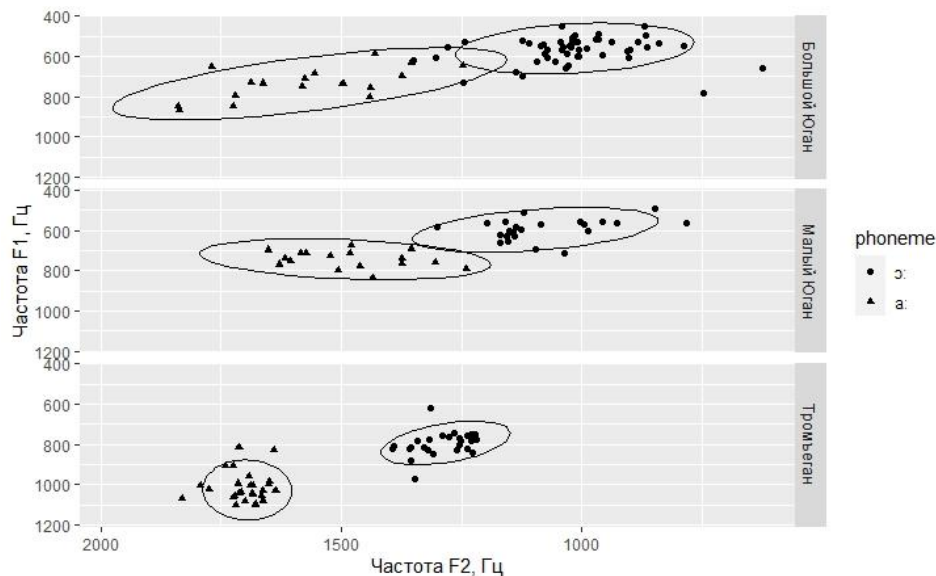

Рис. 3. Распределение реализаций фонем /a:/, /ɔ:/ по данным различных информантов

Fig. 3. Variability of the vowels /a:/, /ɔ:/ based on the speakers data

Гласная на месте традиционно выделяемой /*ǫ̃*/ ². На тромъеганском материале нами обнаружено, что противопоставление /*ǫ̃*/ и /*ǭ*/ как переднего и непреднего гласных не соответствует экспериментальным данным. Эти фонемы мы описали соответственно как средне-нижнюю /*ɔ*/ и средне-верхнюю /*o*/. При этом /*ɔ*/ реализуется упрежденно, что, в принципе, отвечает закономерностям построения треугольных вокалических систем.

Для пимского говора фонема /*ɔ*/ не выделялась, ее реализации по формантным характеристикам совпадали с оттенками фонемы /*ε*/ (ФУТ /*ä*/).

В произнесении большеюганских информантов в позиции после *w* в лексемах, где фиксировалась *ǫ̃*, представлен гласный /*o*/ (ФУТ /*ǭ*/). Например, в лексеме *wǫ̃ʸ* ‘сила’ гласный по данным первого информанта имеет значения F1 430 Гц, F2 770 Гц.

В позиции после /*k*/ это дифтонгоид с явно выраженной *ɔ*-образной начальной частью и делабиализованной второй. Рассмотрим график динамики частоты F2 гласных в лексемах *käł* ‘роса’, *kǫ̃nəʸ* ‘легкий’, *kǫ̃nəʸ* ‘с животом’ (рис. 4).

Гласный /*ε*/ (ФУТ /*ä*/) в слове *käł* ‘роса’ реализуется с ровным контуром, имеющим среднюю частоту F2 1910 Гц и варьирующим в пределах 1780–2050 Гц.

Гласный /*o*/ (ФУТ /*ǭ*/) в слове *kǫ̃nəʸ* ‘с животом’ имеет стационарный участок посередине длительности с частотой F2 980 Гц и пределами вариативности 960–1030 Гц. В начале гласный характеризуется незначительным понижением частоты F2. Так, в точке 0,25 относительной долготы гласный имеет среднее значение F2 960 Гц при вариативности в пределах 930–1000 Гц. После стационарного участка наблюдается некоторое повышение F2 до 1020 Гц в точке 0,75 относительной длительности при вариативности 920–1120 Гц.

Гласный на месте фонемы /*ɔ*/ не имеет стационарного участка, а характеризуется восходящим контуром F2. В точке 0,25 относительной длительности F2 имеет значение 1290 Гц (пределы 1250–1340 Гц), в точке 0,5 – 1390 Гц (пределы 1260–1490 Гц), в точке 0,75 – 1570 Гц (пределы 1450–1780 Гц).

Аналогичные результаты мы наблюдаем по данным второго информанта, где гласный /*ɔ*/ имеет восходящий контур со значениями F2 от 1350 до 1870 Гц.

² Приводя запись по ФУТ, мы следуем транскрипции Н. И. Терешкина. Л. Хонти обозначал данную фонему /*ǫ̃*/, а обозначение /*ǭ*/ использовал для фонемы /*ǭ*/.

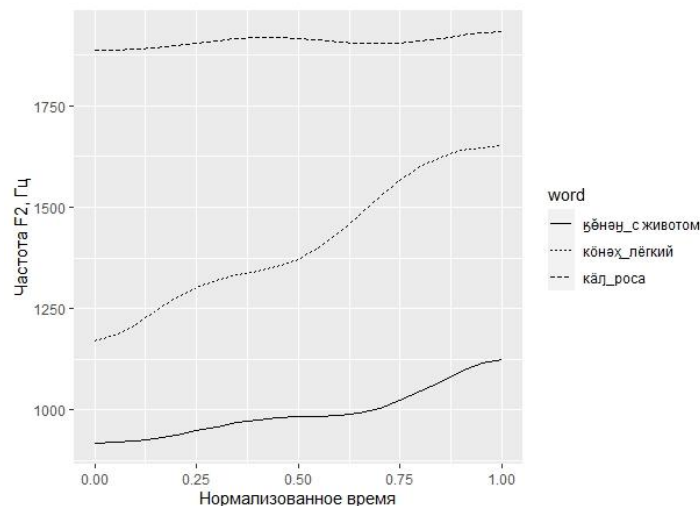

Рис. 4. Контур частоты F2 реализаций неверхних кратких гласных по данным информанта № 1
Fig. 4. Contour of the open short vowels F2 frequency based on the speaker № 1 data

С одной стороны, здесь просматривается параллель с явлением делабиализации i^h , где на месте огубленной передней фонемы реализуется неогубленная с огубленным переходным участком. Однако есть и существенное различие. Дифтонгоид $[^hi]$ имеет стационарный участок, совпадающий с реализациями фонемы $/i:/$ (ФУТ $/i/$), тогда как $[^h\varepsilon]$ не достигает значений, характерных для реализаций фонемы $/\varepsilon/$ (ФУТ $/\check{a}/$).

В произношении малоюганских информантов особая фонема $/o/$ не обнаружена. При этом в позиции после $/w/$ (например, в лексеме $w\check{o}y$ 'сила') фиксируется также гласный $/o/$ (ФУТ $/\check{o}/$). В позиции после $/k/$ здесь наблюдаются различия между дикторами: одни информанты употребляют фонему $/o/$ (ФУТ $/\check{o}/$), другие – $/\varepsilon/$ (ФУТ $/\check{a}/$), причем различия зафиксированы даже у родственников, проживающих в одном селении.

У информанта № 3 мы зафиксировали оба варианта. Покажем на рис. 5 зоны вариативности гласных $/o/$, $/\varepsilon/$ по данным этого диктора. Круглые метки и сплошной контур показывают реализации и зону вариативности фонемы $/\varepsilon/$. Квадратные метки и пунктирный контур показывают реализации и зону вариативности фонемы $/o/$.

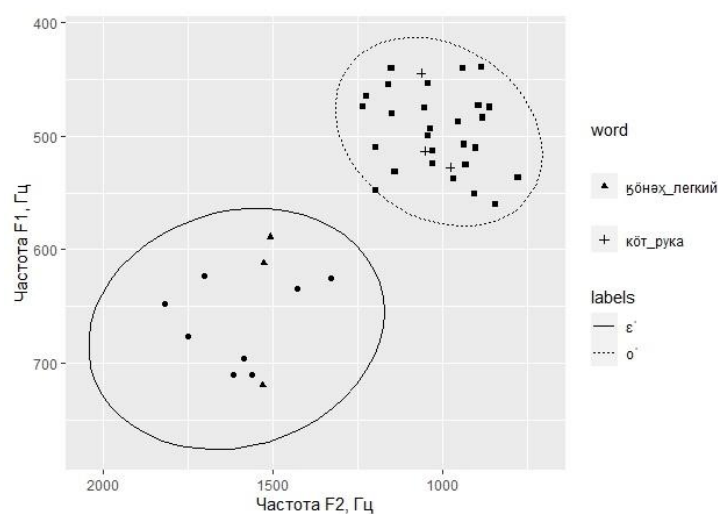

Рис. 5. Распределение реализаций фонем $/\varepsilon/$, $/o/$ по данным информанта № 3
Fig. 5. Variability of the phonemes $/\varepsilon/$, $/o/$ based on the speaker № 3 data

Треугольными метками обозначены гласные первого слога в лексеме *kõṇəy* ‘легкий’ (средние значения F1 640 Гц, F2 1520 Гц), крестообразными – гласные в лексеме *kõt* ‘рука’ (средние значения F1 540 Гц, F2 1000 Гц). Как можно убедиться в первом случае реализуется фонема /ɛ/, во втором – /o/.

У информанта № 4 в данных лексемах реализуется всегда /o/.

Условия, при которых у различных информантов появляются /ɛ/ или /o/ на месте этимологического переднего огубленного, а у отдельных носителей оба варианта варьируют, требуют дальнейшего изучения.

Фонологизация [k̥]. Как уже было сказано, в большеюганском вокализме специфические гласные на месте передних огубленных *i̯*, *o̯* сохраняются только после заднеязычного взрывного и носят дифтонгический характер. Это явление может иметь двоякое фонологическое объяснение.

Во-первых, мы можем считать, что эти дифтонги являются самостоятельными фонемами. Во-вторых, мы можем предположить, что фонемы /i̯/ и /o̯/ утратились, но при этом произошла фонологизация огубленного [k] и развилась особая позиция, в которой гласные /i:/, /ɛ/ представлены дифтонгическими оттенками.

Второе объяснение кажется нам более убедительным, к тому же оно находит параллель с явлением фонологизации [ɣ], огубленность которого носила позиционный характер, но сохранилась после делябиализации гласных.

Для доказательства этой гипотезы требуется продолжать исследования в области сургутского консонантизма и привлечь более широкие данные по лабиализации заднеязычных согласных.

Сдвиг изоглоссы *t* / *l*. Наблюдения показывают, что явление перехода *l* в *t*, описанное для прииртышского и салымского диалектов, сейчас затрагивает юганский ареал. У большеюганских информантов использование /t/ на месте /l/ носит последовательный характер, в том числе у представителей старшего поколения, тогда как на Малом Югане это явление не зафиксировано. У информанта № 1, родившейся на Большом Югане, но проживающей на Малом, реализуется *l*-произношение, но с единичными колебаниями.

У жителей поселка Угут, где в русскоговорящем окружении проживают ханты как малоюганского, так и большеюганского происхождения, наблюдается колебание *l*- и *t*-вариантов. При этом *t*-вариант оценивается как новый, отклоняющийся от «правильного» употребления.

Следует отметить, что в исконных сочетаниях *lt* латерал переходит не в *t*, а в щелевой согласный.

Дискуссия

По экспериментальным данным в малоюганской системе выделяется 12 гласных фонем: /i:/, /i̯:/, /u:/, /u̯:/, /e:/, /e̯:/, /o:/, /o̯:/, /a:/, /a̯:/, /ɨ:/, /ɨ̯:/, /ɔ:/, /ɔ̯:/, /ɛ:/, /ɛ̯:/, /a/. Данная система соответствует ранее обоснованной экспериментально пимской системе. В отличие от тромъеганской системы отсутствует фонема /ɔ/. Если в пимской она совпала с /ɛ/, то у малоюганских носителей она переходит в /ɛ/ или /o/, причем у отдельных носителей фиксируются колебания между этими двумя типами.

В большеюганском вокализме помимо этих 12 фонем присутствуют два переднерядных дифтонга с огубленной первой частью: [i̯] и [o̯], реализующиеся после взрывного /k/ на месте этимологических *i̯*, *o̯*. Фонологическая самостоятельность этих звуков вызывает сомнения. Но чтобы отнести их к реализациям фонем /i:/, /ɛ/, мы должны предполагать фонологизацию огубленного [k̥]. Эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

Малоюганский консонантизм включает фонемы /p/, /t/, /k/, /tʃ/, /cç/, /s/, /ʃ/, /w/, /ɣ/, /m/, /n/, /ŋ/, /r/, /l/, /ʎ/, /ɕ/. Фонема /w/ реализуется в основном аллофоне в начальной позиции, после неогубленных гласных в интервокальной позиции и перед звонкими согласными. После неогубленных гласных в конце слова она реализуется как начальноеозвонченный шумный со-

гласный, при этом значительно влияет на F2 предшествующего гласного. После огубленных гласных реализуется огубленный заднеязычный [ɣ^w], в конечной позиции он может подвергаться оглушению, а перед согласными принимать характер неслогового гласного.

Большеюганский консонантизм отличается исчезновением фонем /ɬ/, /ʃ/, которые с различной степенью последовательности заменяются говорящими на /t/, /ç/. Учитывая описанные особенности вокализма, можно предполагать фонологизацию в этой системе огубленно-го /k/.

Таким образом, по устройству вокализма юганская система сближается с пимской, но имеет заметные отличия от нее, определяющие уникальность этого говора. По характеру реализации /w/ консонантизм сближается с тромьеганским, а по характеру развития латералов – с говорами среднеобского ареала. Мы обнаруживаем, что фонетические процессы, описанные для других сургутских говоров, захватывают новые территории и ведут к перераспределению хантыйских идиомов.

Список литературы

- Ли П. И., Тимкин Т. В.** Проблема диалектной принадлежности полевых данных по хантыйскому языку с реки Тромьеган // Документирование языков и диалектов коренных малочисленных на родов Российской Федерации: Материалы Междунар. конф. СПб.: Изд-во Ин-та лингвистических исследований, 2019. С. 44–46.
- Немысова Е. А.** Хантыйский язык: Учебник для учащихся педагогических училищ. Л.: Просвещение, 1988. 224 с.
- Тимкин Т. В.** Типологическая характеристика хантыгского вокализма по данным казымского и сургутского диалектов // Вестник НГУ. Серия: История, Филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 66–80.
- Терешкин Н. И.** Словарь восточно-хантыйских диалектов. Л.: Наука, 1981. 544 с.
- Чепреги М.** Сургутский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск, 2016. 180 с.
- Abondolo D.** Khanty. In: *The Uralic Languages*. London, Routledge, 1998, pp. 358–386.
- Honti L.** Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte [Towards the Genesis of East Khanty Idioms in the Light of Phonetics History]. *Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*, 1981, vol. 31, pp. 87–106. (in Germ.)
- Winkelmann R., Harrington J., Jansch K.** EMU-SDMS: Advanced Speech Database Management and Analysis in R. *Computer Speech & Language*, 2017, vol. 45, pp. 392–410.

References

- Abondolo D.** Khanty. In: *The Uralic Languages*. London, Routledge, 1998, pp. 358–386.
- Chepregi M.** Surgutskii dialekt khantyiskogo yazuka [Surgut Dialect of the Khanty Language]. Khanty-Mansiisk, 2016, 180 p. (in Russ.)
- Honti L.** Zur Frage nach der Herausbildung der ostostjakischen Mundarten im Lichte der Lautgeschichte [Towards the Genesis of East Khanty Idioms in the Light of Phonetics History]. *Acta Linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*, 1981, vol. 31, pp. 87–106. (in Germ.)
- Li P. I., Timkin T. V.** Problema dialektnoi prinadlezhnosti polevykh dannykh po khantyiskomu yazyku s reki Tromyegan [The Problem of Dialect Attribution of Khanty Field Materials from Tromyegan River]. In: *Dokumentirovanie yazykov i dialektov korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi federatsii* [Documentation of Russian Federation Indigenous Languages]. Proc. of International Conference. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2019, pp. 44–46. (in Russ.)
- Nemysova E. A.** Hantyiskii yazyk [Khanty Language]. Textbook for Students of Pedagogical Colleges. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1988, 224 p. (in Russ.)

- Tereshkin N. I.** Slovar' vostochno-khantyiskikh dialektov [Eastern Khanty Dialect Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1981, 544 p. (in Russ.)
- Timkin T. V.** Typological Characteristics of Khanty Vocalism Based on the Data from Kazym and Surgut dialects. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, pp. 66–80. (in Russ.)
- Winkelmann R., Harrington J., Jänsch K.** EMU-SDMS: Advanced Speech Database Management and Analysis in R. *Computer Speech & Language*, 2017, vol. 45, pp. 392–410.

Информация об авторе

Тимофей Владимирович Тимкин, младший научный сотрудник

Information about the Author

Timofey V. Timkin, Junior Researcher

*Статья поступила в редакцию 28.12.2020;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 28.12.2020;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-68-74

Семантические различия между глагольно-именными оборотами и соответствующими глаголами (на примере оборотов с глаголами *испытать* / *испытывать*)

Иван Максимович Козлов ¹

Елена Сергеевна Кузнецова ²

^{1, 2} Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
Новосибирск, Россия

¹ razr0vanya@gmail.com

² kouznetsova.elena.s@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена описанию семантических различий между глагольно-именными оборотами с глаголами *испытать* / *испытывать* и лексически соответствующими им глаголами. Традиционно глагольно-именные обороты рассматриваются в ряду глагольных перифрастических средств, в связи с чем не учитывается их семантическая специфика. Семантика оборотов со значением состояния отличается своим внутрисубъектным характером: описываемое состояние не подразумевает экспликации. Это находит отражение и в различиях актантных структур некоторых оборотов и глаголов. Значение оборота ориентировано преимущественно на значение именного компонента, что объясняет несовпадение их значений с некоторыми соответствующими глаголами. Кроме того, значение оборотов характеризуется комплексностью: семантика определяется не только именным, но и глагольным компонентом. Так, при одном и том же именном компоненте, но разных реализованных значениях глагольного мы получаем семантически разные обороты, что проявляется в их синтаксическом поведении. Различный характер семантических соответствий между оборотами и глаголами, а также многообразие факторов, влияющих на семантику глагольно-именных оборотов, не позволяет относить их к глагольным перифрастическим средствам.

Ключевые слова

глагольно-именный оборот, глагольный компонент, перифрастические средства, описательный предикат

Для цитирования

Козлов И. М., Кузнецова Е. С. Семантические различия между глагольно-именными оборотами и соответствующими глаголами (на примере оборотов с глаголами *испытать* / *испытывать*) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 68–74. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-68-74

Semantic Differences between Verb-Nominal Collocations and Corresponding Verbs (As Exemplified by Collocations with Verbs *Ispytyvat'* / *Ispytat'*)

Ivan M. Kozlov ¹, Elena S. Kuznetsova ²

^{1, 2} Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

¹ razr0vanya@gmail.com

² kouznetsova.elena.s@gmail.com

Abstract

The following article focuses on semantical differences of verbal-nominal descriptive predicates constructed by verbs *ispytyvat'* / *ispytat'* from their lexically adequate verbal correlates. The Russian linguistic tradition describes such col-

© Козлов И. М., Кузнецова Е. С., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 68–74

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 68–74

locations as verbal periphrasis, and this leads to a misjudgment of their semantical particularity. Our main goal is to describe the differences due to state semantical independence of the collocations from the verbs.

The study showed that an emotional state described by descriptive predicates with verbs *ispytyvat'* / *ispytat'* presupposes no explication, which differs them from some lexically adequate verbal correlates. It reveals an intra-subject nature of their semantics that can be manifested in a specific actant structure or in its implementation. It is also worth noting their semantic complexity and an important role of verbal component: different meanings of the verbal component cause different semantics of whole collocation even with the same nominal one. Thus, particular meaning of a nominal component and of a verbal one makes up semantics of a whole construction.

Many types and examples of semantical discrepancy between the verbal-nominal descriptive predicates and their lexically adequate verbal correlates leads to the necessity of describing their semantics departed from the verbal correlates' meaning and of the refusal to consider them as means of verbal periphrasis.

Keywords

verbal-nominal structures; verbal component; periphrasis; descriptive predicates

For citation

Kozlov I. M., Kuznetsova E. S. Semantic Differences between Verb-Nominal Collocations and Corresponding Verbs (As Exemplified by Collocations with Verbs *Isipytyvat'* / *Isipytat'*). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 68–74. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-68-74

Под глагольно-именным описательным оборотом мы (вслед за П. А. Лекантом) понимаем семантически неделимую синтаксическую конструкцию, состоящую из глагольного и именного компонентов и выполняющую в предложении роль простого глагольного сказуемого [Лекант, 2004, с. 151]. Под соответствующим глаголом понимается лексически соответствующий именной части оборота глагол. Так, соответствующим глаголом оборота *испытывать радость* является *радоваться*:

- (1) Там она встречала Вронского и **испытывала радость** [радовалась] при этих встречах (Л. Н. Толстой).

Одним из первых отечественных лингвистов на глагольно-именные обороты обратил внимание М. В. Ломоносов, называя рассматриваемые языковые единицы в соотносительных парах типа *в страхе привести – устрашить* «парафразисом» [1952, с. 253]. В «Исторической грамматике» Ф. И. Буслаев называет такие единицы, как *вести разговор* и *оказать вежливость*, «описательными формами глагола» и отмечает, что подобные «формы» расчлененно обозначают то же действие, которое может быть выражено нерасчлененно глаголом [1863, с. 299]. Такой подход к описанию оборотов позволяет рассматривать их в качестве перифрастических средств выражения глагольного действия: именно толкованием через соответствующий глагол доказывается, что обороты имеют единое значение. Подобное понимание оборотов прослеживается и в их лексикографическом описании: рассматриваемые в работе глагольно-именные обороты с глаголами *испытывать* / *испытать* используются исследователями и составителями словарей в метаязыковых целях при толковании эмотивной лексики:

Злиться, злюсь, злишься; *нсв.* (*св.* обозлиться и разозлиться). 1. Испытывать злость; сердиться на кого-, что-либо. 3. на критику (БТС).

При такой трактовке описательных оборотов создается представление о вторичности их семантики по отношению к глагольной. Утверждается, что оборот семантически тождествен соответствующему глаголу, а семантика всего оборота определяется исключительно именным компонентом.

В более поздних исследованиях отмечалось, что раздельнооформленность оборота при описании одного действия или состояния не предполагает деления на собственно грамматический и семантический компоненты. Роль глагольного компонента состоит как в грамматическом оформлении конструкции в целом (посредством формальной реализации валентности субъекта и предикативных значений времени, модальности), так и в сообщении обороту категориального значения состояния / действия [Макович, 1997]. Именной компонент, в свою очередь, определяет вещественную семантику всего оборота, а также оказывает влияние на

формальную структуру предложения (посредством реализации валентностей имени) [Лагузова, 2003].

Мы придерживаемся тезиса о семантической самостоятельности глагольно-именных оборотов, независимости их значения от семантики соответствующих глаголов, а также рассматриваем те различия между оборотами и соответствующими глаголами, которые не позволяют причислить их к глагольным перифрастическим средствам. В статье мы проиллюстрируем такие отличия на примере оборотов с глаголами *испытать* / *испытывать*, широкие сочетаемостные возможности которых обуславливают богатство сопоставительного материала. В ходе исследования было рассмотрено 112 оборотов с глаголами *испытать* / *испытывать* на базе 2 000 предложений, поиск которых осуществлялся с привлечением Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Мы рассмотрим вещественную семантику оборотов и соответствующих глаголов, фокусируясь на различиях при сопоставлении.

Глагольным компонентом большинства рассматриваемых оборотов актуализуется значение «чувствовать, ощущать» (БАС), «узнать, изведать на собственном опыте какое-л. чувство, ощущение» (БТС), которое ограничивает употребление таких оборотов в сфере статальной семантики: *испытывать страх*, *испытывать наслаждение* и пр.

В некоторых случаях обороты этой семантики взаимозаменяемы с соответствующими глаголами: *я гневаюсь* / *испытываю гнев*; *я жалею* / *испытываю жалость*, что пришел. Однако теми же оборотами невозможно заменить глаголы в контекстах (2)–(4): здесь глаголы описывают экспликацию эмоционального состояния, что не свойственно соответствующим оборотам (см. в (2) указание на инструмент: **прикосновениями испытывала жалость*). Кроме того, для некоторых соответствующих глаголов характерно употребление в качестве перформативного (см. (4)), что невозможно для оборотов.

(2) *Робкими прикосновениями она жалела его* (Ю. Трифонов).

(3) *«На вас управы нет!», – гневается Минкин* (Ж. Касьяненко).

(4) *Наконец я счёл, что момент настал, и принялся благодарить и прощаться* (В. Белоусова).

Невозможность замены в этих контекстах свидетельствует о внутреннем характере семантики состояния у рассматриваемых оборотов: описываемое состояние не подразумевает никакого внешнего проявления. Это подтверждается и оборотами неэмотивной семантики: *он испытывает тошноту* ≠ *его тошнит* в значении глагола «о непроизвольном извержении через рот содержимого желудка» (МАС); *он испытывает голод* ≠ *он голодает* в значении «воздерживаться от пищи» (БТС).

Внутренний характер семантики проявляется и при оборотах модальной семантики необходимости, при которых необходимость носит субъективный характер, возникает из внутренних побуждений субъекта. По этой причине оборот не может заменять соответствующие глаголы, когда необходимость обусловлена внеположенными по отношению к субъекту явлениями и обстоятельствами (ср. (5) и (6)): *чтобы вызвать лифт, вам требуется нажать кнопку*, но не **вы испытываете потребность нажать кнопку*.

(5) *Для подтверждения врачебного диплома ему требовалось* [**он испытывал потребность*] *сдать экзамены с первого по шестой курсы* (Т. Соломатина).

(6) *Когда Ираклию Соломоновичу требовалось* [*когда Ираклий Соломонович испытывал потребность*] *подчеркнуть свою надежность, он почему-то употреблял именно «шесть секунд»* (В. Михальский).

Тенденция к описанию заключенного в субъекте состояния проявляется и в отличной от соответствующего глагола актантной структуре. Так, оборот *испытывать* / *испытать* вину описывает ситуацию эмоционального состояния, которая подразумевает обязательное наличие только одного актанта – субъекта-экспериенсера. В свою очередь, глагол *винить* органи-

зует акциональные пропозиции, подразумевающие наличие двух актантов, и не описывает состояние. Оборот по значению близок к сочетанию глагола с возвратным местоимением (*он винит себя за это – он испытывает вину за это*), поэтому взаимозамена возможна только тогда, когда действие глагола замкнуто на субъекте, так как *испытывать вину* не описывает ситуации обвинения: вина не направлена на субъект, как в случае с глаголом, а возникает в нем самом. Таким образом, глагол и оборот не могут заменять друг друга в ряде контекстов (см. (7)), а сам оборот функционирует как самостоятельная номинация, не соотносимая с глаголом ни по структуре, ни по семантике.

(7) *Снова и снова испытываю вину перед жившими до нас* (В. Астафьев).

Ориентация на семантику имени может приводить к существенному различию семантики оборота и соответствующего глагола. Так, именной компонент *слабость* в составе оборота (кроме своего статального физиологического значения) может реализовывать значение «влечение к чему-л.; пристрастие, расположение» (БТС), при котором оборот описывает ситуацию эмоционального отношения и уже не соотносится с соответствующим глаголом по значению (см. (8)).

(8) *К двоечникам я почему-то испытываю слабость* (М. Анчаров).

На семантику всего оборота оказывает влияние и значение глагола. Кроме сообщения обороту категориального значения действия / состояния, сохранение глаголом остаточного значения отражается и в его сочетаемостных возможностях с именами. Значение глагольного компонента определяет, какие ЛСВ именного компонента могут быть реализованы в составе оборота. Так, именной компонент *недостаток* в составе оборота не реализует свое значение «отрицательное свойство, качество» (БТС).

Глагольному компоненту, как и рассматриваемым оборотам в целом, не свойственно осложнение значениями способов глагольного действия, как некоторым перфективам соответствующих глаголов: например, значение интенсивности и резкого начала действия, вносимого приставкой *вз-* [РГ, 1980, с. 358] (ср. *взволноваться* и *испытать волнение*).

Разные ЛСВ глагольного компонента образуют обороты с различной семантикой. Далее в статье мы рассмотрим обороты, глагольный компонент которых реализует значение «пре-терпевать, подвергаться» (БАС), определяя их акциональную семантику. Такие обороты с глаголами *испытать / испытывать* описывают ситуации воздействия некоего субъекта на какой-либо объект: *испытывать влияние, воздействие, давление*. В этих ситуациях мы имеем двух участников, причем один из них активен (см. (9)–(11)). Все эти обороты являются конверсивами к соответствующим глаголам: субъект воздействия оказывается в позиции дополнения в предложении с оборотом, а объект – в позиции подлежащего.

(9) *Шереметьев сказал, что Пушкин испытал влияние Байрона* [=Байрон повлиял на Пушкина] (А. Чудаков).

(10) *Читатель испытывает воздействие литературы* [=литература воздействует на читателя] (Г. А. Гуковский).

(11) *Океанское дно испытывает колоссальное давление столба воды* [=столб давит на дно] (М. Х. Карапетьянц).

В позиции подлежащего актуализируется объект воздействия, что отличает эти обороты как от соответствующих глаголов, так и от всех рассмотренных ранее оборотов, специфика употребления которых состоит в актуализации семантического субъекта в позиции подлежащего.

Кроме того, такое значение глагольный компонент реализует и при сочетании с некоторыми именами эмотивной семантики. Для рассмотренных оборотов эмотивной семантики характерно совпадение диатезы с глаголом: так, при глаголе *злиться* и обороте *испытывать*

злость в большинстве случаев диатеза совпадает: *Петр злится на Ивана – Петр испытывает злость к Ивану*. Однако в тех случаях, когда именной компонент управляет родительным падежом, можно провести конверсионную трансформацию (см. (12)). При таком употреблении оборота уже нельзя считать соответствующий глагол (в данном случае *гневаться*) эквивалентным, поскольку возникает мена диатезы.

(12) *Мы никогда не испытывали на себе гнева отца* [= отец никогда не гневался на нас] (Б. Н. Чичерин).

Трансформировать (12) в *мы никогда не гневили отца* невозможно, поскольку при глаголе *гневить* (или *разгневать*) актант в позиции подлежащего является активным. В свою очередь, предложение с оборотом описывает такую ситуацию, при которой этот актант является исключительно претерпевающим некоторые действия со стороны другого. Такие контексты характеризуются семантической сложностью: семантический субъект не только испытывает какие-либо эмоции, но и совершает некие действия, по-видимому, деструктивного характера, поэтому и здесь мы не можем говорить о статальной семантике оборота.

Функционирование оборотов с глаголами *испытывать* / *испытать* в значении «претерпевать» подтверждает необходимость учета семантики глагольного компонента: даже в сочетании с одним и тем же именем разные ЛСВ глагольного компонента формируют разные обороты (*он внезапно испытал злость / ярость – я испытал его злость / ярость*). Обороты, при которых актуализуются разные ЛСВ глагольного компонента, обнаруживают глубокие семантические отличия друг от друга и, следовательно, от соответствующих глаголов.

Мы можем заключить, что глагольно-именные обороты с глаголами *испытывать* / *испытать* могут по-разному соотноситься с соответствующими глаголами (разумеется, при их наличии в системе языка).

1. Актантная структура и диатеза у оборота и соответствующего глагола совпадают.

1.1. Оборот и глагол являются семантически тождественными: *Он¹ даже не испытывал ненависти или презрения к этому человеку²* (С. Бабаян). Предложение с глаголами: *Он¹ не ненавидел и не презирал этого человека²*. Такие соответствующие глаголы мы можем считать эквивалентными.

1.2. Семантика оборота отличается от семантики глагола:

а) своим внутренним характером, невозможностью экспликации (*испытывать жалость – жалеть*);

б) несоотносимым с семантикой глагола реализованным ЛСВ именного компонента (*испытывать нежность – нежничать*).

2. При совпадении актантной структуры различается диатеза: *Читатель² испытывает воздействие литературы¹* [*Литература¹ воздействует на читателя²*] (Г. А. Гуковский).

3. Актантные структуры оборота и соответствующего глагола различаются: *испытывать вину – винить*.

Семантика глагольно-именных оборотов не соотносится напрямую с глагольной и не является вторичной по отношению к ней, поскольку она в большей степени определяется именным компонентом. Это приводит к частому несовпадению наборов ЛСВ оборотов и соответствующих глаголов. Кроме того, лексические отношения между именными компонентами и их ЛСВ могут проявляться также и на уровне оборотов: полисемия имени может приводить к полисемии всего оборота (см. *испытывать слабость*).

В свою очередь, глагольный компонент определяет общий характер семантики оборота. Оформляя оборот в своем статальном значении, глагол определяет внутренний характер семантики оборота. С другой стороны, в значении «претерпевать, подвергаться» (БАС) глагол обуславливает акциональный характер семантики оборота, актуализуя в позиции подлежащего объект воздействия.

Таким образом, семантика глагольно-именного оборота с глаголом *испытывать* / *испытать* складывается из образующего оборот остаточного значения глагольного компонента

и семантики имени. Наличие остаточного значения глагола подтверждается разным значением самого оборота при одном и том же именном компоненте, а роль глагольного компонента не ограничивается в грамматическом оформлении всей конструкции.

Сложность семантики оборотов, а также разнообразие типов структурно-семантического соответствия между соответствующими глаголами и оборотами говорит о спорности рассмотрения таких языковых единиц в качестве глагольных перифрастических средств, поскольку они представляют особый способ номинации состояния / действия.

Список литературы

- Буслаев Ф. И.** Историческая грамматика русского языка, составленная Ф. Буслаевым. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1863. Ч. 2.
- Лагузова Е. Н.** Описательный глагольно-именный оборот как единица номинации. М.: МГОУ, 2003.
- Лекант П. А.** Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высш. шк., 2004. 242 с.
- Ломоносов М. В.** Полн. собр. соч. Л.: Наука, 1952. Т. 7.
- Макович Г. В.** Описательный способ выражения семантического предиката со значением активного действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 1997.
- РГ – Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. 1. 789 с.

Список словарей

- БАС – Большой академический словарь русского языка: В 30 т. / Под ред. К. С. Горбачевича. СПб.: Наука, 2004.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб: Норинт, 2004. 1534 с.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

References

- Buslaev F. I.** Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka, sostavlennaya F. Buslaevym [The Historical Grammar of Russian Composed by F. Buslaev]. Moscow, Katkov and Co. Publ., 1863, vol. 1. (in Russ.)
- Laguzova E. N.** Opisatel'nyi glagol'no-imennoi oborot kak edinita nominatsii [The Verbal-Nominal Descriptive Constructions as a Nomination Unit]. Moscow, MSRU Publ., 2003. (in Russ.)
- Lekant P. A.** Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke [The Syntax of Simple Sentence in Modern Russian]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004, 242 p. (in Russ.)
- Lomonosov M. V.** The Complete Works. Leningrad, Nauka, 1952, vol. 7. (in Russ.)
- Makovich G. V.** Opisatel'nyi sposob vyrazheniya semanticheskogo predikata so znacheniem aktivnogo deistviya v sovremennom russkom yazyke [The Descriptive Mean of Expression of an Action Semantic Predicate in Modern Russian]. Dr. Philol. Sci. Syn. Diss. Chelyabinsk, 1997. (in Russ.)
- Shvedova N. Yu.** (ed.) Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Moscow, Nauka, 1980, vol. 1, 789 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Evgeneva A. P.** (ed.). Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Moscow, 1999. (in Russ.)

Gorbachevich R. S. (ed.). Large Academic Dictionary of the Russian Language. In 30 vols. St. Petersburg, Nauka, 2004. (in Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.). Large Explanatory Dictionary of the Russian Language. St. Petersburg, Norint Publ., 2004. (in Russ.)

Информация об авторах

Иван Максимович Козлов, аспирант

Елена Сергеевна Кузнецова, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Ivan M. Kozlov, Post-Graduate Student

Elena S. Kuznetsova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 15.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 15.06.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-75-84

Художественная телеология повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (тема и тематические мотивы)

Людмила Николаевна Синякова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
scholast@ngs.ru

Аннотация

Исследуется художественная телеология повести А. П. Чехова «Моя жизнь» в ее тематическом и мотивном аспектах. Художественная телеология, направленная на создание целостности эстетического восприятия, обнаруживается во всех смыслопорождающих структурах текста. Тематика манифестирует ценностное целеполагание автора, равно как и ведущую интенцию автора / текста.

Тематически исследуемая повесть представлена в качестве исповеди-биографии героя (жанровый аспект тематики), поисков жизненного пути (проблемный аспект тематики) и взаимодействия главного героя с окружающим микромиром (сюжетный аспект тематики). Ведущими становятся мотивы социального статуса; необходимости труда; подлинной или ложной жизни, основным маркером которой является этика труда; и, наконец, ответственности за Другого. В рамках последней мотивно-тематической группы развивается важный в сюжетной конструкции повести мотив игры. Названные тематические мотивы формируют тематический состав и сюжетную композицию произведения, указывая на заложенное в нем эстетическое (ценностное) целеполагание.

Позиция Мисаила Полознева, героя-рассказчика, осуществляется в идеологическом споре с отрицающим самостоятельность выбора героя отцом; с излагаемой доктором Благово позитивистски ориентированной философией прогресса; с обитателями города, для которых социальный статус заменяет личность / лицо. Риторически в поэтике повести доминируют три высказывания: Маши Должиковой («Всё проходит»), Мисаила Полознева («Ничто не проходит») и маляра Редьки («Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу»). Декларация жизни-игры, свернутая до афористического суждения царя Давида («Всё проходит»), является в восприятии героя этически несостоятельной. В его экзистенциальном опыте – «Ничто не проходит» – заключен главный этико-философский вывод повести и основная мысль чеховского творчества – о необратимости поступков человека, моральной ответственности за Другого. Этическая формула Редьки, своего рода двойника героя, фразеологически закрепляет итог жизненных испытаний Мисаила Полознева.

Повесть А. П. Чехова «Моя жизнь» телеологически оформляет этическую философию автора, утверждающую творческую самостоятельность человека и его персональную свободу и ответственность.

Ключевые слова

телеология, тематика, мотив, этическая философия

Для цитирования

Синякова Л. Н. Художественная телеология повести А. П. Чехова «Моя жизнь» (тема и тематические мотивы) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 75–84. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-75-84

Teleology of A. P. Chekhov's Story "My Life" (Theme and Thematic Motifs)

Lyudmila N. Sinyakova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
scholast@ngs.ru

Abstract

Purpose. The study is devoted to main thematic motifs of Chekhov's story "My Life". The correspondence between them reveals thematic integrity of the story. Teleology, the philosophical and conceptual aim of literary creative work, gets its manifestation by means of thematic unity.

Results. The hero of the story, Misail Poloznev, breaks off relations with his narrow-minded father, an untalented civil architect. Gentry son, Misail would not choose some respectable job and prefers to work as a house-painter. He declares the importance of manual labor, so he feels like a social outcast in the town. The first leading motif of the story is a labor necessity. Another house-painter, Redka, shares its opinion. His credo is no lie, no deceive, technical skills. True and untrue way of living is the next important motif in the plot and thematic structure of the story. It realizes in two subjects: Masha Dolzhikova's slogan "Everything is being past through" and Doctor Blagovo's theory of progress indifferent to ethic goals of self-perfection. Misail Poloznev, on contrary, is sure that "nothing gets past through without a trace", that a man is responsible on his deeds.

The motif of life as a play is a derivative of the responsibility motif. Masha plays in life like an actress. She and Dr. Dolzhikov are completely egoistic, so Misail's father is. Misail, his sister and Redka live for others' good.

Finally, this way is the only right way to live.

Conclusion. The general theme of Chekhov's story "My Life" is free will of the person tied with his or hers sense of responsibility. Motifs of free labor, true living and common duty units the thematic wholeness of the story. Its teleology is a need of ethic existence for everyone

Keywords

teleology, theme, motif, ethic philosophy

For citation

Sinyakova L. N. Teleology of A. P. Chekhov's Story "My Life" (Theme and Thematic Motifs). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 75–84. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-75-84

Введение

Методологически статья опирается на выводы литературоведов о телеологии художественного целого. Прежде всего следует упомянуть фундаментальные труды А. П. Скафтымова [1972a] и М. М. Бахтина [1975].

А. П. Скафтымов открывает свое исследование тематической композиции романа Ф. М. Достоевского «Идиот» (1922–1923) следующим тезисом: «Главным методологическим убеждением автора <...> было признание телеологического принципа в формировании произведения искусства. Созданию искусства предшествует задание. Заданием автора определяются все части и детали его творчества. <...> Художник из множества проносящихся в его воображении формальных возможностей выбирает те или иные лишь потому, что узнает в них соответствие тому, что он в себе уже смутно носит и воплощения чему ищет» [Скафтымов, 1972б, с. 23]. Ученый справедливо полагает, что телеология художественного произведения обнаруживается в его тематической композиции, которая, в свою очередь, группируется вокруг носителей действия – персонажей [Там же, с. 31].

М. М. Бахтин годом позже (1924) в фундаментальном труде «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве» также связывает телеологию и композицию, понятию в качестве технического репрезентанта архитектоники и занимающую по отношению к последней подчиненное положение: «Структуру произведения, понятию телеологически, как осуществляющую эстетический объект, мы будем называть композицией произведения» [Бахтин, 1975, с. 17].

Тема у А. П. Скафтымова и эстетический объект у М. М. Бахтина находятся в корреляции с эстетическим целеполаганием произведения. Эстетическое целеполагание подразумевает ценностный подход автора и читателя к фиктивному миру произведения; немаловажной является смысловая цельность этого мира, обуславливающая единство художественного восприятия. Ценности и смыслы, заложенные в произведении, выявляются в его поэтике – помимо композиции важны персонажи, выражающие ценностные (оценочные) точки зрения, и мотивы, «продвигающие» эти оценки и «привязанные» к персонажам. Персонажи, получающие тематическое и концептуальное развертывание в художественном мире, функционально связаны с тематическими мотивами, поскольку последние составляют тематический каркас произведения и неминуемо выводят к его тематическому, а затем и эстетическому единству¹.

Современная наука интегрирует опыт литературоведения как 1920-х гг., так и позднейшего времени, и определяет художественную телеологию как «целесообразность организации произведения, его устройство в соответствии с целью, художественной задачей автора» [Володина, 2016, с. 173].

В настоящей статье рассматривается система тематических мотивов, корреспондирующих с ценностной (мировоззренческой) позицией ведущего персонажа и этико-философскими воззрениями стоящего за ним автора, на материале повести А. П. Чехова «Моя жизнь (Рассказ провинциала)» (1896)². Рабочая для данной статьи связка поэтологических единиц: персонажа-актера, тематики и тематических мотивов – служит средством изучения этико-философской телеологии произведения, которая и обеспечивает целостность «художественного впечатления» (М. М. Бахтин) словесно-эстетического объекта.

Результаты исследования

В повести «Моя жизнь» главная тема – рассказ об испытаниях героя – реализуется посредством мотивов: социального статуса; необходимости труда; настоящей / настоящей жизни (определяемой не в последнюю очередь всё тем же отношением к труду); и, наконец, ответственности за Другого (в этой мотивно-тематической группе развивается в том числе мотив игры). Названные тематические мотивы, на наш взгляд, формируют тематический состав и сюжетную композицию произведения, указывая на заложенное в нем эстетическое (ценностное) целеполагание.

Одним из главных в сюжетной конструкции повести является мотив социального статуса. В повествовании он выражен посредством формулы «общественное положение», по-другому – «репутация» (совмещение этих понятий встречаем в ироническом признании рассказчика: «...у меня была дурная репутация оттого, что я не имел общественного положения» [Чехов, 1985, т. 9, с. 197])³. Главный герой, Мисаил Полознев, вспоминает последние два года своей жизни. Воспоминания открываются тяжелым разговором с отцом – самовлюбленным человеком, бездарным на любом поприще, – деспотическим родителем, посредственным ри- тором, бесталанным архитектором. Прибегая к высокому слогу («дух божий, святой огонь»,

¹ «Тема – краткая обобщающая характеристика произведения как высказывания автора-творца (т. е. как целого): она рассматривается при этом со стороны специфического предмета речи (“о чем говорится”, по Б. В. Томашевскому) и / или с точки зрения интенции, “ценностной установки” (А. К. Жолковский, Ю. К. Щеглов) говорящего» [Поэтика, 2008. С. 263].

² Жанровая форма исповеди-автобиографии подразумевает определенный авторский императив, передоверенный герою (иногда – с целью опровержения идеологии героя, например, в «Записках из подполья» Ф. М. Достоевского). У Чехова исповедь антигероя очевидно проявлена в «Скудной истории» (1889) и «Ариадне» (1895) (см.: Живолупова, 2017, с. 31–151). В работе Н. В. Живолуповой в частности сравниваются жанры исповеди антигероя у Достоевского («Записки из подполья») и Чехова (названные произведения) [Там же, с. 132–134]. См. также статью исследовательницы о христианско-этическом аспекте исповедального жанра в творчестве Чехова, Достоевского и других писателей [Там же, с. 152–168]. Добавим, что «Моя жизнь» представляет собой пример явной монологичности слова в поэтике Чехова.

³ Далее ссылки на этот том приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.

который посещает лишь избранных, в том числе и род Полозневых, ныне попираемый недостойным потомком), отец упрекает Мисаила в желании заняться физическим трудом: «Ни одного дня ты не должен оставаться без общественного положения» (с. 193). Мисаил возражает: «То, что вы называете общественным положением, составляет привилегию капитала и образования. Небогатые же и необразованные люди добывают себе кусок хлеба физическим трудом <...>» (с. 193).

Экспозиционный диалог указывает, казалось бы, на безоговорочно народническую или толстовскую [Скафтымов, 1972в, с. 394–396] проблематику повести. Народническая трактовка проблемы труда и отношения к людям физического труда «подсказана» в частности эдической историей «Моей жизни»: отдельным изданием повесть вышла в 1897 г., объединенная с повестью «Мужики» (1897). Последующие издания «Моей жизни» – со второго по седьмое – вновь состоялись под одной обложкой с названной повестью (см. коммент. (с. 496)). Разумеется, народническое и толстовское влияние в постановке вопроса о праве на «низкую» работу человека из дворянского сословия неоспоримо, поскольку социально-исторический контекст выдвигал на первый план вопросы труда и распределения совокупного общественного продукта.

Однако мы склонны согласиться и с экзистенциально-философской интерпретацией позиции главного героя [Зайцева, 2015, с. 18–20]. Исследовательница находит сходжение в этической позиции субъекта у Кьеркегора («Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал») и Чехова («Моя жизнь»). По мнению Т. Б. Зайцевой, «Мисаил отнюдь не толстовец, а скорее этик в киркегоровском смысле. Этическая концепция труда помогает чеховскому герою не только определить, но и этически-сознательно выбрать пределы своего земного бытия, помогает быть», однако «этический выбор не избавляет человека от сомнений, от отчаяния, не дает никаких гарантий, что герой-этик обретает истинное существование, обретает истину» [Там же, с. 20].

Отсутствие труда, безделье, пусть и на «благородной» службе в конторе строящейся железной дороги, угнетает Мисаила. Прибыв в Дубечню, новоприобретенную усадьбу инженера путей сообщения Должикова – именно там ему предстояло служить, он мучится от своей неприкаянности, от того, что бессмысленный конторский труд никому не нужен: «...много мало-помалу овладела тоска – тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и всё свое большое тело и не знаешь, что с ними делать, куда деваться» (с. 208). Переживаемое Мисаилом отчуждение от неоспоримой материальности тела, экзистенциальная эмоция тоски, исходящая как от созерцания безбрежной степи («Но что можно было увидеть в этой пустыне?»), так и отсутствия своего места в жизни, будто предсказывает его разочарование от бессмысленного, несозидательного занятия в конторе. Постоянно испытывая физическую тоску (вернее, погружаясь в экзистенцию тоски), Мисаил окончательно решает обратиться к труду тяжелому, востребованному: «От праздности и неопределенности положения меня тяготила физическая тоска, и я, недовольный собою, вялый, голодный, слонялся по усадьбе и только ждал подходящего настроения, чтобы уйти» (с. 214).

Заметим: труд для главного героя – форма необходимости, в то время как досуг, который приравнивается к безделью, тягостен. Согласимся с мыслью Ю. К. Щеглова, который выделил труд и досуг в качестве одной из трех ведущих тем чеховского творчества; две другие – это тема «утраченного рая» и «идиотической тирании». Последняя присутствует в тематическом корпусе повести и связана как с деспотичностью отца героя, так и с совокупным влиянием города, т. е. косного общественного мнения, на личность. Ученый, выделяя тему труда в «Моей жизни» в качестве центральной, утверждает, что ежедневный труд «приносит и личное удовлетворение, давая интеллигенту <...> право на самоуважение <...>» [Щеглов, 2013, с. 523].

Отношение к людям труда выявляет подлинную сущность человека. Отец Мисаила высокомерно полагает «ручной» труд уделом «раба и варвара» (с. 193). Инженер Должиков, многократно хвастающийся тем, что он начинал свою карьеру смазчиком, затем машинистом,

называет рабочий люд Пантелеями, а конторских служащих (их всего двое – Мисаил и никчемный сын генеральши Чепраковой) – «пьяницами, скотами, сволочью» (с. 214). Вместе с тем инженер, доподлинно известно, брал взятки (с. 256), и его благосостояние было наполовину несправедливо нажитым. Когда Мисаил посещает дом этого важного лица в качестве просителя, он иронично воспринимает окружающую роскошь: «...всё, кажется, так и хочет сказать, что вот-де пожил человек, потрудился и достиг, наконец, возможного счастья на земле» (с. 203). Это счастье истекает из обстановки дома, запаха богатых сигар, ковров, кресел (рассказчик подчеркивает, что «пахнет счастьем» (с. 203, 204)) и продолжается в фигуре упоенного своим богатством инженера, напоминающего «фарфорового, игрушечного ящика» (с. 204). Сфера вещей, распространяющихся на живое, и живое, овеществленное в образе декоративной поделки, – это фокус видения рассказчика. Неразличение живого и неживого иронически аннигилирует образ хозяина этих вещей – инженера.

Город, среда обитания героя, представляет собой место, едва ли не эмблематически выражающее презрительное отношение к труду. «Я любил свой родной город, <...> но люди, с которыми я жил в этом городе, были мне скучны, чужды и порой даже гадки. <...> Я не понимал, для чего и чем живут все эти шестьдесят пять тысяч людей» (с. 205). Неправильное отношение к труду влечет за собой неправильную мораль и оправдывается этой моралью. Мисаил размышляет о том, что безликий город, застроенный уродливыми домами – плодами «творчества» его отца-архитектора, не трудится, не развивается; его население грубо (развлечения лавочников, привязывающих жестянки к хвостам собак) и погрязло в предрассудках (достаточно вспомнить «передовое» семейство Ажогиных, которое якобы искореняет суеверие, но которое совсем не изящно выпроваживает из своего дома сестру героя, узнав, что она ожидает внебрачного ребенка). Добрая и развитая Анята Благово, тайно влюбленная в Мисаила, просит его не подходить к ней на улице, ибо и над ней довлеют пресловутые приличия, а человек дворянского круга, ушедший в маляры, – это человек без «общественного положения». Люди с «общественным положением» берут взятки, включая «высокоморального» отца героя (воображающего, что их дают «из уважения к его душевным качествам» (с. 206)). Те же, которые не берут, – судебные чины, – искупают отсутствие мзды игрой, пьянством и имеют «на среду вредное, развращающее влияние» (с. 206). Мисаил своим «выходом» из сословия нарушил установленный порядок. Даже мясник Прокофий попрекает его тем, что дворянин не должен выполнять грязную работу: «Есть губернаторская наука, есть архимандритская наука, есть офицерская наука, есть докторская наука, и для каждого звания есть своя наука. А вы не держитесь своей науки, и этого вам нельзя дозволить» (с. 233). Запрет на «неподобающую» деятельность входит в систему социальных регулятивов как общества в целом, так и его микромоделей – небольшого города.

Во время окончательного объяснения с отцом герой обвиняет «порядочных» обывателей: «Во всем городе ни одного честного человека! Эти ваши дома – проклятые гнезда, в которых сживают со света матерей, дочерей, мучают детей... <...> Город наш существует уже сотни лет, и за всё это время он не дал родине ни одного полезного человека <...>! Вы душили в зародыше всё мало-мальски живое и яркое! Город лавочников, трактирщиков, канцеляристов, ханжей, ненужный, бесполезный город <...>» (с. 278). Место, где труд изгоняется из жизни, обречено на нравственную и социальную деградацию. Город, как культурная локация, которая продуцирует ложные ценности, саморазрушителен в своей основе.

В повести заявлено и приятие труда – но как социальной необходимости, не как призвания (последнее артикулировано только рассказчиком, сознательно избравшим свой жизненный путь). В среде своих товарищей-маляров Мисаил подмечает хитрость, леность и даже вороватость – ведь работники почитали едва ли не долгом умыкнуть немного хозяйской олифы. Не прочь поживиться чужой олифой даже праведник Редька, подрядчик. Человек, который следует своему девизу «Тля ест траву, ржа – железо, а лжа – душу» (с. 215, 216, 272–273), не считает грехом присвоение толики хозяйского добра, потому что таков обычай. И всё-таки жизнь маляров заполнена делом, и Мисаил принимает ее тяготы. Отметим, что

изможденный неведомой хворью Редька каждую весну и осень собирался умирать, однако неизменно воскресал и удивлялся своей живучести – трагикомическое выражение бессмертной сущности праведника...

В споре с доктором Благово Мисаил отстаивает необходимость труда в процессе нравственного совершенствования: «...прогресс – в делах любви, в исполнении нравственного закона» (с. 220). Доктор – позитивист, в его представлении прогресс определяется развитием науки, а единица измерения прогресса – не отдельная человеческая жизнь, а всё человечество, живущее интересами цивилизации и идеей непрерывного развития (заметим, неосуществимого в продолжение жизни человека и необозримого даже на протяжении жизни нескольких поколений): «Если улитка в своей раковине занимается личным самосовершенствованием и ковыряется в нравственном законе, то вы это называете прогрессом?» (с. 221).

Мисаил убежден, что бесконечность – плохой ориентир для идеи прогресса, ведь его должен ощутить каждый человек, а при размытости (диффузности) цели прогресса у человека утрачивается цель собственной жизни: «Жить и не знать определенно, для чего живешь!» (с. 221). Доктор настаивает: «Я иду по лестнице, которая называется прогрессом, цивилизацией, культурой, иду и иду, не зная определенно, куда иду, но <...> ради этой чудесной лестницы стоит жить; а вы знаете, ради чего живете – ради того, чтобы одни не поработали других, чтобы художник и тот, кто растирает для него краски, обедали одинаково. Но ведь это мещанская, кухонная, серая сторона жизни <...> Если одни насекомые поработают других, то и черт с ними, пускай съедает друг друга!» (с. 221).

Социал-дарвинистская доктрина доктора Благово вполне укладывается и в его обыденную мораль. Пренебрежение интересами другого человека, будь то трактирный слуга или соблазненная и брошенная им сестра Полознева – Клеопатра, для него вполне естественны. Рассказчик замечает, что «этот самый образованный и лучший человек в городе далеко еще не был совершенством. В его манерах <...> было что-то грубоватое, семинарское, и когда он <...> бросал в трактире лакею на чай, то мне казалось всякий раз, что культура – культурой, а татарин всё еще бродит в нем» (с. 231–232). Сестра гибнет от болезни и нищеты в каморке Мисаила, а благоденствующий доктор этого не замечает и разглагольствует о своей ученой карьере...

В период своей деревенской жизни – после женитьбы на дочери инженера Должикова – герой сам участвует в полевых работах, хотя иногда ему и кажется, что это неестественное для него, городского жителя, занятие (с. 245). Именно с появлением Маши Должиковой в жизни Полознева проблематика труда осложняется проблемой подлинной / неподлинной жизни. Маша, первоначально заинтригованная бунтарством героя, увлеклась им и – на короткое время – разделила его убеждение в обязательности труда. Она пытается выстроить школу для крестьянских детей, но сами крестьяне часто саботируют работы. Мужики ленивы, норовят на каждом шагу обмануть «бар», погрязли в пьянстве... Маша в порыве гнева называет их «дикарями» и «печенегам» (с. 253), – не разглядев в них ничего, кроме пьянства, неблагодарности и небрежения своим прямым делом – возделыванием земли.

Мисаил, напротив, тянется к крестьянскому человеку: «В самом деле, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всем том, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, в общем, держится на каком-то крепком, здоровом стержне. <...> в нем есть то нужное и очень важное, чего нет, например, в Маше и докторе, а именно, он верит, что главное на земле – правда, и что спасение его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете он любит справедливость» (с. 256). Удивительнее всего, в представлении Полознева, что отец Маши «тоже пил, много пил, и что деньги, на которые была куплена Дубечня, были приобретены путем целого ряда наглых, бессовестных обманов» (с. 256). Но Маша этого не замечает – ее гнев направлен только против мужиков. Для Мисаила мужик неправ в частностях, но обладает правотой в главном – в том, что жизнь устроена несправедливо, а его труд отчужден от него. Маша, обвиняя мужика в дикости и невежестве, забывает о правде, которой он спасается. Полезные дела в деревенской жизни Маши – результат игры

в доброго хозяина, вызванной не чувством долга, а потребностью избавиться от скуки. Героиня, которая не любит ни крестьян, ни земли, солидарна с мельником Степаном, считающим мужиков «зверьем, шарлатанами» (с. 254). С усмешкой выслушивая новости об очередных проделках деревенских жителей, она пренебрежительно отмахивается от этой неприятной обыденности: «Что же вы хотите от этих людей!» (с. 256).

Игрой является не только исполнение социальной роли, к которой принуждает себя Маша Должикова, но и артистическое исполнение какого-либо этюда, жанровой сценки. Такого рода игра, т. е. непосредственно артистическое занятие, лицедейство, составляет значительную тематическую группу. Ставят любительские спектакли у Ажогиных, превосходно подражает известным певцам Маша Должикова, сторонник безличного прогресса доктор Благово, несмотря на свою брезгливость в отношении всеобщей отсталости, с наслаждением шутливо изображает пьяницу... Игра естественна для Маши Благово, неестественны заботы о ближних – подчиненных ей крестьянах и преданном ей Мисаиле: «Она смеялась, шалила, мило гримасничала, и это больше шло к ней, чем разговоры о богатстве несправедливом, и мне казалось, что говорила она давеча о богатстве и комфорте не серьезно, а подражая кому-то. Это была превосходная комическая актриса» (с. 229). Бросив наскучившую ей деревенскую жизнь, а заодно и Мисаила, выражавшего серьезное отношение к этой полной тягот жизни, Маша Благово уезжает в Петербург, а затем и в Америку. В прощальном письме она признается, что «всё проходит, пройдет и жизнь, значит, ничего не нужно» и что свободному человеку «ничего, ничего, ничего не нужно» (с. 272).

Сняв с себя всякую ответственность за зависимых от нее людей, Маша Должикова испытывает чувство эгоистической безмятежности, которую она принимает за чувство свободы. Словесным выражением этой позиции стала формула трехтысячелетней давности – слова царя Давида «Всё проходит». Заказав кольцо с надписью по-древнееврейски, Маша подытоживает свою жизнь.

Такую же философию невмешательства, самоустранения исповедует и доктор Благово, оставивший несчастную сестру Мисаила на произвол судьбы. Человек, у которого десять разных костюмов, с легкостью бросает отвергнутую отцом девушку, которая вскоре погибнет от болезни и бедности. Глядя на доктора, самозабвенно рассуждающего о своем блестящем будущем в науке, Мисаил размышляет: «У той – Америка и кольцо с надписью, <...> а у этого – докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старом» (с. 275). Позже, пережив смерть сестры, добившись признания его «малярии» (слово Маши Должиковой) горожанами, став вровень с Редькой в иерархии мастеров, Мисаил приходит к иному, нежели его бывшая жена, заключению: «Если бы у меня была охота заказать себе кольцо, то я бы выбрал себе такую надпись: “ничто не проходит”. Я верю, что ничто не проходит бесследно и что каждый малейший шаг наш имеет значение для настоящей и будущей жизни» (с. 279). Согласно главному этическому постулату автора, «жизнь есть сосредоточенное нравственное усилие», и «герои, с которыми связана авторская надежда, не уходят, а остаются» [Сухих, 1987, с. 173]. В этом смысле бегство Маши даже не уход – поиск своего места в мире (ср. сюжет ухода в русской литературе, например, [Богодерова, 2011])⁴. Это именно бегство, смена обстоятельств при неизменности и неизменяемости нравственного существа.

В «споре» жизненных девизов Маши Должиковой и Мисаила Полознева обозначены этические полюса жизни для себя и для других. В ответе Мисаила заключен главный этический философский вывод повести и основная мысль чеховского творчества – вывод о необратимости поступков человека, о моральной ответственности за другого, равного тебе человека (подробнее об этическом мировоззрении Чехова см.: [Линков, 1995])⁵. Напомним: константой чеховского творчества является идея «бога живого человека» и «общей идеи», которая

⁴ Третья глава диссертации посвящена сюжету ухода в творчестве Чехова [Богодерова, 2011, с. 12–14].

⁵ Исследователь рассмотрел отдельно проблему времени как мерила человеческого существования в статье «Ничто не проходит бесследно...» О повести Чехова «Моя жизнь» [Линков, 2005].

оправдывает жизнь личности (словесные формулы принадлежат герою повести «Скучная история», старому профессору, накануне смерти очутившемуся лицом к лицу с экзистенциальными вопросами ложного существования и подлинного смысла жизни)⁶.

Заметим, что Редька, постоянный зритель репетиций и спектаклей в доме Ажогиных, слушая драматургические произведения Гоголя или Островского, которые ему читает Клеопатра Полознева, реагирует на них двояко: либо «Всё может быть!», либо «Вот она, лжа-то! Вот она что делает, лжа-то!» (с. 272). В первом случае он оценивает материал пьесы как таковой, его правдоподобие, во втором – критический пафос, правдивость – «пьесы привлекали его и содержанием, и моралью <...>» (с. 272). Суждение маляра-праведника имеет отношение к теме жизни-игры (Маша Должикова, доктор Благово) – для Редьки, как и для Мисаила, жизнь серьезна, наполнена моральной ответственностью, а игра в жизнь есть отклонение от истины.

По наблюдению Н. В. Живолуповой, выделившей в персонифицированной повести трех приближенных к святости акторов: главного героя, Редьку и Анюту Благово, – «функционально Редька – чудесный помощник героя и резонер, повторяющий <...> слова о гибельности лжи для души человека. Но в повести он метафорически связан с судьбой Мисаила как авторской концепцией реальности в сюжете» [Живолупова, 2017, с. 127]. Исследовательница обосновывает метафоричность образа Редьки имплицитной отсылкой его личности и деяний к семантике и символике образа Николы Угодника, что не противоречит агностическому мировоззрению автора. И определенное «превращение» Мисаила в финале повести в Редьку (признание в городе, уважение рабочих) подтверждает агностическую установку писателя на недостижимость однозначной и окончательной истины [Там же, с. 127–128]. Взаимосвязь и взаимная ответственность каждого составляют подлинное содержание жизни, убежден Мисаил, ретранслирующий кредо автора.

Заключение

Экзистенциальный опыт главного героя повести А. П. Чехова «Моя жизнь» выработался в утверждении правоты свободного выбора и аннигиляции альтернативных точек зрения: человек социально инерционен и лишен личностной самостоятельности (Полознев-отец; его комический двойник Прокофий с учением о «науке» общественного положения); прогресс есть вечное движение, не имеющее этической цели (доктор Благово); жизнь представляет собой смену необременительных впечатлений и располагается вне этики долга и добра (Маша Должикова). Мисаил Полознев добивается признания его ремесла общественным мнением города. Следование моральным принципам, афористически выраженным маляром Редькой, способствует окончательному этическому самоопределению героя.

Этико-философская телеология повести смыкается с художественной: основными ценностями жизни признаются созидание (труд), самопожертвование во имя ближнего и отвержение лжи (как в форме ложного высказывания, так и в форме жизни-игры).

Список литературы

- Бахтин М. М.** Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. С. 6–71.
- Богодерова А. А.** Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 16 с.
- Володина Н. В.** «Телеология» как философско-эстетическая и историко-литературная категория // Stephanos. 2016. № 4. С. 172–181.

⁶ Об экзистенциально ориентированной философии творчества Чехова и экзистенциальном типе его мировоззрения см., например: [Мысливченко, 2012; Родионова, 2013].

- Живолупова Н. В.** Достоевский и Чехов: аспекты архитектоники и поэтики. Н. Новгород: Дятловы горы, 2017. 268 с.
- Зайцева Т. Б.** Художественная антропология А. П. Чехова: экзистенциальный аспект (Чехов и Киркегор): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015. 42 с.
- Линков В. Я.** «Ничто не проходит бесследно...» О повести Чехова «Моя жизнь» // Вопросы литературы. 2005. № 3. С. 293–304.
- Линков В. Я.** Скептицизм и вера Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1995. 78 с.
- Мысливченко А. Г.** К вопросу о мировоззрении А. П. Чехова // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 95–105.
- Поэтика: Словарь актуальных терминов и понятий / Гл. ред. Н. Д. Тмарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
- Родионова О. И.** А. П. Чехов как мыслитель. Религиозные и философские идеи: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 18 с.
- Скафтымов А. П.** Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972а. 543 с.
- Скафтымов А. П.** Тематическая композиция романа «Идиот» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972б. С. 23–87.
- Скафтымов А. П.** О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М.: Худож. лит., 1972в. С. 381–403.
- Сухих И. Н.** Проблемы поэтики А. П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 187 с.
- Чехов А. П.** Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 18 т. М.: Наука, 1985. Т. 9. 543 с.
- Щеглов Ю. К.** Три лекции о Чехове. Избранные темы и мотивы // Щеглов Ю. К. Избранные труды. М.: РГГУ, 2013. С. 508–574.

References

- Bakhtin M. M.** Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [Problem of Substance, Material, and Form in Literary Creative Work]. In: Bakhtin M. M. On Literature and Aesthetics. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975, pp. 6–71. (in Russ.)
- Bogoderoва A. A.** Syuzhetnaya situatsiya ukhoda v russkoy literature vtoroy poloviny XIX veka [Plot Situation of Leaving Home in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Novosibirsk, 2011, 16 p. (in Russ.)
- Chekhov A. P.** Complete Works and Letters. In 30 vols. Works. In 18 vols. Moscow, Nauka, 1985, vol. 9, 543 p. (in Russ.)
- Linkov V. Ya.** “Nichto ne prokhorit bessledno...” O povesti Chekhova “Moya zhizn” [“Nothing Goes Through Without a Trace” On Chekhov’s Novella “My Life”]. *Voprosy literatury* [Issues of Literature], 2005, no. 3, pp. 293–304. (in Russ.)
- Linkov V. Ya.** Skeptitsizm i vera Chekhova [Scepticism and Credo of Chekhov]. Moscow, Moscow Uni. Press, 1995, 78 p. (in Russ.)
- Myslivchenko A. G.** K voprosu o mirovozzrenii A. P. Chekhova [On Chekhov’s Outlook]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 6, pp. 95–105. (in Russ.)
- Poetika. Slovar’ aktual’nykh terminov i ponyatiy [Poetics. The Glossary of Actual Literary Criticism Terms and Concepts]. Ed. by N. D. Tamarchenko. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, 358 p. (in Russ.)
- Rodionova O. I.** A. P. Chekhov kak myslitel’. Religioznyye i filosofskiye idei [A. P. Chekhov – Philosopher. Religious and Philosophic Ideas]. Cand. Philos. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2013, 18 p. (in Russ.)

- Shcheglov Yu. K.** Tri lektzii o Chekhove. Izbrannyye temy i motivy [Three Lectures on Chekhov. Selected Themes and Motifs]. In: Shcheglov Yu. K. Selected Works. Moscow, Russian State Humanities Uni. Press, 2013, pp. 508–574. (in Russ.)
- Skaftymov A. P.** Nравственные искания русских писателей: Стат'и и исследования о русских классиках [Ethic Searches of Russian Writers: Articles and research about Russian classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 543 p. (in Russ.)
- Skaftymov A. P.** O povestiyakh Chekhova “Palata № 6” i “Moya zhizn” [On Chekhov's Stories “Ward No. 6” and “My Life”]. In: Skaftymov A. P. Nравственные искания русских писателей: Стат'и и исследования о русских классиках [Ethic Searches of Russian Writers: Articles and research about Russian classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 381–403. (in Russ.)
- Skaftymov A. P.** Tematicheskaya kompozitsiya romana “Idiot” [Thematic Composition of the novel “Idiot”]. In: Skaftymov A. P. Nравственные искания русских писателей: Стат'и и исследования о русских классиках [Ethic Searches of Russian Writers: Articles and research about Russian classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 23–87. (in Russ.)
- Sukhikh I. N.** Problemy poetiki A. P. Chekhova [Problems of Poetics of A. P. Chekhov]. Leningrad, Leningrad Uni. Press, 1987, 187 p. (in Russ.)
- Volodina N. V.** “Teleologiya” kak filosofsko-esteticheskaya i istoriko-literaturnaya kategoriya [Teleology as Philosophical and Literary History Category]. *Stephanos*, 2016, no. 4, pp. 172–181.
- Zaytseva T. B.** Khudozhestvennaya antropologiya A. P. Chekhova: Ekzistentsial'nyy aspekt (Chekhov i Kirkegor) [The Literary Anthropology of A. P. Chekhov. An Existence Aspect. Chekhov and Kierkegaard]. Dr. Philol. Sci. Syn. Diss. Ekaterinburg, 2015, 42 p. (in Russ.)
- Zhivolupova N. V.** Dostoyevsky i Chekhov: aspekty arkhitektoniki i poetiki [Dostoyevsky and Chekhov. The Aspects of Architectonics and Poetics]. Nizhny Novgorod, Dyatlov gory Publ., 2017, 268 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Людмила Николаевна Синякова, доктор филологических наук, профессор

Information about the Author

Lyudmila N. Sinyakova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 10.03.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 10.03.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 821.161.1.0

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

«Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова

Елена Рудольфовна Обатнина

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Санкт-Петербург, Россия

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Аннотация

Статья посвящена неизвестным сюжетам из биографии Дмитрия Кобякова – одного из поэтов «потерянного поколения», разделившего судьбу послевоенных репатриантов. На основании неопубликованных писем Кобякова, сохранившихся в американском архиве А. М. Ремизова, автор выявляет мотивы сближения известного писателя и начинающего поэта, связанные с изданием его поэтических сборников и общими новаторскими тенденциями в художественном поэтическом и прозаическом дискурсе второй половины 1920-х гг. Статья представляет собой первую часть исследования, посвященного событиям литературной жизни русского Парижа, в центре которых при поддержке Ремизова оказался Дм. Кобяков; содержит существенные дополнения к литературному портрету молодого корреспондента Ремизова, а также к библиографии русского зарубежья. Описание истории этих творческих контактов объективирует новый документальный материал, восполняющий лакуны также и в биографии Ремизова, касающиеся темы литературного наставничества писателя, вокруг которого в 1920-х – начале 1930-х гг. образовалось «гнездо» молодых литераторов.

Ключевые слова

русская эмиграция, биография, новаторство, критика, эстетика литературного мифа, художественный дискурс, футуризм, библиография

Для цитирования

Обатнина Е. Р. «Птицелов» из ремизовского «гнезда»: к парижской биографии поэта Дмитрия Кобякова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 85–95. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

The “Bird Catcher” From Remizov’s “Nest”: To the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobiakov

Elena R. Obatnina

Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Science

St. Petersburg, Russian Federation

lena.eo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1823-6321>

Abstract

The article is dedicated to unknown plots from the biography of Dmitry Kobyakov – one of the poets of “lost generation” who shared the fate of post-war Soviet repatriates. On the basis of unpublished letters of Kobyakov from the American archive of A. M. Remisov the author reveals the motives of the rapprochement of a famous writer and an aspiring poet. At the external level it was connected with the publication of Kobyakov’s verse books, but on a latent level had according with innovative trends in artistic poetic and prosaic discourse of the second half of the

© Обатнина Е. Р., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 85–95

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 85–95

1920s. The article presents the first part of the study devoted to the literary life of Russian Paris, in the center of which with the support of Remizov appeared unknown Dm. Kobayakov; it contains substantial additions to the literary portrait of young Remizov's correspondent, as well as to the bibliography of Russian abroad. The description of the history of these creative contacts is the object of new documentary materials that also fill the gaps in Remizov's biography concerning the topic of literary mentorship of the writer and 'nest' of young writers had formed around him in the 1920s – early 1930s.

Keywords

Russian emigration, biography, narratology, innovation, criticism, aesthetics of literary myth, artistic discourse, futurism, bibliography

For citation

Obatnina E. R. The "Bird Catcher" From Remizov's "Nest": To the Paris Biography of the Poet Dmitry Kobiakov. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 85–95. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-85-95

Воспоминания о довоенной жизни, определенно, не вписывались в контур советского бытия Дмитрия Юрьевича Кобякова (1898, по другим данным, 1902–1978), вернувшегося в СССР летом 1957 г.¹ Эмигрант с 1920-го, поэт, учредитель и редактор нескольких журналов русского зарубежья², Кобяков как в первые годы приобщения к новой социалистической идентичности, так и в последующие, когда в 1966–1977 гг. в московских и алтайских издательствах стали издаваться его книги по занимательной лексикографии, старался не афишировать свои давние контакты с писателями русского зарубежья, не реабилитированными в официальной печати. Имя Алексея Михайловича Ремизова (1877–1957) оказалось накрепко для него забытым и, если и называлось, то лишь в перечислительном ряду с другими деятелями парижской эмиграции [Софиев, 2012, с. 51]. Однако благодаря этому вычеркнутому из памяти Кобякова писателю, сберегшему в своем личном архиве двадцать девять писем малоизвестного поэта³, мы имеем возможность восстановить историю творческих контактов яркого представителя первой волны эмиграции, без которого в наши дни немыслима история русской литературы XX в., и одного из «незамеченного поколения» эмигрантской одиссеи [Варшавский, 2010, с. 157]. Три бурных года (1925–1927) по интенсивности творческого развития Кобякова можно считать лучшими годами его литературной биографии.

Предположительно, поздней осенью 1924 г. поэт, недавно приехавший из Праги [«Скит»..., 2006, с. 41], начал свое погружение в литературную жизнь русского Парижа с визита на rue Mozart, где в это время жил Ремизов, с которым он уже в 1923 г., находясь в Югославии, вступил в переписку. В январе 1925 г. их отношения уже наэлектризованы личными беседами, отправной точкой которых, судя по новой подписи поэта – *Кобяков*, появившейся в первом после личного знакомства письме, адресованном писателю, – послужила тема происхождения его фамилии.

Древний род Кобяковых известен по описаниям генеалогов. Существует несколько ономастических версий первоначального имени [Кобяков, 2015, с. 321–340]. Но для Ремизова и его супруги Серафимы Павловны – профессионального специалиста по древнерусской палеографии, звучание фамилии молодого гостя прежде всего оживляло в памяти страницы «Слова о полку Игореве», повествующие о набегах полчищ «поганого хана Кобяка» на владения русских князей. Более того, в ремизовской личной коллекции рукописных документов русской бытовой культуры XVII–XIX вв., собранной для второго тома книги «Россия в письменах» (Ремизов, 2017, т. 13, с. 427–676), упоминалось имя еще одного пращура поэта. Старинная купчая, датированная 1742 г., представляла собой свидетельство о крупной торговой сделке дворянина Пронского уезда Федора Ивановича Кобякова. По всей вероятности, Ремизов не располагал сведениями о родословной этого представителя рязанской ветви ге-

¹ См. исследовательские статьи, опирающиеся на архивные автобиографические документы Кобякова: [«Скит»..., 2006, с. 226–227; Серков, 2020; Соболев, Тименчик, 2019, с. 713–716; Марьин, 2009, с. 128–129].

² См., в частности, статью [Устинов, 2013; Поляков, 2015, S. 248–249].

³ Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers (далее Amherst с указанием шифра). В настоящее время письма готовятся к печати.

неалогического древа, являвшегося, как отражено в источниках XV в., потомком касимовского царевича Кобяка Айдаровича⁴. Однако писатель, несомненно, воспринял появление в Париже наследника древнего рода Дмитрия Юрьевича Кобякова как символическое подтверждение связи времен. Об исторической памяти, запечатленной в именах, он написал в предисловии к публикации оригинального текста купчей, вскоре подготовленной к печати для первого номера журнала «Благонамеренный» (Брюссель, 1926), начатого изданием в Брюсселе под редакцией сверстника Кобякова – князя Д. А. Шаховского:

Начну со «Слова о полку Игоревѣ» о в. князе Святославе и о половецком хане Кобяке, не потому что о них речь, а потому что в «купчей» покупатель потомок «поганого» хана – Кобяков: купил Кобяков у Левашова крестьянина Абрама Панова с женою, с детьми, с их дворовым и хоромным строением, с хлебом стоячим и молочным и в земле посеянным, с мелкою и рогатою скотиной и лошадьми и со всеми их крестьянскими пожитками, в вечное владение, впрок, бесповоротно за 50 рублей; а у Секериной крестьянскую девку Ксению Иванову, никому не проданную, не заложенную и ни в каких крепостях не укрепленную, за 3 рубля. И вот судьба – «въ вѣчное владѣше, въ прокъ, бесповоротно!» – а последний въ роде, последний поганый хан Кобяк, поэт Дмитрий Кобяков не серым волком по степи рыщет, а в Париже на железной дороге на товарной станции сцепщик вагонов, и так черный-половчанин! – а от мазута, копоти и пыли что уж чернее не бывает, и дети зовут его галчонком, ныряет под вагонами со своими стихами (цит по: (Ремизов, 2017, т. 13, с. 639)).

С этого времени Кобяков на rue Mozart именуется «ханом Кобяком», да и сам он нередко подписывает свои письма Ремизову сердечным приветствием «Ваш поганый Хан Кобяк Половецкий» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 1).

По характеру переписки мы можем предположить, что для Ремизова встреча с новым знакомым неожиданно проявила как созвучие в личных художественных интуициях, так и совпадения в области лексикографических интересов, связанных со словесной «археологией». Кобяков, в автобиографических документах упоминавший о прослушанных в 1918 г. в Одессе лекциях Д. П. Овсянко-Куликовского по языкознанию и М. Г. Попруженко по славянской мифологии [Марьин, 2009, с. 128], по всей вероятности, сумел стать писателю достойным собеседником.

В самом начале личного знакомства открылись и грани поэтического таланта этого молодого человека, который в начале 1925 г. подготовил к печати сборник стихотворений под названием «Керамика». Еще неопубликованное стихотворение, присланное Ремизову в первом из сохранившихся парижских писем, отчасти позволяет выявить общие лирические мотивы творчества.

11–I–<19>25. <Париж>

Многоуважаемый Алексей Михайлович.

Будущую неделю (с 17-го по 23 января) я работаю от 6 утра до 2 дня. С большим удовольствием увидал бы Вас. Напишите, когда можно прийти вечером <...>. В конце января выходит моя Керамика. Здесь я посылаю обещанную вещь <...>.

Искренне уважающий Вас
Дмитрий Кобяков

Мой адрес:
Мне. Gare du Bourget. Dransy-Triage. Seine

Из «Керамики»

Мне ль для тебя – сказать, так будет жутко –
очнувшись в четкости запнувшихся минут –
твой мутный сон – в прорытых промежутках
засыпать строфами – горою черных руд.

Иди, иди! проснешься ли от боли,
от диких выкриков алтайских колдунов –

⁴ См., в частности, генеалогическое описание на портале «История, культура и традиции Рязанского края».

в парижских улицах – и в этом я не волен –
скалистый кряж – покрытый лесом снов.

И пусть покажется средь острошипцы кровель
в покрытых лунной чешуей стенах –
твой дым костра – во дни алтайских ловель
В парижских улицах разметывает прах!

Дмитрий Кобяков

14–VIII–<19>24

Прага

(Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10)

Возможно, Ремизова привлекла строфа, соединившая визуально-звуковые ассоциации парижских городских реалий с воображаемым ландшафтом Сибири и обрядами «алтайских колдунов». Оксюморон, раскрывающий мироощущение инородца в чужой национальной культуре, мог напомнить писателю его собственный рассказ «Белое знамя», написанный в 1913 г. по впечатлениям от поездки в столицу Франции. Сюжет этого небольшого автобиографического текста перенесен в область эмоционального восприятия «заграницы». Бесприютность героя в европейском городе здесь передавалась при помощи эффекта фантомного преобразования иностранной речи в родной звуковой фон московской улицы:

Все то же и теперь, и в этот раз, так же огоньки на Сене-реке горят и знакомо все, вышел я на улицу – и не наша улица, не наши дома, не наши названия, а словно в Таганке, так знакомо все до последнего камушка. По этой Таганке иду, а что-то жутко, тревога растет <...> шум, гам, стук стоит, кричат, и выкрикивают и все слышится: «Раки живые! Раки живые!» – будто наш разносчик кричит, и тревога еще больше... (Ремизов, 2000, т. 3, с. 165).

Таковы были минутные настроения путешественника дореволюционных времен. В условиях эмиграции культурная память воспринималась писателем своего рода надежным «убежищем», спасительным оазисом родного мира в чужой среде и оставалась непреходящим источником его творчества.

Алтайские «отголоски» воображаемой России в поэзии молодого эмигранта были не более чем романтической фантазией, сновидением наяву, навеянным ностальгией и, может быть, «голосом крови» или вспышками прапамяти. Для Ремизова Алтай также представлял собой эфемерную и заповедную тему несбывшихся мечтаний дореволюционной жизни, мысленно возвращавшую его к краткому эпизоду биографии, когда вместе с писателем Вяч. Шишковым он строил планы о поездке в край тунгусских шаманов для изучения фольклора и обрядов [Вахненко, 2018, с. 19–20]. Как известно, в отличие от Ремизова, Кобяков изменил траекторию своей судьбы ради воплощения алтайского «сна», однако реальность советского Барнаула для уроженца Москвы оказалась тяжелее, чем ему представлялось [Мансков, 2018. С. 5–6]. В 1925 г. мысль о возможном возвращении в Россию объединяла двух познакомившихся в Париже соотечественников.

Под автографом стихотворения, отправленного Ремизову в память о близкой им обоим «алтайской» мечте, поэт подписался, поставив ударение над буквой я. Благодаря коллекции Рукописного отдела Пушкинского Дома мы имеем возможность обратиться к автографу поэтического цикла, написанному Кобяковым в 1922 г., для того чтобы удостовериться, было ли обозначение «правильного» звучания фамилии привычной формой подписи Кобякова⁵. Отсутствие диакритического знака подтверждает нашу догадку о том, что такую форму написания он стал использовать лишь начиная с января 1925 г., т. е. после встречи с Ремизовым.

«Крещение», принятое на rue Mozart, подарило поэту не только имя «хан половецкий Кобяк», ставшее применительно к человеку XX в. мифологическим, но и литературный псевдоним Кобяков. На обложках всех его авторских сборников – «Керамика» (1925), «Вешняк»

⁵ Кобяков Дм. Цикл стихотворений из книги «Простые слова». Автограф с надписью «Проф<ессору> Е. А. Ляцкому для журн<ала> “Огни”», с подписью «Дмитрий Кобяков. Адриатика. 1922 год» (ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 5. № 198). Речь шла о сборниках «Огни», которые в издательстве Ляцкого «Пламя» предполагалось выпускать вместо газеты «Огни» (Прага, ред. Ф. В. Рихтер; 1924 № 1–22). Издание не состоялось.

(1926), «Горечь» (1927) и «Чаша» (1936) – фамилия автора печаталась с изящным диакритическим значком. Эти книги выпускались под маркой собственного издательства «Птицелов». Таким образом, оплатив свой приход на русский Монпарнас за счет «трудовых» средств, автор продемонстрировал собственную независимость от редколлегий издательств, выпускающих в Париже книжную продукцию. Подчеркнуто акцентированный вариант фамилии Кобяков также использовал эксклюзивно для переписки с Ремизовым, в то время как во всех других сферах жизни поэт благополучно о нем забывал⁶.

Зимой 1925 г. при участии Ремизова в литературной судьбе Кобякова началась череда событий, которые благоприятствовали его литературной известности, далеко не всегда сопровождавшейся позитивными коннотациями. Наравне с молодыми парижанами Вадимом Андреевым, Брониславом Сосинским и Владимиром Диксоном, считавшими себя учениками Ремизова, Кобяков вскоре стал одним из литературных протеже писателя, рекомендованным редактору журнала «Благонамеренный» в качестве потенциального автора и будущего союзника молодежной «коалиции», противопоставившей старшим литераторам-эмигрантам внепартийное творчество, направленное на обновление средств выразительности художественного дискурса [Обатнина, 2020, с. 11–23]. Деятельная натура двадцатисемилетнего поэта явно вызвала ремизовские симпатии: писатель поощрял литературные начинания, которые, скорее всего, возникали в совместных обсуждениях. Так первоначально родилась идея молодежного сборника под ремизовским названием «Ухват» [Иоанн (Шаховской), архиеп., 1977, с. 221–222], постепенно преобразованная в форму издания сатирического одноименного журнала, первый номер которого появился в Париже 31 марта 1926 г. [Устинов, 2013, с. 142–144].

Однако до того как замысел журнала обрел реальные очертания, поэт Кобяков продолжил «завоевание» Монпарнаса. Осенью 1925 г. он как член Союза молодых поэтов и писателей объявляет о своем присутствии в ландшафте литературной столицы русской эмиграции изданием поэтического сборника «Керамика: Тринадцать вещей 1924 года», впервые поставив на обложке фамилию в новом звучании – с ударением над гласной второго слога. Сборник был замечен критикой, и даже одна из ругательных рецензий попала в портфель первого номера готовящегося к выпуску журнала «Благонамеренный».

Очевидный диссонанс отклика рецензента с рекомендациями Ремизова поставил Д. А. Шаховского в затруднительное положение. С одной стороны, Дмитрий Кобяков, упомянутый в очерке «Купчая», благодаря покровительству известного писателя вошел в современную литературу как «наследник» российского исторического прошлого, а с другой стороны, по вердикту авторитетного сотрудника журнала – филолога-пушкиниста и критика М. Л. Гофмана, оказался зачислен в список литературных посредственностей русского Парижа. Письмо последнего Шаховскому обнаруживает его авторство по отношению к рецензии на парижский дебют Кобякова, опубликованной под криптонимом «Р. Г.» в первом номере «Благонамеренного». Вероятно, отвечая на увещевания редактора смягчить составленное мнение, Гофман был непримирим:

Если Вы питаете слабость к Дм. Кобякову – выбросьте мою рецензию о нем в свою корзину. Столько написал Вам, что теперь могу просить мою душу на покаяние – по крайней мере на год [Иоанн (Шаховской), архиеп., 1977, с. 300].

Мнение Гофмана вскоре было поддержано на страницах берлинского «Руля» поэтом, критиком и впоследствии историком литературы русского зарубежья Г. П. Струве, который, анализируя сборник «Керамика», перечислял слабые стороны стихов Кобякова: «синтаксический скелет их рассыпается, как труха, бессмыслицы в них нагромождены на бессмыслицы», «этот

⁶ Не использовал Кобяков ударение в письмах к М. А. Осоргину (1926 – 1930-е гг.). Эти эпистолярные документы сохранились в архиве последнего (РГАЛИ. Ф. 1464. Оп. 1. № 407); отсутствует ударение и на титуле журнала «Ухват», выходявшего под редакцией Кобякова (1926). Публикация архивных источников, связанных с сотрудничеством Ремизова и Осоргина в журнале, подготовлена нами к печати в рамках следующей статьи, посвященной эмигрантской биографии Кобякова.

недостаток не искупают отдельные удачные и свежие строки», которые соседствуют с настолько невнятными по смыслу, что становится «больно за русский язык» (Струве, 1925).

Как подтверждается содержанием первого номера «Благонамеренного», Шаховскому удалось принять паллиативное решение продиктованное, скорее, уважением к Ремизову, чем милосердием к Кобякову. Отзыв Гофмана был помещен в разделе «Библиография и критика» в виде реплики, начинающейся с многоточия. Критик, подписавшийся криптонимом «Р. Г.», практически вынес приговор неизвестному поэту, в подтверждение истинности своих суровых оценок пользуясь пространством цитированием стихотворных строк:

...хочу сказать несколько, очень немного, слов, не называя <...> имени автора, дабы не заставлять краснеть лишний раз в случае, если он когда-нибудь станет грамотнее (впрочем, на это, кажется, мало надежды). Стихи тяжелые, скучные, нудные, аритмичные, агармоничные, амелодичные <...> в таких плохих стихах бросается в глаза грозное явление современности, которое мы подмечаем в стихах и более даровитых поэтов: стихотворное фокусничество при отсутствии элементарной грамотности и варварская расправа с синтаксисом русского языка (Р. Г., 1926, с. 166).

Стихи из первого парижского сборника Кобякова «Керамика» в рецензии Гофмана узнавались только теми, кто пристально следил за новинками русской эмигрантской поэзии. Между тем для самого автора выпуск первого номера «Благонамеренного» не мог не запечатлеться в памяти как примечательное событие личной литературной биографии: имя его благодаря Ремизову осталось на слуху, а что касалось критики, то, как говорится, лиха беда начало: суждения приверженца поэзии золотого века вряд ли могла остановить в творческих порывах наследника хана Кобяка.

Вскоре был готов второй поэтический сборник. Как следует из писем поэта, название «Вешняк» для новой книги было найдено Ремизовым летом 1925 г. «Вешняк – мне нравится очень, – подтверждал Кобяков, вспоминая участие Ремизова в его творческих начинаниях, – стихи Вы читали раньше выхода книги» (Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10). Источником имени для новой поэтической тетради послужил словарь «Живого великорусского языка» В. И. Даля, согласно которому диалектное слово толкуется как «окольная дорога, пролагаемая весною, в разлив» (Даль, 1989, с. 187).

Выход в свет второго парижского сборника стихов стал достойным поводом для посвящения Кобякова в кавалеры Обезьяньей Великой и Вольной Палаты – мифического социума людей, объединенных идеалами творческого братства и житейской взаимопомощи [Обатнина, 2001]. 8 августа 1925 г. Ремизов подготовил Обезьянью грамоту, спроецировав этот документ сразу на несколько знаменательных событий, среди которых приобщение Кобякова к Обезвельволпалу можно считать второстепенным в сравнении с обретенным поэтом «именным ярлыком», давшим название его новой книге. Предложенный заголовок заключал в себе символический образ будущего возвращения поэта в Россию: «изумрудный» вешняк, прокладываемый по лугам, в обход разлившимся половодий, – путь не прямой, но предвещающий весеннее начало новой жизни. Основной текст грамоты, подписанной канцеляристом Обезьяньей палаты, гласил:

Дана сия обезьянья грамота именной ярлык
поганому половецкому хану Кобяку
в знак возведения его в кавалеры 1 ст<епени> с
изумрудным вешняком обезьяньей великой и
вольной палаты

11. 8. <19>25
Paris⁷

⁷ Цит. по: Кобяков Дмитрий. Вешняк: Ритмический цикл. Париж: Птицелов, 1926. – Экземпляр РГБ с автографом автора: «Павлу Николаевичу Милюкову – с чувством глубокого и искреннего уважения. Дмитрий Кобяков. Март. Paris» (шифр: Рбс 10/3110).

Архаическая лексика этого документа восходила к ареалу значений тюркских слов из древнерусского словаря (ярлык – грамота, вежа – походный шатер), подчеркивающих полoweцкое происхождение новообращенного обезьяньего кавалера.

Несомненно, в память о напутственном подарке своего старшего собеседника и покровителя Кобяков отпечатал грамоту на авантитуле книги «Вешняк», которая, таким образом, открывалась страницей, заполненной ремизовской вязью, искусно воспроизводящей скоропись древнерусских писцовых бумаг.

В практике Ремизова, стремившегося к распространению своего графического творчества в печати, размещение грамоты в чужом авторском издании оказалось единственным в истории Обезвельволлала прецедентом, выделяющим Кобякова в его молодежном окружении. Смысл этого литературного жеста был скрыт от несведущих и со стороны воспринимался, как один из экстравагантных кунштюков писателя, навязывающего своему читателю мифологию узкого дружеского кружка. Именно с таких позиций оценил репродуцирование грамоты один из рецензентов:

Эта книжечка, вышедшая в книгоиздательстве «Птицелов», снабжена факсимиле «обезьяньей грамоты», выданной на имя автора А. М. Ремизовым (как известно, наш маститый писатель и затейник любит этим развлекаться) (Руль, 1926).

Отчасти стороннее мнение не искажало истины, но в литературной биографии Дмитрия Кобякова отпечатанная небольшим тиражом книга стихов «Вешняк» благодаря обезьяньей грамоте стала литературным «памятником», увековечившим увлекательные беседы на гуде Mozart о значении древних слов, происхождении имен и возвращении в Россию.

Другое очевидное «присутствие» Ремизова в издании «Вешняка» было обозначено издательской маркой с изображением ушастого зверка (зайца) над гнездом с птенцами, в окружении надписей: «L'oiseleur / Птицелов». Рисунок был авторизован глаголической литерой, которую Ремизов ставил на всех своих графических произведениях. Из книг, выпущенных издательством Кобякова, только его авторские сборники печатались с маркой работы Ремизова, никогда не репродуцированной самостоятельно.

Уже ранней весной была собрана следующая книга стихов «Горечь», рождение которой отмечалось 19 марта на авторском выступлении в Союзе молодых поэтов и литераторов. Вечер открывался докладом критика Е. А. Зноско-Боровского. Во втором отделении поэт читал фрагменты из подготовленного к печати сборника и оставшейся неопубликованной поэмы «Панам» (Русское зарубежье..., 1995, с. 320).

Как свидетельствуют письма Кобякова, он искренне хотел поддержать традицию ремизовского наречения его книг, начатую изданием сборника «Вешняк», тем более что писатель и для нового сборника вызвался оформить обложку. Однако предложенное название «Щуп» кардинально разошлось с поэтикой стихотворений. Отвечая на очередной словесный «подарок» писателя, поэт, очевидно, продолжил уже затронутую в личной беседе тему своего «футуристического» прошлого. На страницах сохранившегося эпистолярного документа он с легкостью продемонстрировал живую память об экспериментальном творчестве известных словотворцев – И. Игнатъева и Н. Асеева.

Paris, le 20 января 1927 г.

Дорогой Алексей Михайлович!

Мне не уменьшить – увеличить хочется Ваш рисунок <...>.

Вот только название:

Щуп

Рисунок очень нравится мне и к стихам подходит. А название – боюсь – нет.

В этой книге не такие стихи. Потом пришлю Вам несколько стихов, прочтете. Что-нибудь вроде –

Ечерни етер, к<a>к,

помните

Засахаре кры

и

Ой конин дан окейн –

Асеева

Ечерни етер, просто – вечерний ветер. Вы поймете меня.

<...>

Привет Серафиме Павловне.

Искренне любящий Вас,

ДмКоб
(Amherst. Series 1. Box 4. Folder 10)

Пример практического освоения футуристической «зауми» («ечерный етер»), как и процитированные названия раритетных изданий русского авангарда 1910-х гг. (альманах «Засахрекры»; авторский сборник Н. Асеева «Ой конин дан окейн!»), являются для нас отнюдь не голословным подтверждением состоявшейся в юности «огранки» поэтических способностей Кобякова в кругу футуристов [Никольская, 2000, с. 70; «Скит»..., 2006, с. 41, 226] и, до известной степени, объяснением генезиса его поэтического языка. Эстетика эго- и кубофутуризма, влияние ранней поэзии Н. Асеева и Б. Пастернака в эмигрантском творчестве Кобякова сказалось гипертрофированными метафорами, пространственно-визуальными построениями поэтического нарратива, воспроизведением дискретного мыслительного потока и разговорной речи, с характерными словами синтаксических конструкций и поэтической метрики, – словом, именно тем набором отклонений от канонических норм художественного дискурса, которые в критике обычно аттестовались как языковая неграмотность.

Потенциальная предрасположенность поэта к разрушению привычного риторизма поэзии, возможно, заинтересовала Ремизова в большей степени, чем все другие творческие увлечения Кобякова. В эмигрантской литературе второй половины 1920-х гг. известный писатель являлся едва ли не единственным экспериментатором из поколения литературных корифеев, вставшим на путь возвращения в литературу живого разговорного языка. Путь к раскрепощению художественного повествования от условностей грамматической литературной нормы для Ремизова лежал через возвращение в круг чтения образцов речевого высказывания носителей русского «природного» языка, найденных в документах бытовой культуры прошлых столетий и памятниках древнерусской литературы. Его личная творческая задача состояла также в мастерском воспроизведении по слуховой памяти речевого образа современников. Такие примеры живой разговорной речи в 1926 г. были предъявлены в очерке «Воистину», посвященном памяти В. В. Розанова (Ремизов, 1926, с. 82–86; 2003, т. 10, с. 311–316), и в подготовленном писателем новом списке «Жития протопопы Аввакума» (1926, с. 1–73). Г. Адамович уловил эстетический посыл известного писателя, адресованный главным образом критикам, заметив на страницах парижского «Звена» (1926. № 186, 22 авг.):

Ремизов запальчиво отстаивает в послании к Розанову его, розановский, а заодно и свой, ремизовский стиль, т. е. разговорно-бессвязную, неупорядоченную речь в противоположность языку книжно-холодному, мертвенно-канцелярскому, ученому, «высокому». Интереснейший и сложный вопрос! Хотелось бы когда-нибудь «поднять перчатку», брошенную Ремизовым с усмешечкой, с лукавством, будто бы с благодушием, но на самом деле с гневом и раздражением, как отстаивают свое, самое дорогое (Адамович, 1998, с. 56–57).

Три первых года, проведенные Кобяковым в Париже, были наполнены интенсивной деятельностью, находившей отклик и поддержку Ремизова. В середине 1920-х гг. писатель сделал значительный вклад в литературу русской эмиграции, продвигая на страницы журналов «Благонамеренный», «Версты» и «Своими путями» имена новой (как советской, так и зарубежной) прозы и поэзии. Рисованная марка, подаренная Кобякову для его издательства «Птицелов», в своей композиции заключала личное отношение писателя к молодым литераторам эмиграции, которых он готов был пестовать, несмотря на разность жизненного опыта и в отдельных случаях даже мировоззрения. Такая позиция позволяет нам утверждать, что Ремизов в течение трех лет сотрудничества нашел в Кобякове единомышленника, близкого по творческим исканиям.

Сама проблема воспитания литературной молодежи стала приобретать для Ремизова конкретные формы в общении с молодыми писателями постреволюционного Петрограда. Именно об этом опыте обучения ремеслу Ремизов написал в книге «Ахру. Повесть петербургская»

(1922), полноправно поставив свое имя в один ряд с признанными учителями молодежи – Гумилёвым, Горьким и Замятым. Здесь в очерке под названием «Крюк» он, облекая идею литературной школы в сказочную оболочку, писал об извечном, воспринятом от природы законе преемственности:

Есть одно русское литературное большое гнездо – Петербург-Москва. И от этого большого гнезда по всей по России – от океана до гор и от гор до моря и от моря до пустыни и от пустыни до других гор – малые гнезда <...>. Учатся звери и птицы и всякий мур и стрекоза, учатся черти, учатся и человек. У кого есть голос, всякий науку проходит... (Ремизов, 2000, т. 3, с. 17, 24).

Список литературы

- Варшавский В. С.** Незамеченное поколение: последняя прижизненная редакция / Предисл. О. А. Коростелева; сост., коммент. О. А. Коростелева, М. А. Васильевой; подгот. текста Т. Г. Варшавской, О. А. Коростелева, М. А. Васильевой. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.
- Вахненко Е. Е.** Рецепция и трансформация фольклорных сюжетов коренных народов Сибири в сказках А. Ремизова // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 431. С. 19–28.
- Иоанн (Шаховской), архиеп.** Биография юности: Установление единства. Париж: YMCA-PRESS, [1977]. 420 с.
- Кобяков Ю. А.** Лопасненская старина. Очерки истории края с древнейших времён до начала XX века. М., 2015. 376 с.
- Мансков С. А.** Барнаульский эмигрант // Дмитрий Кобяков / Ред.-сост. С. А. Мансков. Барнаул; Москва: Красногорский полиграфический комбинат, 2018. С. 5–10.
- Марьин Д. В.** Русская этимология и лексикография в исследованиях Д. Ю. Кобякова // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 128–135.
- Никольская Т.** «Фантастический город»: русская культурная жизнь в Тбилиси (1917–1921). М.: Пятая страна, 2000. 192 с.
- Обатнина Е.** Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. 384 с.
- Обатнина Е. Р.** Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстетическое разложение» // Литературный факт. 2020. № 3 (17). С. 8–53.
- Поляков Ф.** Югославянские контакты Алексея Ремизова в 1920-е – 1930-е годы // Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook. 2015. № 3. S. 248–262.
- Серков А. И.** Российские масоны. 1721–2019. Биографический словарь. Век XX. М.: Ганга, 2020. Т. 2. С. 170–173.
- «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступ. ст. Л. Н. Белошевской; сост., биографии Л. Н. Белошевской, В. П. Нечаевой. М.: Русский путь, 2006. 768 с.
- Соболев А., Тименчик Р.** Венеция в русской поэзии. Опыт антологии. 1888–1972. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 1104 с.
- Софиев Ю.** Вечный юноша. Дневник. Алматы: Седьмая верста, 2012. 160 с.
- Устинов А.** Стихотворение, содержащее аллегорию, или Последняя публикация Бориса Божнева // Toronto Slavic Quarterly. 2013 (Winter). No. 43. P. 137–148.

Список источников

- Адамович Г.** Собр. соч. / Вступ. ст., сост., примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 1998. Кн. 2: Литературные беседы. «Звено». 1926–1928. 510 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1: А–З. 699 с.
- Житие протопопа Аввакума, им самим написанное / Список и примеч. А. М. Ремизова // Версты. 1926. № 1. Приложение. С. 1–73.
- ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург).

- История, культура и традиции Рязанского края. URL: <https://62info.ru/history/node/10704> (дата обращения 01.06.2021).
- Р. Г. [Гофман М. Л.]. [Рец.] // Благонамеренный. 1926. № 1. С. 166–167.
- РГБ – Российская Государственная библиотека (Москва).
- Ремизов А. М. «Воистину». Памяти В. В. Розанова: К 70-й годовщине со дня рожд. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926 // Версты. 1926. № 1. С. 82–86.
- Ремизов А. М. Собр. соч. М.; СПб.: Русская книга; Росток, 2000. Т. 3; 2003. Т. 10; 2017. Т. 13.
- РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Руль – [Б/п.] Рец. // Руль. 1926. № 1630, 14 апр.
- Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни: В 4 т. / Под ред. Л. А. Мнухина. М.: ЭКСМО, 1995. Т. 1: 1920–1929. 608 с.
- Струве Г. Дмитрий Кобяков. Керамика. Книгоиздательство «Птицелов». Париж, 1925 (14 стр.) [Рец.] // Возрождение. 1925. № 6, 6 июня.
- Amherst – Amherst College Center for Russian Culture (USA). Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers.

References

- Ioann (Shakhovskoy), archbishop.** Biografiya yunosti: Ustanovlenie edinstva [Biography of Youth: Establishing Unity]. Paris, YMCA-PRESS Publ., 1977, 420 p. (in Russ.)
- Kobyakov Yu. A.** Lopasnenskaia starina. Ocherki istorii kraia s drevneishikh vremen do nachala XX veka [Old Lopasnen. Sketches of the history of the region from ancient times until the beginning of the 20th century]. Moscow, 2015, 376 p. (in Russ.)
- Manskov S. A.** Barnaul'skii emigrant [Barnaul Emigrant]. In: Dmitrii Kobiakov. Ed. and comp. by S. A. Manskov. Barnaul; Moscow, Krasnogorskii poligraficheskii kombinat Publ., 2018, pp. 5–10. (in Russ.)
- Maryin D. V.** Russkaya etimologiya i leksikografiya v issledovaniyakh D. Yu. Kobyakova [Russian Etymology and Lexicography in the Studies of D. Yu. Kobyakov]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2009, no. 2, pp. 128–135. (in Russ.)
- Nikolskaya T.** “Fantasticheskiy gorod”: russkaya kul'turnaya zhizn' v Tbilisi (1917–1921) [“Fantastic City”: Russian Cultural Life in Tbilisi (1917–1921)]. Moscow, Pyataya strana Publ., 2000, 192 p. (in Russ.)
- Obatnina E.** Tsar' Asyka i ego poddannye: Obez'yan'ya Velikaya i Vol'naya Palata A. M. Remizova v litsakh i dokumentakh [Tsar Asyka and His Subjects: A. M. Remizov's Great and Free Monkey Chamber in Persons and Documents]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2001, 384 p. (in Russ.)
- Obatnina E. R.** Etyudy k tvorcheskoi biografii A. M. Remizova: 1926–1927 gg. Chast' pervaya: ‘Esteto-razlozhenets’ [Studies on A. M. Remizov's Creative Biography: 1926–1927. Part 1. ‘Aesthete-Degenerate’]. *Literaturnyi fakt [Literary Facts]*, 2020, no. 3 (17), pp. 8–53. (in Russ.)
- Polyakov F.** Yugoslavyanskije kontakty Alekseya Remizova v 1920-e – 1930-e gody [The Yugoslav Contacts of Alexey Remisov in the 1920s and 1930s]. *Wiener Slavistisches Jahrbuch / Vienna Slavic Yearbook*, 2015, no. 3, pp. 248–262. (in Russ.)
- Serkov A. I.** Rossiiskie masony. 1721–2019. Biograficheskii slovar'. Vek XX [Russian Masons. 1721–2019. Biographical Dictionary. 20th Century]. Moscow, Ganga Publ., 2020, vol. 2, 748 p. (in Russ.)
- “Skit”. Praga 1922–1940: Antologiya. Biografii. Dokumenty [“Skit”. Prague 1922–1940: Anthology. Biographies. Documents]. Intr. by L. N. Beloshevskaya; comp. by L. N. Beloshevskaya, V. P. Nechaeva. Moscow, Russkii put' Publ., 2006, 768 p. (in Russ.)
- Sobolev A., Timenchik R.** Venetsiya v russkoi poezii. Opyt antologii. 1888–1972 [Venice in Russian Poetry. An Experimental Anthology. 1888–1972]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019, 1104 p. (in Russ.)

- Sofiev I.** Vechnyi yunosh. Dnevnik [Eternal Youth. Diary]. Almaty, Sed'maya versta Publ., 2012, 160 p. (in Russ.)
- Ustinov A.** Stikhotvorenie, sodержashchee allegoriyu, ili Poslednyaya publikatsiya Borisa Bozhneva [A Poem Containing an Allegory or, a Recent Publication by Boris Bozhnev]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2013 (Winter), no. 43, pp. 137–148. (in Russ.)
- Vakhnenko E. E.** Retsepsiya i transformatsiya fol'klornykh syuzhetov korennykh narodov Sibiri v skazkakh A. Remizova [Reception and Transformation of Folklore Stories of Indigenous Peoples of Siberia in A. Remisov's Fairy Tales]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 2018. no. 431, pp. 19–28. (in Russ.)
- Varshavsky V. S.** Nezamechennoe pokolenie: poslednyaya prizhiznennaya redaktsiya [Invisible Generation: The Last Life Edition]. Intr. by O. A. Korostelev, comp. and comment. by O. A. Korostelev, M. A. Vasilieva; text prep. by T. G. Varshavskaya, O. A. Korostelev, M. A. Vasiliev. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya imeni Aleksandra Solzhenitsyna Publ.; Russkii put' Publ., 2010, 544 p. (in Russ.)

List of Sources

- Adamovich G.** Collected Works. Intr., comp., comment. by O. A. Korostelev. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998, vol. 2: Literary Conversations. “Zveno”. 1926–1928, 510 p. (in Russ.)
- Anonim.** [Review], *Rul'*, 1926, no. 1630, April 14. (in Russ.)
- Dal V. I.** Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka [A Vocabulary of the Great Living Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989, vol. 1: A–Z, 699 p. (in Russ.)
- R. G.** [Gofman M. L.]. [Review]. *Blagonamerennyi*, 1926, no. 1, pp. 166–167. (in Russ.)
- Remizov A.** “Voistinu”. Pamyati V. V. Rozanova: K 70-i godovshchine so dnya rozhdeniya 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926 [Remisov A. “Truly”. Remembrance of V. V. Rozanov: For the 70th Birthday Anniversary. 3.5 / 20.4 1856 (†1919) – 1926]. *Versty*, 1926, no. 1, pp. 82–86. (in Russ.)
- Remizov A. M.** Collected Works. Moscow, St. Petersburg, Russkaya kniga Publ., Rostok Publ., 2000, vol. 3; 2017, vol. 13. (in Russ.)
- Russkoe zarubezh'e. Khronika nauchnoi, kul'turnoi i obshchestvennoi zhizni [Russian Abroad. Chronicle of Academic, Cultural, and Social Life: 1940–1975]. In 4 vols. Ed. by L. A. Mnuhkhin. Moscow, EKSMO Publ., 1995, vol. 1: 1920–1929, 608 p. (in Russ.)
- Ryazan history, culture and traditions. <https://62info.ru/history/node/10704> (accessed 01.06.2021).
- Struve G.** Dmitrii Kobyakov. Keramika. Knigoizdatel'stvo “Ptitselov” [Dmitrii Kobyakov. Ceramic. “Bird Catcher” Publ.]. Paris, 1925 (14 p.) [Review]. *Vozrozhdenie*, 1925, no. 6, June 6. (in Russ.)

Информация об авторе

Елена Рудольфовна Обатнина, доктор филологических наук

Information about the Author

Elena R. Obatnina, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 03.06.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 03.06.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге

Лариса Викторовна Павлова¹
Ирина Викторовна Романова²
Евгений Вячеславович Казарцев³

^{1,2} Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

³ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Москва, Россия

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

³ kazar@list.ru

Аннотация

В литературе об А. Т. Твардовском тема религиозности писателя затрагивалась редко. Воспоминания современников сохранили разноречивые факты, по которым трудно судить об истинных убеждениях Твардовского. В настоящей статье представлены результаты исследования языка писателя. Материалом послужила его поэзия, привлекались также «Рабочие тетради». Анализ поэтического языка показал, что жизнь церкви, ее язык были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как каждому человеку его времени. Показательны многочисленные упоминания о различных церковных реалиях – предметах, строениях, людях, таинствах, праздниках. Предметом исследования стала лексема «Бог», особенности ее функционирования в поэтическом языке Твардовского, а также – для сравнения – в его документальной прозе.

Для раннего Твардовского актуален отказ от «старого мира» и его верований ради марксистско-ленинской идеологии. Одно из ярких свидетельств этого отказа – низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок, прибауток и поминания Бога всуе. Наиболее категоричные атеистические высказывания вложены в уста героев поэм, например, Никиты Моргунка и Тёркина. Слово *Бог* в идиоматических выражениях обычно десемантизируется. С Богом сопоставляются чаще всего вожди, политические и культурные кумиры.

Поздний Твардовский существенно смягчает свои атеистические позиции, проявляя признаки стихийной веры. Он пишет покаянную поэму «По праву памяти», становится более осторожен и избирателен в выражениях. Прозаическая речь обогащается более осознанным упоминанием Бога, главным образом, в контекстах высшего суда, покаяния и чудесной помощи. Твардовский выступает против агрессивной идеологической политики, которая грубо пытается заменить одну религию другой. В этом процессе он видит метафизический переход на сторону Зла.

Ключевые слова

А. Т. Твардовский, тема религии, поэтический язык, художественный мир

Для цитирования

Павлова Л. В., Романова И. В., Казарцев Е. В. Язык «свергнутой религии»: Твардовский о Боге // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 96–107. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

© Павлова Л. В., Романова И. В., Казарцев Е. В., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 96–107

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 96–107

The Language of “Overthrown Religion”: Tvardovsky about God

Larisa V. Pavlova¹, Irina V. Romanova², Evgeny V. Kazartsev³

^{1,2} Smolensk State University
Smolensk, Russian Federation

³ National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

¹ pavlar@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9502-6278>

² irina.romanova@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4564-7142>

³ kazar@list.ru

Abstract

Purpose. In the literature about A. T. Tvardovsky, the theme of the writer's religiosity was rarely touched upon. The memoirs of contemporaries retained contradictory facts, by which it is difficult to judge Tvardovsky's true convictions. This article presents the results of the study of the language of the writer. His poetry served as the material, and “Workbooks” were also involved.

Results. Analysis of the poetic language showed that the life of the church, its language were familiar to a native of the Smolensk hinterland, as to every person of his time. Numerous references to various church realities are indicative – objects, buildings, people, sacraments, holidays. The subject of the research is the lexeme “God” and the peculiarities of its functioning in the poetic language of Tvardovsky, as well as, for comparison, in his documentary prose.

For the early Tvardovsky, the rejection of the “old world” and its beliefs for the sake of Marxist-Leninist ideology is relevant. One of the vivid evidence of this refusal is the reduction of the constants of the religious thinking of the Russian person to sayings, idioms, and mentioning God in vain. The most categorical atheistic statements are put into the mouths of the heroes of the poems, for example, Nikita Morgunok and Terkin. The word God in idiomatic expressions is usually desemantized. Leaders, political and cultural idols are most often compared with God.

Later, Tvardovsky significantly softens his atheistic positions, showing signs of spontaneous faith. He writes the penitential poem “By the Right of Memory”, becomes more careful and selective in expressions. Prose speech is enriched by a more conscious mention of God, mainly in contexts of supreme judgment, repentance and miraculous help. Tvardovsky opposes aggressive ideological policies that rudely try to replace one religion with another. In this process, he sees a metaphysical transition to the side of Evil.

Conclusion. Tvardovsky experienced a spiritual evolution from militant atheism to a spontaneous faith, in which he was most worried about the problems of Higher Judgment and repentance. The highest value for him continued to be a person.

Keywords

A. T. Tvardovsky, the theme of religion, poetic language, the artistic world

For citation

Pavlova L. V., Romanova I. V., Kazartsev E. V. The Language of “Overthrown Religion”: Tvardovsky about God. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 96–107. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-96-107

Так храм оставленный – все храм,
Кумир поверженный – все бог!

М. Ю. Лермонтов

Введение

«Александр Твардовский был искренне и глубоко верующим человеком», – заявляет поэт и переводчик Е. В. Витковский в приложении к книге Р. М. Романовой «Александр Твардовский: труды и дни» [Романова, 2006, с. 767]. Впрочем, никаких аргументов в доказательство этого утверждения далее не следует.

К. Д. Померанцев приводит фразу Твардовского, произнесенную в 1965 г. в Париже во время визита в составе делегации советских поэтов: «– Не забывайте, что коммунизм – моя религия...»¹.

¹ Померанцев К. Д. Сквозь смерть. Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // Остров – сайт Александра Радашкевича. URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (дата обращения 20.10.2020).

В сборнике воспоминаний о Твардовском найдется несколько красноречивых свидетельств по вопросу об отношении Твардовского к религии. Одно из них принадлежит Г. Брейтбурду. Он рассказывает о премьерном просмотре на сицилийском курорте Таормина фильма П. Пазолини «Евангелие от Матфея», на котором присутствовал Твардовский. Обращают на себя внимание два момента. В фильме закадровый голос читал Евангелие. Брейтбурд хотел было перевести это Твардовскому. Твардовский его остановил: «Это я помню». А после окончания фильма, в котором использовались весьма шокирующие приемы, например русские народные песни, Твардовский подошел к режиссеру и «крепко, на людях (это при его-то нелюбви ко всякой “публичности”», обнял его, расцеловал тройным целованием и сказал так, чтобы его слышали все: – Да если б мне пришлось совершить столь дальнее путешествие, только чтоб посмотреть этот фильм, я и то не считал бы свою поездку напрасной» [Брейтбурд, 1978, с. 392].

Об этом фильме Твардовский потом говорил в Риме на писательском конгрессе, посвященном художественному авангарду. Его рассуждения обнаруживают отнюдь не ортодоксальный христианский взгляд на историю Христа, да и сам евангельский сюжет Твардовский называет мифом:

Если бы мне наперед сказали, что вот поди посмотри фильм Пазолини, в котором древняя и отработанная во всех видах и родах искусства легенда, мифологический материал, предстанет тебе вперемежку с русской песней «Ах ты, степь широкая» и еще иными странностями, то я, пожалуй, подумал бы, что бог весть что это такое, наверно, это какие-то фокусы, а я предпочитаю искусство без фокусов. <...> Он <фильм Пазолини. – Л. П., И. Р.> достаточно причудлив, своенравен по форме, он дерзок, он идет в нарушение великих традиций, он до крайности «авангардистский». Но дело в том, что он воодушевлен благородной идеей, высокочеловечной идеей добра и правды, идеей единства слова и дела, страстным, яростным осуждением того мира, который обрекает человечество на крестные муки. Там нет пафоса страдания, нет любования страданием. Там нет идеи страдания как искупления, там есть протест против тех страданий, которые сулит человечеству несовершенный, несправедливый мир. И в этом его победа, и зритель, кто бы он ни был, легко соглашается с необычностью и непривычностью формы, угадывая это благородное содержание (Твардовский, 1973, с. 317).

Другую важную фразу Твардовского, произнесенную летом 1967 г., приводит Г. Бакланов. Он вспоминает, как Твардовский был у него в гостях на ужине и умилялся семьей Бакланова – супругой и детьми. Потом обсуждали, что для настоящего творчества необходим «запас покоя в душе». Уходил Твардовский с фразой: «Ну, ничего, Бог даст вам за ваших детей» [Бакланов, 1978, с. 428].

В итоговой книге Р. М. Романовой «Александр Твардовский: труды и дни» упоминается о посещении умирающего от рака Твардовского Ф. Абрамовым и Г. Троепольским. На вопрос последнего, как его здоровье, Твардовский отозвался «тоном юродивого»: «Христос и подушка» [Романова, 2006, с. 760–761].

Еще несколько важных эпизодов приводит в своей статье о системе воззрений Твардовского на политику, нравственность, искусство и религию В. П. Даниленко [2015], не делая, впрочем, никаких выводов.

Даже лучшие советские исследователи творчества Твардовского обходили тему религии (например, [Акаткин, 1977; Кондратович, 1985]). Выпущенные в 2004 г. рабочие материалы для энциклопедии «Александр Трифонович Твардовский» [2004] не содержат словарных статей, посвященных теме религии и ее отражения в языке писателя. В монографических исследованиях о Твардовском последней четверти века затрагиваются вопросы места Твардовского в контексте современной ему литературной жизни [Снигирева, 1997], прозы Твардовского [Новикова, 1999] и его взаимоотношений с поэтической традицией [Иванов, 1999], отношения Твардовского к фольклору [Бессонова, 2006], его деятельности как редактора «Нового мира» [Дмитриев, 2000], природы комического и трагического [Рябова, 2008; Шалдина, 2003], особенностей языка и стиля [Головня, 2010; Девина, 2012; Никитина, 2006], отдельных аспектов художественного мира и т. п. Только в нескольких современных статьях затрагива-

ются темы трансформации Твардовским традиционных христианских представлений [Ефременков, 2006; Ильин, 2015; Титова, 2015].

Противоречивость свидетельств и суждений современников об отношении Твардовского к Богу и уклонение исследователей от скрупулезного рассмотрения этой темы заставили сделать шаг в сторону ее раскрытия. Объективность подхода обусловлена обращением к языку писателя. Материалом исследования стала вся поэзия (лирика и поэмы) А. Т. Твардовского, а также его дневниковая проза, составившая «Рабочие тетради». Методом сплошной выборки были выявлены все случаи употребления лексемы *Бог* и ее производных, реконструированы основные контексты обращения к данной теме.

Результаты исследования

Эпоха соцреализма не благоволила глубокому вниманию к религиозным темам и образам. Исключение делалось, пожалуй, лишь художественному представлению ситуаций под девизом «Бога нет», в силу частого повторения приобретающего характер заклинания. В художественном мире, вслед за реалиями советской жизни, из мировоззрения человека, из палитры переживаемых им чувств и мыслей, изымалось сложное в своих проявлениях духовное наследование христианской традиции, в слове и деле. Свято место, как известно, пусто не бывает, и умы всё более захватывала социальная идея, воодушевляющая видимостью земных перемен к лучшему, перемен «своими силами», а не милостью Божией. Отречение от «старого мира» не предполагало вдумчивой сортировки его ценностей, даже тех, о существовании которых свидетельствовали классическая литература, декларируемо почитаемая, опыт отцов и матерей, предлагаемый как проверенные ориентиры в море житейском, собственные впечатления детства и юности. Много позже об этом «обрубании корней» напишет в поэме «По праву памяти» Александр Трифонович Твардовский:

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь
(Твардовский, 1987, с. 10).

Твардовский — один из тех, кто познал путь и цену этого отречения. Отречения, а не незнания христианской традиции. Язык церкви, ее каждодневная жизнь были знакомы уроженцу смоленской глубинки, как каждому человеку его времени. Показательны многочисленные упоминания о различных церковных реалиях — предметах, строениях, людях, таинствах, праздниках и пр. В его стихах встречаются *святой, грех, крестить(ся), крестный ход, молиться, венчать(ся), колокольня, богомол, угодник, монах, подьячник, паломник, пономарь, икона, образ, купель, служба, треба, обедня, епархия, Лавра* и др.

Здесь бухали колокола
На двадцать деревень,
Престол и ярмарка была
В зеленый духов день
(Твардовский, 1976–1983, т. 1, с. 231) ².

Однако всё это, так хорошо знакомое и привычное, лишь приметы прошлого, отказ от которого — залог скорейшего торжества нового и прекрасного уклада. «Глубинная, искренняя приверженность молодого поэта-максималиста, комсомольца “ленинского призыва” (1924 г.) новой, отнюдь не христианской вере, в достоинстве и истинности которой он определенное время не сомневался» [Шалдина, 2003], заявлена в его стихах открыто. Одно из ярких свидетельств этого отказа — низведение констант религиозного мышления русского человека до присказок и прибауток, чертыхания и поминания Бога всеу.

² Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках тома и страницы.

Так, к месту и не к месту повторяет (5 раз!) молодой шофер в «Стране Муравии» нигилистически-радостно «Нету Бога», «Бога нет»: «Извиняюсь, бога нет. <...> – Ладно, дед. Нету бога, / – Прицепляйся на буксир» (т. 1, с. 277); «Жду тебя к себе на свадьбу, / Приглашаю, бога нет!..» (т. 1, с. 279). Актуальное «Бога нет» пополняет привычный ресурс выражений-междометий с Богом и чертом, запас которых в произведениях Твардовского разнообразен.

Идиоматические выражения и пословицы с *Бог* в произведениях А. Твардовского:

1) *Боже мой* (3 употребления): «До чего же хороши, / Боже ты мой, кони!» (т. 1, с. 266); «Но боже мой, и все-таки неправда, / Что Жизнь с годами сходит вся на клин» (т. 3, с. 203); «Его мужицкое тщеславье, / О, как выиграло – боже мой!» (Твардовский, 1987, с. 8);

2) *Ей-богу* (2): «– Да как же, братцы, – зрячий он. / – Ей-богу, был слепой (т. 1, с. 273); «Полюбите вы его, / Девушки, ей-богу!» (т. 2, с. 259);

3) *Дай бог* (2): «Только молвит, провожая: – / Воротиться дай вам бог...» (т. 2, с. 169); «Она не блекнет за последней гранью, / Та слава, что на жизненном пути – / Не меньшее, чем подвиг – испытанье, – / Дай бог еще его перенести» (т. 3, с. 297);

4) *У Бога дней (много)* (2): «Косить еще успеется, / На все у бога дни...» (т. 1, с. 283); «У бога дней не так уж много, / Но стану ль попусту скорбеть, / Когда не вся еще дорога / И есть, что видеть, есть, что петь» (т. 3, с. 253);

5) *Бог с тобою / с ним* (2): «– Бог с тобою, разве можно... / Помолчи уж, помолчи» (т. 2, с. 206); «И о замысле своем / Не жалел я, а подумал: / Бог с ним – глядь, еще умрем» (т. 3, с. 17);

6) *Бог (в) помощь* (1): «– Бог помощь, граждане, / Колхозники ай нет?...» (т. 1, с. 283);

7) *Ни боже мой* (1): «Весь год – и летом и зимой, / Ныряют утки в озере. / И никакой, ни боже мой, – / Коммунии, колхозии!..» (т. 1, с. 242);

8) *Не приведи Бог* (1): «Чужой солдат вошел в ваш дом, / Где свой не мог войти. / Вам не случилось быть при том? / И бог не приведи!» (т. 2, с. 353);

9) *Избави Бог* (1): «Покамест молод, малый спрос: / Играй. Но бог избави, / Чтоб до седых дожить волос, / Служа пустой забаве» (т. 3, с. 82);

10) *Береги Бог* (1): «Но вдруг подумать: / Нет, спасибо в шапку, / От этой сласти береги нас бог» (т. 3, с. 199);

11) *Бог послал* (1): «Я рад любому месту в мире, / Как новожил московский тот, / Что счастлив жить в любой квартире, / Какую бог ему пошлет» (т. 3, с. 220);

12) *Бог нанес* (1): «Дивись, отец, всплакни, родная, / Какого гостя бог нанес» (Твардовский, 1987, с. 5);

13) *Бог весть* (1): «Не бог весть где, не край земли, / А край такой же срединный» (т. 3, с. 232);

14) *Слава Богу* (1): «Ты жив-здоров – и слава богу» (т. 3, с. 320);

15) *Боже сохрани* (1): «– Да я ж!.. Да господи спаси, / Да боже сохрани!.. / Скажи – коси, скажи – носи, / Скажи – ворочай пни!..» (т. 1, с. 290);

16) *Богом данный* (1): «Из фонда богом данных лет / Ты краю этому и года / Не уделил» (т. 3, с. 302).

Во всех приведенных случаях лексема *Бог* не является однозначной. Она закреплена традицией и может быть заменена смысловыми эквивалентами. Вместе с тем примечательно, как Никита Моргунок, постоянно приговаривавший в дороге «Бога нет», на обмолоте стараясь доказать свою готовность потрудиться, усердно божится (пример 15). Поговорку вроде «У Бога дней много» автор вкладывает в «Стране Муравии» в уста деда, а в поэме «За далью – даль» оставляет в авторской речи, рассуждая о молодости, зрелости и сроке дружбы, и от этих слов веет исповедальностью (пример 4).

Образов, реализующих парадигму, где один из компонентов «Бог», значительно меньше, чем божбы.

В «Тёркине на том свете» неудивительно, что герой, перемещаясь в мир иной, восклицает: «– Что за чертовщина!» Его огорчение и досада не могут найти утешения в силу атеистических убеждений героя:

Даром все – легко ль смириться –
Годы мук, надежд, труда...
Был бы Бог, так помолиться.
А как нету – что тогда?
(т. 3, с. 374)

Верит он только в человека.

Вместе с тем в характеристике самого Тёркина, его войсковой принадлежности, возникает лексема *бог*: Тёркин сопоставляется с богом войны:

Тёркин – тем ли, этим боком –
В жизни воинской своей
Близок был в раскате дней
И с войны могучим богом,
И гремел по тем дорогам
С маршем танковых частей,
И везде имел друзей,
Оставаясь в смысле строгом
За царицею полей
(т. 3, с. 377).

Образ сопоставления «Бог» привлекает Твардовский для создания образов советских вождей. Так, в поэме «По праву памяти» несколько раз появляется образ, реализующий парадигму «Сталин → Бог», в осуждающем за присвоенную себе запредельную высоту и величие контексте:

Средь наших праздников и буден
Не всякий даже вспомнить мог,
С каким уставом к смертным людям
Взывал их посетивший бог.
Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь – и будешь ты в раю
(Твардовский, 1987, с. 10).

В «Рабочих тетрадах», комментируя создание этой главы, Твардовский признается:

Конец, м[ожет] б[ыть], насчет «автора этих строк», где должно быть сказано, что личной злой памяти у меня нет, что с той, да и до той поры, как он сказал, что сын не ответчик за отца, я был преисполнен веры в него и обожествления, не допускающего ни йоты сомнения или, тем паче, скепсиса. А уж после того как он и раз, и два, и три отметил меня, ввел в первый ряд, то и говорить нечего. Я был сталинистом, хотя и не дубовым, и очень болезненно поначалу воспринимал противोकультовые мероприятия... И с тем большим правом я могу видеть в нем, в имени самом – символ всего ужасного, что совершается в нашей истории и отбрасывает страну к идеям и тенденциям великодержавности, догматизма, китайщины, к духовному обнищанию по линии не только литературы и искусства (6.III.69) (Твардовский, 2004, № 4, с. 176).

Вопрос о (не)допустимости обожествления Сталина стал предметом серьезных дискуссий и расхождений Твардовского со скульптором С. Т. Коненковым. Планировалось, что Коненков выполнит скульптурный портрет Василия Тёркина. Однако именно разногласия с Твардовским по поводу отношения к Сталину стали причиной отказа Коненкова от работы. Твардовский комментировал эту размолвку так:

Сочетание кичливой веры в бога, Христа с бездумным, дремучим сталинизмом.
– Сталин – сын божий. А что кровь – так это он выполнял волю божью. А его выбросили из Мавзолея.
<...> Цитировал «Тёркина», показывал обвязанный «объект» – «белого Тёркина», но когда дошло до бога и Сталина и я кое в чем возразил, обозвал меня дураком и заявил, что не будет делать «Тёркина». – Воля ваша, С[ергей] Т[имефеевич] (25.IV.68) (Твардовский, 2003, № 8, с. 160).

Ленин в поэтическом мире Твардовского противопоставлен Сталину на оси «Бог – не Бог». На одном полюсе образ, реализующий парадигмы «Сталин → Бог» и «Сталин → Бог-Отец». На другом – парадигма с основанием сопоставления «Ленин», представленная в отрицательном сравнении «не был Богом», т. е. не превозносил себя без меры.

<...> И Ленин нас судить не встанет:

Он не был богом и в живых.

А вы, что ныне норовите

Вернуть былую благодать,

Так вы уж Сталина зовите –

Он богом был – Он может встать.

И что он легок на помине

В подлунном мире, бог-отец,

О том свидетельствует ныне

Его китайский образец...

(Твардовский, 1987, с. 14).

Ошибкой современников Твардовский считал обожествление Ленина и превращение его сочинений в догму. В качестве примера догматического учения в «Рабочих тетрадях» он приводит Священное Писание, выстраивая тем самым парадигму «труды Ленина → Священное Писание → догма»:

<...> вряд ли великий Ленин был бы доволен тем, что мы малейшее наше утверждение спешим подкрепить цитатой из него, точно книжники-богословы из священного писания. Сколько раз повторяли: марксизм не догма, но неизменно обращаемся к нему как к догматическим текстам: гл[ава] такая-то, стих такой-то (10.V.67) (Твардовский, 2002, № 9, с. 182).

Ответственность каждого человека за свои поступки – тоже, в представлении Твардовского, необходимая мера измерения человечности – в противоположность богам:

В минуты памятные эти –

На тризне грозного отца –

Мы стали полностью в ответе

За все на свете – До конца.

И не сробели на дороге,

Минуя трудный поворот.

Что ж, сами люди, а не боги

Смотреть обязаны вперед

(т. 3, с. 313).

С Богом сопоставляется и Лев Толстой в стихотворении «Вся суть в одном-единственном завете...». То главное и заветное, о чем собирается откровенно сказать поэт, не может быть передоверено никому, даже самым большим авторитетам в литературе и нравственной жизни, таким, как Толстой. Впрочем, выражение «пусть себе он бог» сохраняет оттенок иронии, указывает на собственную оценку Толстым своей личности. В этом контексте Твардовский противопоставляет себя-«смертного» Толстому-«богу».

Сказать то слово никому другому

Я никогда бы ни за что не мог

Передоверить. Даже Льву Толстому –

Нельзя. Не скажет – пусть себе он бог

(т. 3, с. 112).

По свидетельству Твардовского, в молодости его кумиром в литературе, «божеством» был Некрасов (10.V.67) (Твардовский, 2002, № 9, с. 183).

Твардовский не только сам себя ощущает простым смертным, но и собратьев по перу в одноименном стихотворении (т. 3, с. 115) оценивает в этой же парадигме. Оправданием писателям за низкое качество их творений и за человеческую фальшь, поэтическое лицемерие служит пословица «не боги горшки обжигают». Используя ее как чужое слово, богам он противопоставляет уже не просто смертных, но мастеров.

В поэме «За далью – даль» большая роль отводится читателю, к которому открыто обращается автор. Выстраивается сложная, антонимичная парадигма «читатель → друг, высший судия, наставник строгий, отец» и вместе с тем «читатель → лстец неосторожный, вредный квасец, крайним слабостям потатчик, скорый на расправу, начетчик, цитатчик, прокурор». В силу такой противоречивости образа читателя Твардовский отказывает ему в статусе бога для автора: «Но и тебя не прочь в боги, / Лепить не буду новый культ» (т. 3, с. 319).

В документальной прозе («Рабочих тетрадах»), в отличие от поэзии с ее лирическими и лиро-эпическими персонажами, подразумевается исключительно прямое высказывание. Здесь идиоматические выражения с лексемой *бог* имеют явную тенденцию к семантизации. Ф. Ф. Фархутдинова, исследовавшая особенности фразеологии в «Рабочих тетрадах», также отметила лингвокультурную особенность фразеологического словаря Твардовского – актуальность фразеологических единиц с компонентом *бог* и *грех*, что интерпретируется как «сущностное проявление лингвокультуры инакомыслия»: «Самая удивительная, с нашей точки зрения, лингвокультурная особенность фразеологического словаря Твардовского связана с тем, что в нем актуальны ФЕ с компонентами *бог*, *грех*: бог весть, явиться на свет божий, вывести на свет божий, слава богу, грех с души, видит бог, дай бог / не дай бог, взятие этого греха на душу, бог с ними (с ней), бог знает сколько, боже мой!, слава тебе, господи!, ни богу, ни кесарю; господи, буди милостив нам, грешным; бог его знает. Известно, что Твардовский был атеистом, но в соответствии с русской культурной традицией из вариантного ряда ФЕ с компонентами *бог* / *черт* он отдает предпочтение оборотам с компонентом *бог*. И в этом тоже есть сущностное проявление лингвокультуры инакомыслия» [Фархутдинова, 2010, с. 60].

Некоторые упоминания Бога у позднего Твардовского выходят за пределы междометий и идиом и сознательно семантизируются: «Сегодня жду на подпись беловик – и – с богом» (18.III.69) (Твардовский, 2004, № 5, с. 140); «С богом! Довольно неясности и бесплодных томлений на старости лет!» (16.I.70) (Твардовский, 2005, № 9, с. 153); «Политический гений т. Шауры и выше сказался со всей недвусмысленностью в назначении Ф. Таурина членом редколлегии “Н[ового] М[ира]” по разделу прозы (вместо бедного, слабого и больного Дороша, бог ему судья <...>)» (17.V.70) (Твардовский, 2005, № 10, с. 161).

Порой встречаются и цитаты, например, из Откровения Иоанна Богослова: «Дем[ентьев] был вчера на встрече с судьей Смирновым (арестовав, ходили по организациям, разъясняя, зачем арестовали; осудив, ходят разъяснять, почему так осудили, – чудны дела твои, господи!)» (3.III.66) (Твардовский, 2002, № 4, с. 154); из Жития протопopa Аввакума³: «Выбрался оттуда, из-за зоны, где “оно” или “это” (как выразился Б. Бабочкин) – главная реальность, к которой сводится вся остальная – долгая или короткая реальность зазонная, т. е. жизнь, и нужно втягиваться, входить в ритм этой реальности, которая оттуда представляется почти что мнимостью, во всяком случае – очень конечной, очень быстротечной и обманной. Ну и давай бог! “Ино еще побредем”» (27.VIII.69) (Твардовский, 2004, № 10, с. 150).

Обращает на себя внимание запись, датированная 24 октября 1968 г. В ней Твардовский запечатлевает работу над главой поэмы «По праву памяти», позднее названной «Сын за отца не отвечает»:

Найти в Евангелии цитату, соответствующую смыслу «Покинь отца и мать покинь» и, м[ожет] б[ыть], поставить эпиграфом к «Сыну-отцу».

М[ежду] п[рочим], замечал это и раньше, например, в наших изданиях Бунина, а теперь увидел в «Бр[атях] Карамазовых» – какая дикость заменять у классиков их написание слов Бог и соотв[етствующим] местоимений с прописной – строчной. В одном месте даже смысл обрывается из-за этого, когда вместо «к Нему» – «к нему». Это не что иное, как поправление, стремление поправить чисто внешние привилегии свергнутой религии, принизить ее во славу другой религии. Точь-в-точь как при замещении Эхнатона знаками величия Амона знаками величия Атона (?) и вслед за тем – обратные мероприятия (Твардовский, 2003, № 10, с. 158).

³ Развернутые параллели между Твардовским и протопопом Аввакумом проводит В. В. Ильин в книге «“Сколько душам был я нужен...” А. Т. Твардовский: очерки психологии творчества» [2009, с. 282–284].

Еще более ранняя запись в «Рабочих тетрадях», датированная 4 апреля 1966 г., свидетельствует о том, что Твардовский солидаризируется с опальным Бердяевым в оценке «гипертрофии “государственности”» и глобального духовного кризиса. Эти мысли, по признанию Твардовского, родились у него еще раньше Бердяева:

...о своеобразной религиозно-фанатической антирелигиозной нашей политике. Мы не просто не верим в бога, но мы «предались сатане», – в угоду ему оскорбляем религиозные чувства людей, не довольствуемся всемирным процессом отхода от религии в связи с приобщением к культуре, а хотим немедленно поломать и низвергнуть старых богов и заменить их своими, что м[ежду] пр[очим] и на Маркизских островах привело к падению нравов, скуке быта, росту преступности. Мы насильственно, как только делает вера завоевателей в отношении веры завоеванных, лишили жизнь людей нашей страны благообразием и поэзии неизменных и вечных ее рубежей – рождение, венчание, похороны и т. п. Наверно, я еще напишу о вступлении в колхоз всем селом, отслужившим молебен, помолившимся о новой лучшей и справедливой жизни, и о том, что было потом (попа посадили, в колхозе выявили кулаков и подкулачников, имущество роздали, дома заняли и т. д.) (27.II.66) (Твардовский, 2002, № 4, с. 151).

Заключение

В целом можно утверждать, что Твардовский пережил духовную эволюцию, нашедшую отражение в языке его поэзии и документальной прозы. Ее начальным этапом был воинствующий атеизм, находящийся на грани с язычеством и идолопоклонством в период «личного сталинизма». Это выражалось и в оклеивании в родительском доме в Загорье красного угла газетными вырезками с изображением вождей и идеологов революции⁴, и в решительном разрыве с семьей и всем ее укладом, и в нарочитом повторении в поэзии «Бога нет» (впрочем, как правило, переадресованном своим героям (Моргунку, Тёркину)), и в поэтизации лексемы «чёрт» (что само по себе заслуживает отдельного исследования). Поздний Твардовский существенно смягчает свои атеистические позиции, проявляя признаки стихийной веры. На уровне жизнетворчества он пишет покаянную поэму «По праву памяти». Меняется и его язык. Он становится более осторожен и избирателен в выражениях. Прозаическая речь обогащается более осознанным упоминанием Бога, главным образом, в контекстах Высшего Суда, покаяния и чудесной помощи. В поэтическом дискурсе всё чаще осуждается обожествление людей, хотя высшей ценностью продолжает оставаться человек. Твардовский-редактор всё настойчивее выступает против агрессивной идеологической политики, которая грубо пытается заменить одну религию другой. В этом процессе он видит не проявление атеизма как системы убеждений, а метафизический переход на сторону Зла. Твардовский чувствует, как этому сопротивляется не только сознание, не только совесть, но и язык.

Список литературы

- Акаткин В. М.** Александр Твардовский. Стих и проза. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 214 с.
- Александр Трифонович Твардовский. Энциклопедия (рабочие материалы). Смоленск: СГПУ, 2004. 456 с.
- Бакланов Г.** Остановить мгновенье // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Сов. писатель, 1978. С. 413–435.
- Бессонова Л. П.** Фольклорные традиции в эпической поэзии А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 180 с.
- Брейтбурд Г.** Твардовский в Италии // Воспоминания об А. Твардовском. М.: Сов. писатель, 1978. С. 391–397.

⁴ Из первого стихотворения Твардовского «Новая изба», опубликованного в газете «Смоленская деревня» 19 июля 1925 г.:

А в углу мы «богов» не повесим,
И не будет лампадка тлеть.
Вместо этой дедовской плесени
Из угла будет Ленин глядеть.

- Головня М. В.** Средства выражения оценки в поэтическом языке А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 184 с.
- Даниленко В. П.** «Что нужно, чтобы жить с умом?». О дневниках Александра Твардовского // *Magister Dixit*. 2015. № 3 (19). С. 3–16.
- Девина О. В.** Авторская модальность в произведениях А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 211 р.
- Дмитриев Д. П.** «Новый мир» А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 196 р.
- Ефременков М. С.** Темы и идеи христианства в произведениях А. Т. Твардовского // «По праву памяти живой...»: Материалы I Твардовских чтений. Смоленск: Маджента, 2006. С. 113–125.
- Иванов Ю. П.** Александр Твардовский и русские поэты фронтового поколения: Проблемы идейно-творческой эволюции: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999. 50 с.
- Ильин В. В.** «Скольким душам был я нужен...» А. Т. Твардовский: очерки психологии творчества. Смоленск: Маджента, 2009. 456 с.
- Ильин В. В.** Мифы и реальности поэтики Александра Твардовского // *Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений*. Смоленск: Свиток, 2015. С. 17–25.
- Кондратович А. И.** Александр Твардовский: Поэзия и личность. М.: Худож. лит., 1985. 318 с.
- Никитина Н. В.** Ономастическое пространство поэзии А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006. 226 р.
- Новикова О. А.** Проблемы «малой прозы» 1940–1960-х годов: «Рабочие тетради» А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1999. 194 с.
- Романова Р. М.** Александр Твардовский: труды и дни. М.: Водолей, 2006. 767 с.
- Рябова Т. А.** Проблемы комического и трагического в творчестве А. Т. Твардовского: Дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2008. 219 с.
- Снигирева Т. А.** А. Т. Твардовский: поэт и его эпоха. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 380 с.
- Титова Т. А.** Образ пространства в поэме А. Т. Твардовского «Тёркин на том свете» // *Литературное наследие А. Т. Твардовского в смене поколений*. Смоленск: Свиток, 2015. С. 127–132.
- Фархутдинова Ф. Ф.** Личность – время – фразеология в главной книге А. Т. Твардовского // А. Т. Твардовский: исследования и материалы (международная научная конференция «Творчество А. Т. Твардовского в контексте русской и мировой культуры» (5–7 октября 2010 г.)). Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. Вып. 1. С. 52–61.
- Шалдина Р. В.** Творчество А. Т. Твардовского: природа смеха: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 190 с.

Список источников

- Померанцев К. Д.** Сквозь смерть. Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // *Остров – сайт Александра Радашкевича*. URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (дата обращения 20.10.2020).
- Твардовский А. Т.** О литературе. М.: Современник, 1973. 448 с.
- Твардовский А. Т.** По праву памяти // *Знамя*. 1987. № 2. С. 3–15.
- Твардовский А.** Рабочие тетради 60-х годов // *Знамя*. 2002. № 4. С. 136–186; № 9. С. 171–200; 2003. № 8. С. 136–171; № 10. С. 137–177; 2004. № 4. С. 160–187; № 5. С. 138–167; № 10. С. 141–166.
- Твардовский А.** Рабочие тетради // *Знамя*. 2005. № 9. С. 150–174; № 10. С. 147–180.
- Твардовский А. Т.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Худож. лит., 1976–1983.

References

- Akatkin V. M.** Aleksandr Tvardovsky. Stikh i proza [Alexander Tvardovsky. Verse and Prose]. Voronezh, Voronezh Uni. Press, 1977, 214 p. (in Russ.)

- Aleksandr Trifonovich Tvardovsky. Entsiklopediya (rabochie materialy) [Alexander Trifonovich Tvardovsky. Encyclopedia (Working Materials)]. Smolensk, SSPU Press, 2004, 456 p. (in Russ.)
- Baklanov G.** Ostanovit' mgnoven'e [Stop the moment]. In: Vospominaniya ob A. Tvardovskom [Memoirs about A. Tvardovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 413–435. (in Russ.)
- Bessonova L. P.** Fol'klornye traditsii v epicheskoi poezii A. T. Tvardovskogo [Folklore Traditions in the Epic Poetry of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Maikop, 2006, 180 p. (in Russ.)
- Breitbart G.** Tvardovsky v Italii [Tvardovsky in Italy]. In: Vospominaniia ob A. Tvardovskom [Memoirs about A. Tvardovsky]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1978, pp. 391–397. (in Russ.)
- Danilenko V. P.** “Chto nuzhno, chtoby zhit' s umom?”. O dnevnikakh Aleksandra Tvardovskogo [“What Does It Take to Live Wisely?” On the Diaries of Alexander Tvardovsky]. *Magister Dixit*, 2015, no. 3 (19), pp. 3–16. (in Russ.)
- Devina O. V.** Avtorskaya modal'nost' v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo [The Author's Modality in the Works of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Kaliningrad, 2012, 211 p. (in Russ.)
- Dmitriev D. P.** “Novyi mir” A. T. Tvardovskogo [Tvardovsky's “New World”]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2000, 196 p. (in Russ.)
- Efremenkov M. S.** Temy i ideikhristianstva v proizvedeniyakh A. T. Tvardovskogo [Themes and Ideas of Christianity in the Works by A. T. Tvardovsky]. In: “Po pravu pamyati zhivoi...”: Materialy I Tvardovskikh chtenii [“By the Right of Memory Alive...”: Materials of the 1st Tvardovsky Readings]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2006, pp. 113–125. (in Russ.)
- Farkhutdinova F. F.** Lichnost' – vremia – frazeologiya v glavnoi knige A. T. Tvardovskogo [Personality – Time – Phraseology in the Main Book of A. T. Tvardovsky]. In: A. T. Tvardovsky: issledovaniya i materialy (mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya “Tvorchestvo A. T. Tvardovskogo v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury” (5–7 oktyabrya 2010 g.)) [A. T. Tvardovsky: Research and Materials (International Academic Conference “Creativity of A. T. Tvardovsky in the Context of Russian and World Culture” (October 5–7, 2010))]. Smolensk, SmolSU Press, 2010, vol. 1, p. 52–61. (in Russ.)
- Golovnya M. V.** Sredstva vyrazheniya otsenki v poeticheskom yazyke A. T. Tvardovskogo [Means of Expressing Evaluation in the Poetic Language of A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Moscow, 2010, 184 p. (in Russ.)
- Ilin V. V.** “Skol'kim dusham byl ia nuzhen...” A. T. Tvardovsky: ocherki psikhologii tvorchestva [“How Many Souls Needed Me...” A. T. Tvardovsky: Essays on the Psychology of Creativity]. Smolensk, Madzhenta Publ., 2009, 456 p. (in Russ.)
- Ilin V. V.** Mify i real'nosti poetiki Aleksandra Tvardovskogo [Myths and Realities of Alexander Tvardovsky's Poetics]. In: Literaturnoe nasledie A. T. Tvardovskogo v smene pokolenii [Tvardovsky's Literary Heritage in the Change of Generations]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, pp. 17–25. (in Russ.)
- Ivanov Yu. P.** Aleksandr Tvardovsky i russkie poety frontovogo pokoleniya: Problemy ideino-tvorcheskoi evoliutsii [Alexander Tvardovsky and Russian poets of the front generation: Problems of ideological and creative evolution]. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 1999, 50 p. (in Russ.)
- Kondratovich A. I.** Aleksandr Tvardovsky: Poeziya i lichnost' [Alexander Tvardovsky: Poetry and Personality]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1985, 318 p. (in Russ.)
- Nikitina N. V.** Onomasticheskoe prostranstvo poezii A. T. Tvardovskogo [Onomastic Space of A. T. Tvardovsky's Poetry]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 2006, 226 p. (in Russ.)
- Novikova O. A.** Problemy “maloi prozy” 1940–1960-kh godov: “Rabochie tetrad” A. T. Tvardovskogo [Problems of “Small Prose” of the 1940–1960s: “Workbooks” by A. T. Tvardovsky]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 1999, 194 p. (in Russ.)

- Romanova R. M.** Aleksandr Tvardovsky: trudy i dni [Alexander Tvardovsky: Works and Days]. Moscow, Vodolei Publ., 2006, 767 p. (in Russ.)
- Ryabova T. A.** Problemy komicheskogo i tragicheskogo v tvorchestve A. T. Tvardovskogo [Problems of the Comic and the Tragic in A. T. Tvardovsky's works]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Smolensk, 2008, 219 p. (in Russ.)
- Shaldina R. V.** Tvorchestvo A. T. Tvardovskogo: priroda smekha [Creativity of A. T. Tvardovsky: the Nature of Laughter]. Cand. Philol. Sci. Syn. Diss. Ekaterinburg, 2003, 190 p.
- Snigireva T. A.** A. T. Tvardovsky: poet i ego epokha [Tvardovsky: the Poet and His Era]. Ekaterinburg, Ural Uni. Press, 1997, 380 p. (in Russ.)
- Titova T. A.** Obraz prostranstva v poeme A. T. Tvardovskogo "Terkin na tom svete" [The Image of Space in A. T. Tvardovsky's Poem "Terkin in the Afterlife"]. In: Literaturnoe nasledie A. T. Tvardovskogo v smene pokolenii [Tvardovsky's Literary Heritage at the Shift of Generations]. Smolensk, Svitok Publ., 2015, pp. 127–132. (in Russ.)

List of Sources

- Pomerantsev K. D.** Skvoz' smert'. Vstrechi s A. Tvardovskim i A. Surkovym [Through death. Meetings with A. Tvardovsky and A. Surkov]. In: Ostrov – sait Aleksandra Radashkevicha [Island – site of Alexander Radashkevich]. (in Russ.) URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (accessed 20.10.2020).
- Tvardovsky A.** Rabochie tetradi [Workbooks of the 60s]. *Znamya [Banner]*, 2005, no. 9, pp. 150–174; no. 10, pp. 147–180. (in Russ.)
- Tvardovsky A.** Rabochie tetradi 60-kh godov [Workbooks of the 60s]. *Znamia [Banner]*, 2002, no. 4, pp. 136–186; no. 9, pp. 171–200; 2003, no. 8, pp. 136–171; no. 10, pp. 137–177; 2004, no. 4, pp. 160–187; no. 5, pp. 138–167; no. 10, pp. 141–166. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** Po pravu pamiati [By the Right of Memory]. *Znamia [Banner]*, 1987, no. 2, pp. 3–15. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** Collected Works. In 6 vols. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976–1983. (in Russ.)
- Tvardovsky A. T.** O literature [On Literature]. Moscow, Sovremennik Publ., 1973, 448 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Лариса Викторовна Павлова, доктор филологических наук, профессор
Ирина Викторовна Романова, доктор филологических наук, профессор
Евгений Вячеславович Казарцев, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Larisa V. Pavlova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Irina V. Romanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Evgeny V. Kazartsev, Doctor of Sciences (Philology), Professor

*Статья поступила в редакцию 07.03.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 07.03.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Научная статья

УДК 82-31

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-108-116

Ева, Магдалина, самаритянка...

(к типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор»)

Алена Олеговна Задорина

Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия
amaltea-20x@yandex.ru

Аннотация

Представлены результаты анализа ключевых женских образов в романе Л. Леонова «Вор»: Маша Доломанова, Татьяна Векшина, Зинаида Балуева, Ксения Бабкина – судьбы которых объединены типологической общностью. Актуальность исследования обусловлена переосмыслением роли женщины в современном мире и искусстве, и формирование героинь, несчастных в мире мужчин, в литературе 20 века развивалось в том числе под влиянием постреволюционной, послевоенной действительности, под действием урбанизации. Данный ракурс, несмотря на обширную историю исследования романа «Вор», практически не разработан учеными, но есть отдельные статьи, главы в монографиях леоноведов, поднимающих этот вопрос. Методологической основой исследования стали труды, посвященные поэтике мотива, образа. Для достижения цели были поставлены задачи: определение художественно значимых мотивов; сопоставление сюжетных линий с прецедентными текстами (преимущественно библейскими); объяснение деталей, уточняющих суть женских образов.

При помощи метода мотивного анализа были определены основные мотивы, участвующие в создании сюжетных линий каждой героини, и их варианты. Выделен мотив насилия, который представлен в следующих алломотивах: сексуальное насилие (в том числе лишение невинности) – для всех героинь, кроме Зинаиды Балуевой; физическое насилие (избиение) – образы Маши Доломановой, Зинаиды Балуевой – и самоубийство (Ксения Бабкина); психологическое насилие (как подавление воли, отсутствие заботы) – все героини. В рамках метода структурно-типологического анализа женские персонажи были соотнесены с полюсами бинарной оппозиции *злая жена – добрая жена*, восходящими к Св. Писанию. Обнаружено, что, помимо мотива насилия, присутствующего в сюжетной линии каждой героини, но обусловленного не волей лица, а случаем, женские характеры у Леонова объединяет мотив искушения, который позволяет оценить их индивидуальную позицию и объяснить трагический исход жизни.

В результате сделаны следующие выводы: женские образы в романе «Вор» сопоставимы с такими христианскими персонажами, как Ева, Мария Магдалина, безымянная самаритянка, Татиана-мученица. Их судьбы определяются действиями или желаниями других героев, что, с учетом того, что собственного Бога они не нашли, приводит в итоге к отчаянию и безвозвратной гибели.

Ключевые слова

женские образы, роковой герой, злая жена, мотив насилия, Л. М. Леонов

Для цитирования

Задорина А. О. Ева, Магдалина, самаритянка... (к типологии женских образов в романе Л. М. Леонова «Вор») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 108–116. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-108-116

© Задорина А. О., 2021

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 108–116

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 108–116

Eve, Magdalina, Samaritan... (To the Typology of Female Images in the Novel of L. M. Leonov “Thief”)

Alena O. Zadorina

Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
amaltea-20x@yandex.ru

Abstract

Purpose. The article presents the results of the analysis of key female images in the novel by L. M. Leonov “Thief”: Masha Dolomanova, Tatiana Vekshina, Zinaida Balueva, Ksenia Babkina – whose fates are united by a typological commonality. The relevance of the study is due to the rethinking of the role of women in the modern world and art, and the formation of heroines, unhappy men in the world of men, in the literature of the 20th century developed, including under the influence of post-revolutionary, post-war reality, under the influence of urbanization.

Methodology. The study based on the works devoted to the poetics of motif, image. To achieve the goal, the following tasks were set: determination of artistically significant motives; comparison of plot lines with precedent texts (mostly biblical); explanation of details that clarify the essence of female images. Using the method of motif analysis, identified the main motives involved in creating the storylines of each heroine, and their variants.

Results. The motif of violence is highlighted, which is presented in the following allomotives: sexual violence (including deprivation of innocence) – for all heroines, except for Zinaida Balueva; physical violence (beating) – images of Masha Dolomanova, Zinaida Balueva – and suicide (Ksenia Babkina); psychological abuse (like suppression of will, lack of care) – all heroines. Within the framework of the method of structural-typological analysis, female characters were correlated with the poles of the binary opposition between the evil wife and the good wife, ascending to the Holy Scriptures. It was found that, in addition to the motive of violence, which is present in the storyline of each heroine, but conditioned not by the will of the person, but by chance, Leonov’s female characters are united by the motive of temptation, temptation, which allows one to assess their individual position and explain the tragic outcome of life.

Conclusion. The female images in the novel “Thief” are comparable with such biblical personalities as Eve, Mary Magdalene, an unnamed Samaritan woman, Tatiana the Martyr. Their fates are determined by the actions or desires of other heroes, which, given the fact that they have not found their own God, ultimately leads to despair and irrevocable death.

Keywords

female images, fatal hero, evil wife, motive of violence, L. M. Leonov

For citation

Zadorina A. O. Eve, Magdalina, Samaritan... (To the Typology of Female Images in the Novel of L. M. Leonov “Thief”). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 108–116. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-108-116

Введение

Роман Л. М. Леонова «Вор», впервые опубликованный в 1927 г. и после этого неоднократно подвергавшийся редактированию, представляет сложную картину постреволюционного общества, в хаосе которого традиционная триада верхнего / среднего / нижнего миров утратила классическую четкость: все персонажи, вне зависимости от актуального социального положения и деятельности, формируют образ городского дна. В соответствии с духом времени автор сделал акцент на разомкнутости этого нового общества [Трубецкова, 1999], герои романа находятся в сложном отчужденном диалоге. В статье проведен сопоставительный анализ ключевых женских персонажей романа: Мария Долманова (Манька Вьюга), Зинаида Балueva, Татьяна Векшина, Ксения Бабкина, – жизненный путь которых имеет немало типологических общностей, в связи с чем основной исследовательский метод – метод структурно-типологический, дополненный методом мотивного анализа [Силантьев, 2004].

Роман «Вор» как один из самых интересных творческих результатов Л. М. Леонова имеет давнюю традицию исследования, привлекая читателей (хотя, по мнению Д. Л. Быкова, «вряд ли сегодня найдётся человек, который стал бы читать «Вора» [Быков, 2018, с. 34]) и ученых неоднозначностью авторской позиции, вопрос о которой, судя по количеству редакций, оста-

вался открытым и для самого Леонова. Написано немало работ о жанре романа, о его стиле (труды Г. Г. Исаева [1975], Я. Минмина [2004], Е. Г. Трубецковой [1999], В. А. Осинского [2004] и пр.), остановимся на тех, где в центре внимания именно женские характеры. Самым изученным является, безусловно, образ Маньки Вьюги (В. И. Хрулев [2014], Т. М. Вахитова [2007; 2011]). У Вахитовой она вписана в ряд роковых красавиц русской литературы, где самая очевидная параллель – с героинями Достоевского с их надрывами и самоистязанием, «ибо в истоках этого характера лежит мотив растления невинной девушки» [Вахитова, 2007, с. 268]. Мысль исследователя продолжается С. Л. Чиргадзе: «Говоря о Леонове, нельзя не сказать, что опирается он, в первую очередь, на традиции Ф. М. Достоевского и пытается их продолжить, в частности в “Воре” прослеживается диалог и с “Братьями Карамазовыми” и с “Преступлением и наказанием”. Но если для Достоевского важен христианский взгляд на мир, то мировоззрение Леонова много сложнее» [Чиргадзе, 2017, с. 289]. Гораздо реже и более поверхностно внимание исследователей обращалось к прочим женским образам романа, что существенно сужает художественный замысел, а, как писал А. И. Солженицын [2003], «более всего удались Леонову второстепенные персонажи, отчетливые характеры – от них в романе яркое, многолюдное оживление». По нашей гипотезе, леоновских героинь можно рассмотреть в рамках архетипической дихотомии *добрая жена – злая жена*, истоки которой восходят к Библии и религиозным текстам отечественной культуры. В. К. Васильев, активно работающий в данном направлении анализа литературного текста, полагает, что подобный подход «применим к любому произведению русской литературы при условии, если в нем имеется сколько-нибудь психологически разработанный женский персонаж» [2018, с. 142]. Хотя, на наш взгляд, это высказывание слишком категорично очерчивает рамки разнообразия женских характеров в русской литературе, в леоновском романе «Вор», написанном с явной ориентацией на Достоевского, предложенная бинарная оппозиция уместна.

Результаты исследования

Общей чертой жизнеописания героинь является переломный момент, до которого их судьба шла по праведному руслу, но потом резко и бесповоротно меняет направление. Очевидно, что этот момент связан с героем-мужчиной, случайно или нарочно встретившимся на пути героини, так актуализируется мотив насилия. В романе он представлен следующими алломотивами: сексуальное насилие (в том числе лишение невинности) – для всех героинь; физическое насилие (избиение) – образы Маши Доломановой, Зинаиды Балугоевой – и самоубийство (Ксения Бабкина); психологическое насилие (подавление воли, отсутствие заботы) – все героини. Стартовым для погибельной судьбы оказывается алломотив сексуального насилия, его воплощение в романе показано в таблице.

Героиня	Роковой герой	Что произошло
Маша Доломанова	Агей	«Внезапно на берег к ней вышел Агейка и взял ее. Без крика, напрасного в такой пустыне, она кусала ему лицо и руки, он осилил» (Леонов, 2013, т. 2, с. 143) ¹
	Митя Векшин	«Ах, да если бы даже за тыщу верст, в гостях у бога самого находился твой Митя, и тогда, пусть на одном крыле, пускай даже на сломанном, должен был на помощь ко мне подоспеть!» (с. 571)
Таня Векшина	Николай Заварихин	«И тут при виде укромных ложбинок вокруг как-то само собою возникло в нем одно такое неотложное намеренье. Привязывая лошадь к березе, он испытующе, чуть вскользя взглянул на Таню. Она заметалась, поникла...» (с. 319)

¹ Далее роман Л. М. Леонова «Вор» цитируется по этому изданию, в круглых скобках указаны страницы.

Героиня	Роковой герой	Что произошло
Ксенья Бабкина	Старик	«Ласковый такой, благообразный старичок с бородкой попался мне на разживу, все головой качал на повесть мою, даже языком в конце пощелкал от жалости... словом, умилился он очень, но не помиловал, Кащей» (с. 605)
	Митька Векшин	«Вот недавно совсем было и нас с Ксенькой в обывательскую трясину эту засосало, но ты пришел, все железной рукой прекратил, одним словом, вытащил...» (с. 609)
Зинаида Балуева	Митька Векшин	«Сколько он тебе дал? Нехорошо, Зина, подлеца из любовника делать!.. А теперь ступай купи вина на его деньги! – Ведь ни копейки у меня на завтра, Митя... – начала она, но подчинилась нетерпению в его лице» (с. 470)

Можно увидеть, что главный герой романа, Дмитрий Векшин, сыграл роковую роль в жизни всех героинь, за исключением сестры (можно говорить лишь о косвенном влиянии персонажа, назначившем встречу Тане в том же кабаке, куда пришел Николка Заварихин), при этом повествователем даются альтернативные версии событий. Так, неоднократно повторяется, что Маша Доломанова стала женой Агея после насилия над ней на темном берегу, и создается впечатление, что именно это и стало причиной размолвки между нею и бывшим возлюбленным Митькой. Другую причину произошедшего героиня называет Тане Векшиной – если бы Митька не выбрал своей невестой революцию, то не бросил бы ее на произвол судьбы и пришел бы на назначенное свидание, защитил бы от Агея. Но независимо от версии именно включение мотива насилия определяет жизненную канву Вьюги: отчаяние, чувство обреченности толкают ее в «яму с Агеем», делают «злой» Машей Доломановой.

Архетип «злой жены» в случае Вьюги включает следующие компоненты: искушение, внесение раздора, мстительность, преступление. Возле нее, подобно Настасье Филипповне из «Идиота», жаждущие любой ценой близости мужчины, ее диалог с ними выстраивается через мотивы обещания и отталкивания. Можно согласиться, что «всегда злой женой будет блудница, соблазняющая мужчину, в том числе “чужая”, замужняя, изменяющая мужу» [Васильев, 2018, с. 145]. Соблазняя своих ухажеров и не позволяя им приблизиться, героиня тем самым словно пытается перевернуть гендерную парадигму: если вначале ее жизнь была определена действиями мужчин, то теперь она решает их судьбы. Отметим, что при этом взаимодействие героев не выходит за рамки игры: кроме Агея, близости не удостоился ни кудрявый поэт Донька, спавший в коридорчике вдовы, ни сочинитель Фирсов, забывающий при виде Маньки о жене, ни Митька Векшин, готовый сидеть всю ночь под дверью, прислушиваясь – одна или с кем-то? Ситуация флирта делает Маньку королевой, но не избавляет от одиночества.

Гротескность образа Вьюги подчеркивается совмещением антитез – униженная гордыня не позволяет Маньке ни простить забывшего о свидании Векшина, ни сказать ему о причинах своего гнева, чтобы расставить точки на *i*, что приводит к безысходному отчаянию героини. Эта же непреходящая обида заставляет Машу рассказывать историю своего падения Тане Векшиной, в целом чужому для нее человеку, посмевавшему вступить за вора.

Мотив самобичевания объединяет Вьюгу с Ксеньей, в прошлом проституткой, в настоящем – супругой Саньки Велосипеда, подельника Векшина. Союз Саньки и Ксеньи соотносим с библейским сюжетом об Иисусе и Магдалине в его католической версии, широко известной в литературных кругах, согласно которой Магдалина была блудницей, но оставила ремесло, встретив Иисуса Христа. Санька, мелкий вор, становится надеждой Ксеньи на возможность женского счастья: венчание в церкви начинает новую веху в ее жизни, она словно переживает крещение. В описании героини очевидно, что она пытается подражать образу идеальной жены:

Любопытно было видеть, как усердно, хоть и бессознательно, всем существом своим, не только привычками, даже речевым складом старалась она стать поскорее Санькиной половиной. <...> бежали по шитву ее тонкие, прозрачные, не наши пальцы, хотя она ими и белье стирала мужу, и полы мыла, и все там прочее... (с. 416).

В отличие от новозаветного сюжета, у Леонова полное искупление грехов оказывается невозможным: несмотря на освящение уз брака в церкви, измененный образ жизни, Ксень не дано спасение – Санька отступает под натиском жожака, отдает ему накопленные на переезд в деревню деньги (тридцатку – тридцать сребреников!), ставя этим поступком крест на семейной жизни. Безумие и страшная смерть героини усугубляют трагизм ситуации, когда уверовавший в спасение осознает свою обреченность.

На первый взгляд противоположным предыдущим героиням рисуется образ сестры Дмитрия Векшина, Татьяны. Портрет ее создан в явной ориентации на фигуры христианских святых, в частности Татианы-мученицы (через хронотоп цирка, который являет собой метафору Преисподней (Жития..., 2004, с. 342)). Развернутое описание героини контрастно облику ее брата, смятенного Дмитрия. Если в чертах вора читается «быстрое, злое и точное движение» (с. 73), то внешность Тани исполнена кротости и чистоты:

Вошедшая выглядела труженицей. Подчеркнуто скромную одежду ее несколько скрашивал лишь дорогой, даже в непогоду пушистый мех на плечах, а как будто провинившийся, до сердца достигающий взор слегка раскосых, полных синего детского света глаз придавал подкупающую душевность всему ее облику (с. 87).

Броская костюмная деталь – «пушистый мех на плечах» бедной циркачки – объединяет ее с братом, «подкупающе скромным, если бы не эта неуместная для ночного кабака енотовая шуба и такая же дорогая шляпа» (с. 73). На обоих персонажах эти роскошные одежды выглядят чуждо, как будто они их украли и надели сверху на нищенские рубахи, что, в общем-то, недалеко от истины (фешенебельный подарок Митьки сестре, нечаянно обворованной им самим в поезде). Но противопоставлена Таня не только брату, но и его оппоненту Николке Заварихину (см. таблицу), и Маньке Вьюге, ее нравственному антиподу.

Критерий	Митька Векшин	Николка Заварихин	Таня Векшина
Взаимодействие с чужими людьми	Закрытый	Закрытый (под маской открытости)	Открытая
Взаимодействие с близкими людьми	Закрытый	Закрытый (под маской открытости)	Открытая
Отношение к сексуальной близости	Близость ничего не значит	Близость ничего не значит	Близость – возможность любви
Отношение к труду	Живет за чужой счет, вор	Живет за чужой счет, нэпман	Труженица
Отношение к деньгам	Деньги – смысл его воровства	Деньги – смысл всего	Деньги ничего не значат

Характерно, что для Заварихина Татьяна и Вьюга не только противопоставлены, но и являются единое целое:

Две женщины стояли в памяти у него: та, утренняя, боролась с этой, вечерней. Утренняя была близка, потому что плакала, вечерняя – своей улыбкой; порой они сливались воедино, как половинки разрезанного яблока (с. 88).

Обе героини вызывают у нэпмана соблазн, что подчеркнуто символичным яблоком. Но если Манька – Магдалина (Мария!), не раскаивающаяся в прегрешениях и погрязаящая в них всё глубже и глубже, то Таня, в итоге отдавшаяся Николке, сопоставима с Евой, еще не изгнанной из Эдема.

Основанием для сходства героинь можно назвать и рискованный характер их деятельности: криминальные забавы Вьюги и цирковые выступления Тани воплощают грани человеческого существования. Для художественного метода Леонова характерны нетипичные контрасты, вырастающие из сложившихся традиций. Если у Достоевского церковь противопоставлена кабаку, то у Леонова – цирку, при этом оба хронотопа соединены мотивом чуда [Zadorina, 2011, р. 837] – «священное и волшебное осталось нынче только в церкви и цирке». В свете образов Маньки Вьюги и Тани Векшиной видим, что хронотопы кабака и цирка тоже связаны – мотивом падения, мотивом искушения, мотивом тьмы, символизируя бездну человеческой души. Случайная любовь к Заварихину сначала придает смысл существованию Татьяны, а затем эту бездну открывает во всей ее беспощадности, что приводит к трагедии во время прощального выступления. Завершение Таниной линии также носит религиозно-символический характер: «Таню уносили, похожую издали на обвядший голубой цветок» (с. 673).

Еще один значимый женский образ – певица Зинаида Балугева. Именно ее комната будет местом сбора всех персонажей, а ее именины становятся кульминацией сюжета. Судьба героини связана с тремя мужчинами: отцом Клавди, Митькой Векшиным, Петром Чикилевым. Очевидно, что ни с одним из них жизнь артистки не удалась:

Ты теперь будешь мамин муж. Она тебе кровать купила, в сарае стоит, а дядя Матвей на ящиках спал. Ты ее не бей, ладно? Прошлый папа посуду колотил и все ругался... Только он недолго папа был... (с. 410).

К Митьке Зинаида испытывает безответную любовь и догадывается, что в ее комнатке он нашел лишь временное пристанище, но и этой случайности рада. Как и у Тани Векшиной, оправдывающей холодность Заварихина, чувства Балугевой безусловны:

Ее образцово-безнадежная любовь состояла из безотчетного восторга, робких подозрений, страхов утраты, готовности в любое время отречься от права на счастье для малейшего его удобства (с. 279).

И именно безразличный Векшин подталкивает певицу к ненавистному ей управдому – требуя денег на еду, вино в дни, когда ее выгнали с работы, он вынуждает Балугеву идти просить их к Чикилеву и позже даже сам предлагает это сделать.

Очевидно, что ни один из сожителей Зинаиды не может называться ее настоящим мужем, поскольку христианская любовь предполагает и взаимное уважение, и служение, и помощь. Вспомним разговор Иисуса Христа с женщиной из Самарии: «Иисус говорит ей: пойдя, позови своего мужа и приходите сюда. Женщина же сказала Ему в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: верно ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо пять мужей было у тебя, и тот, кто сейчас есть у тебя, – не муж тебе» (Ин. 4: 16–18). У этого фрагмента, помимо буквально-го сходства с сюжетной ситуацией в романе, есть интересное толкование от Евфимия Зигабена: муж суть закон Божий, и «этот закон не был для нее мужем, потому что она не всецело любила и соблюдала его»². Такая интерпретация подчеркивает, что героиня, вступающая в сожителство с мужчинами, которых сама не любит, либо которые не любят ее, не может считаться праведницей, даже если других грехов у нее нет. Законный брак между Зинаидой и Чикилевым не наделяет жизнь героини смыслом, а приводит к тоске и увяданию.

Заключение

Женские образы у Леонова отличаются особым трагизмом, вызванным невозможностью обрести покой и счастье в пределах земной жизни. Их судьбы соотносятся с такими библейскими персонажами, как Ева, Магдалина, безымянная самаритянка, но могут включать и элементы образов праведниц, как, например, сопряжена мотивом испытания в цирке судьба Тани Векшиной с судьбой Татианы-мученицы или очерчены мотивом юродства последние дни Ксеньи Бабкиной. Их портреты различны, но очевидно фабульное сходство сюжетных

² Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/new:in:04:18> (дата обращения 31.01.2021).

линий, ими представленных. «Все главные герои «Вора» находятся на грани жизни и смерти и в последнем усилии стремятся найти спасение души в любви, в обретении смысла жизни, в поисках «другого существования»» [Вахитова, 2007, с. 131], но ни одна из героинь «Вора» не нашла счастья в супружестве, не нашла Бога и смысла существования. Революция, гражданская война превратили устоявшийся мир в хаос, где раскаявшаяся блудница не будет принята Христом, потому что в хаосе и бездне нет Бога.

Список литературы

- Быков Д. Л.** Лекции по русской литературе XX века. М.: Эксмо, 2019. Т. 2. 256 с.
- Васильев В. К.** Об архетипическом подходе к анализу женских образов-характеров (письменный и устный текст) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 142–153.
- Вахитова Т. М.** Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция): Монография. СПб.: Наука, 2007. 317 с.
- Вахитова Т. М.** Интертекстуальный флер роковых красавиц в прозе Леонида Леонова // Вестник Волгоград. гос. ун-та. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2011. Вып. 10. С. 28–37.
- Исаев Г. Г.** Проблема стилевой традиции Достоевского в прозе Леонида Леонова 1920-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1975. 23 с.
- Минин Я.** Некоторые стилевые традиции в ранней прозе Л. Леонова: 1921–1925 гг.: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2004. 150 с.
- Осинский В. А.** Идейно-творческая эволюция Л. Леонова от «Вора» к «Пирамиде»: сравнительно-типологический анализ двух романов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 17 с.
- Силантьев И. В.** Мотивный анализ: Монография. Новосибирск, 2004. 239 с.
- Солженицын А. И.** Леонид Леонов – «Вор» (из «Литературной коллекции») // Новый мир. 2003. № 6. URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2003_10/Content/Publication6_3388/Default.aspx (дата обращения 31.01.2021).
- Трубецкова Е. Г.** «Текст в тексте» в русском романе 1930-х годов: Дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 219 с.
- Хрулев В. И.** Роман «Вор» в духовной биографии Леонида Леонова // Наш современник. 2014. № 5. С. 258–275.
- Чиргадзе С. Л.** Революционное поколение в романах Леонида Леонова «Вор» и Захара Прилепина «Обитель» // Русская революция 1917 года в гуманитарной парадигме: Материалы XXII Шешуковских чтений. М., 2017. С. 288–294.
- Zadorina A. O.** The Motif of the Gift in the Works of Leonid Leonov (1924–1953). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2011, vol. 6 (4), pp. 837–845.

Список источников

- Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского (репринт). Киев: Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 2004. Т. 5: Месяц январь. С. 338–384.
- Леонов Л. М.** Собр. соч.: В 6 т. М.: Книжный клуб Книговск, 2013. Т. 2. 720 с.
- Толкования Священного Писания. URL: <http://bible.optina.ru/new:in:04:18> (дата обращения 31.01.2021).

References

- Bykov D. L.** Leksii po russkoi literature XX veka [Lectures on 20th Century Russian Literature]. Moscow, Eksmo Publ., 2019, vol. 2, 256 p. (in Russ.)

- Chirgadze S. L.** Revolyutsionnoe pokolenie v romanakh Leonida Leonova “Vor” i Zakhara Prilepina “Obitel” [The Revolutionary Generation in the Novels of Leonid Leonov *Thief* and Zakhar Prilepin *Abode*] In: Russkaya revolyutsiya 1917 goda v gumanitarnoi paradigme [The Russian Revolution of 1917 in the Humanitarian Paradigm]. Materials of the 22nd Sheshukovsky Readings. Moscow, 2017, pp. 288–294. (in Russ.)
- Isaev G. G.** Problema stilevoi traditsii Dostoevskogo v proze Leonida Leonova 1920-kh godov [The Problem of Dostoevsky's Style Tradition in the Prose of Leonid Leonov of the 1920s]: Cand. Sci. Syn. Philol. Dis. Gorky, 1975, 23 p. (in Russ.)
- Khrulev V. I.** Roman “Vor” v dukhovnoi biografii Leonida Leonova [The Novel *Thief* in the Spiritual Biography of Leonid Leonov]. *Nash sovremennik [Our Contemporary]*, 2014, no. 5, pp. 258–275. (in Russ.)
- Minmin Ya.** Nekotorye stilevyie traditsii v rannei proze L. Leonova: 1921–1925 gg. [Some Stylistic Traditions in L. Leonov's Early Prose: 1921–1925]. Cand. Sci. Philol. Dis. St. Petersburg, 2004, 150 p. (in Russ.)
- Osinsky V. A.** Ideino-tvorcheskaya evolyutsiya L. Leonova ot “Vora” k “Piramide”: sravnitel'no-tipologicheskii analiz dvukh Romanov [Ideological and Creative Evolution of L. Leonov from *Thief* to *Pyramid*: a Comparative Typological Analysis of Two Novels]. Cand. Sci. Syn. Philol. Dis. Moscow, 2004, 17 p. (in Russ.)
- Silantev I. V.** Motivnyi analiz [Motif Analysis]. Monograph. Novosibirsk, NSU Press, 2004, 239 p. (in Russ.)
- Solzhenitsyn A. I.** Leonid Leonov – “Vor” (iz “Literaturnoi kolleksii”) [Leonid Leonov – *Thief* (from the “Literary Collection”)]. *Novyi mir [New World]*, 2003, no. 6. (in Russ.) URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2003_10/Content/Publication6_3388/Default.aspx (accessed 31.01.2021).
- Trubetskova E. G.** “Tekst v tekste” v russkom romane 1930-kh godov [“Text in Text” in a Russian Novel of the 1930s]. Cand. Sci. Philol. Dis. Saratov, 1999, 219 p. (in Russ.)
- Vakhitova T. M.** Intertekstual'nyi fler rokovnykh krasavits v proze Leonida Leonova [Intertextual Veil of Fatal Beauties in the Prose of Leonid Leonov]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika [Herald of the Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism. Journalism]*, 2011, iss. 10, pp. 28–37. (in Russ.)
- Vakhitova T. M.** Khudozhestvennaya kartina mira v proze Leonida Leonova (struktura, poetika, evolyutsiya) [An Artistic Picture of the World in Leonid Leonov's Prose (Structure, Poetics, Evolution)]. Monograph. St. Petersburg, Nauka, 2007, 317 p. (in Russ.)
- Vasilev V. K.** Ob arkhietipicheskom podkhode k analizu zhenskikh obrazov-kharakterov (pis'mennyi i ustnyi tekst) [On the Archetypal Approach to the Analysis of Female Character Images (Written and Oral Text)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2018, no. 3, pp. 142–153. (in Russ.)
- Zadorina A. O.** The Motif of the Gift in the Works of Leonid Leonov (1924–1953). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2011, vol. 6 (4), pp. 837–845.

References

- Leonov L. M.** Collected Works. In 6 vols. Moscow, Knizhnyi klub Knigovsk Publ., 2013, vol. 2, 720 p. (in Russ.)
- Tolkovaniya Svyashchennogo Pisaniya [Interpretations of Scripture]. (in Russ.) URL: <http://bible.optina.ru/new:in:04:18> (accessed 31.01.2021).
- Zhitiya svyatykh na russkom yazyke, izlozhennyye po rukovodstvu Chet'ikh-Minei sv. Dimitriya Rostovskogo [Hagiography of the Saints in Russian, Set Out according to the Guidance of the Great Menaion Reader by St. Dimitri Rostovsky] (reprint). Kiev, Svyato-Uspenskaya Kievopchorskaya Lavra Publ., 2004, vol. 5, January, pp. 338–384. (in Russ.)

Информация об авторе

Алена Олеговна Задорина, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Alena O. Zadorina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 27.01.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 27.01.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021*

Краткое сообщение

УДК 81-11

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-117-121

Вторые Фортунатовские чтения в Карелии

Олег Викторович Никитин ¹

Наталья Викторовна Патроева ²

¹ Московский государственный областной университет
Мытищи, Россия

² Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

¹ olnikitin@yandex.ru

² nvpatr@list.ru

Аннотация

Представлен отчет о всероссийской с международным участием конференции «Вторые Фортунатовские чтения в Карелии», проходившей в Петрозаводском государственном университете 3–4 июня 2021 г. Отмечается, что имя Ф. Ф. Фортунатова является знаковым в истории мирового языкознания для понимания развития научной теории и методологии в лингвистике. Ученый заложил основы современной грамматической теории, дал оценку спорным процессам в области истории и акцентологии славянских и балтийских языков, способствовал становлению новых лингвистических течений. Говорится, что Фортунатовская школа в конце XIX в. вышла за географические границы России и стала известна за рубежом как одно из самых передовых научных направлений. Приводится краткое описание программы и представленных докладов, освещавших проблемы исторической и диахронической лингвистики в русле сравнительного и типологического языкознания, методики обучения языку, синтаксиса, диалектологии, теории коммуникации, лингвокультурологии, поэтики. Особое внимание обращается на актуальность в современном языкознании заложенных академиком Ф. Ф. Фортунатовым и его школой идей. Проводятся параллели со смежными гуманитарными дисциплинами.

Ключевые слова

Фортунатовская школа, научная традиция, историография лингвистики, синтаксис, типология и история языков, лингвокультурология

Для цитирования

Никитин О. В., Патроева Н. В. Вторые Фортунатовские чтения в Карелии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 117–121. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-117-121

Second Fortunatov Readings in Karelia

Oleg V. Nikitin ¹, Natalia V. Patroeva ²

¹ Moscow Region State University
Mytishchi, Russian Federation

² Petrozavodsk State University
Petrozavodsk, Russian Federation

¹ olnikitin@yandex.ru

² nvpatr@list.ru

Abstract

The report on the international conference “Second Fortunatov Readings in Karelia”, held at Petrozavodsk State University on June 3–4, 2021, is presented. It is noted that the name of F. F. Fortunatov is a significant phenomenon in the

history of world linguistics for understanding the development of scientific theory and methodology in linguistics. The scientist laid the foundations of modern grammatical theory, assessed controversial processes in the field of the history and accentology of Slavic and Baltic languages, and contributed to the formation of new linguistic trends. The Fortunatov School at the end of the 19th century went beyond the geographical borders of Russia and became known abroad as one of the most advanced academic schools. A brief description of the program and the reports presented, covering the problems of historical and diachronic linguistics in the context of comparative and typological linguistics, language teaching methods, syntax, dialectology, communication theory, culture of language and poetics, is given. Special attention is paid to the relevance in modern linguistics of F. F. Fortunatov's ideas. Parallels are drawn with related humanities disciplines.

Keywords

Fortunatov School, scientific tradition, historiography of linguistics, syntax, typology and history of languages, culture of language

For citation

Nikitin O. V., Patroeva N. V. Second Fortunatov Readings in Karelia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 117–121. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-117-121

3–4 июня 2021 г. в Петрозаводском государственном университете (ПетрГУ) состоялись «Вторые Фортунатовские чтения в Карелии» – всероссийская (с международным участием) научная конференция, собравшая видных ученых разных школ и направлений в языкознании, вузовских педагогов и академических исследователей, для которых проблемы историографии филологической науки и ее рецепция в современных условиях стали предметом обсуждения на этом форуме. География участников была довольно широка: от Новосибирска, Томска и Перми до Чебоксар, Ростова-на-Дону, Пятигорска, Самарской области, Смоленска, Вологды и других региональных университетских центров. Иностранная часть конференции представлена докладчиками из Падуанского университета (Италия), Ошского государственного университета (Киргизская Республика), Международного научно-образовательного комплекса «Лицей Ширакапи» г. Еревана (Республика Армения), Андижанского государственного университета и Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Республики Узбекистан. По понятным обстоятельствам встречи и дискуссии проходили в онлайн-формате на платформе Zoom, что не помешало участникам чувствовать себя полноценными «походниками» и погрузиться в летопись фортунатовского быта, увидеть исторические места, связанные с жизнью и деятельностью замечательного ученого, ознакомиться с его первыми лингвистическими опытами.

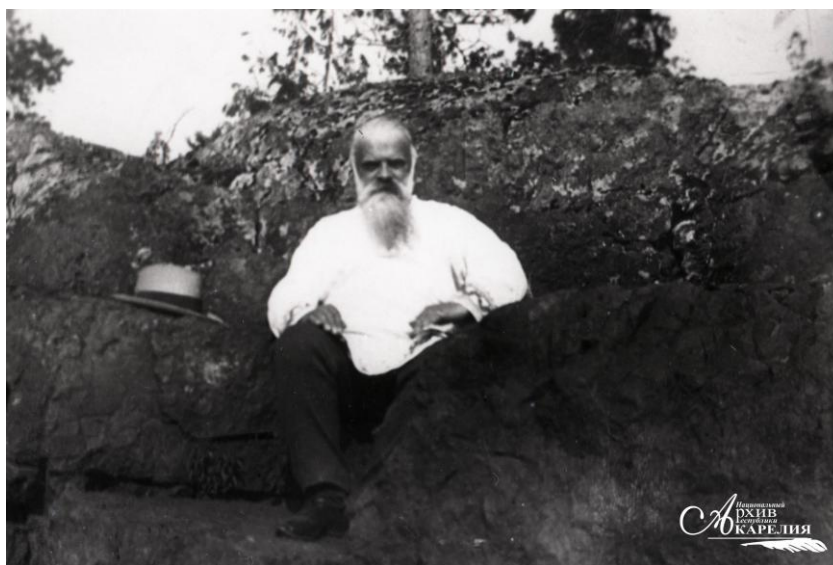
Организаторами конференции выступили Петрозаводский государственный университет, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова и Вологодский государственный университет.

В программный комитет Чтений вошли академик В. М. Алпатов, члены-корреспонденты РАН С. А. Мызников и Ф. Б. Успенский, а также ученые из Донецка, Костромы, Москвы, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Тарту – доктора филологических наук, профессора А. Д. Дуличенко, Н. С. Ганцовская, К. Г. Красухин, С. А. Крылов, И. Г. Милославский, О. В. Никитин, Т. В. Пентковская, О. Г. Ревзина, Г. В. Судаков, В. И. Теркулов, Н. В. Уфимцева, Л. Л. Шестакова, Т. В. Шмелева.

Организационный комитет конференции составили преподаватели и сотрудники ПетрГУ, выступившего инициатором проведения столь представительного форума: Н. В. Патроева (председатель), А. А. Лебедев, З. И. Минеева, В. А. Новоселова, Т. В. Пашкова, А. В. Рожкова, Н. С. Шубина.

На утреннем пленарном заседании «Научное наследие Ф. Ф. Фортунатова и актуальные проблемы современного языкознания» прозвучали доклады, объединившие проблемы диachронической лингвистики и современные дискуссионные вопросы языковедческой теории и практики XXI в. О. В. Никитин (Москва) представил неизвестные документы о жизни Ф. Ф. Фортунатова в Вологде и Петрозаводске, рассказал о новых архивных находках и публикациях по истории лингвистики Т. П. Лёнгрен (Тромсё, Норвегия), открывшей ученому

сообществу переписку норвежского слависта Олафа Брока с его русским учителем Ф. Ф. Фортунатовым, показал языковую личность академика по материалам неизданных фондов. В. М. Алпатов (Москва) обратился к анализу значения Фортунатовской школы в языкознании, охарактеризовал ее основные достижения, дал оценку деятельности наиболее видных учеников академика, составивших костяк «отцов и детей» этой школы в XX в. С. А. Крылов (Москва) остановился на обзоре и комментировании проблемных вопросов теории грамматики, впервые обоснованных Ф. Ф. Фортунатовым, и рассказал о судьбе этих идей в отечественном языкознании XX столетия. О. А. Волошина (Москва) связала деятельность главы Московской лингвистической школы с новыми явлениями в культурном поле языка, обозначившимися в самом начале космического века, и справедливо назвала Ф. Ф. Фортунатова «предтечей структурализма». М. Ю. Федосюк (Москва) поделился рассуждениями на тему «Соблюдаем ли мы фортунатовскую установку на создание точных научных определений?».

Ф. Ф. Фортунатов в окрестностях деревни Косалма. Фото 1913 г.
Национальный архив Республики Карелия. Фотодокументы, № 0-7986
F. F. Fortunatov in the vicinity of the village of Kosalma (1913).
National Archive of the Republic of Karelia. Doc. № 0-7986

После перерыва на дневном заседании прозвучали доклады Е. М. Лазуткиной (Москва) «Языковая универсалия “фразеологизация” в свете учения Ф. Ф. Фортунатова о грамматической форме», К. Г. Красухина (Москва) «Балто-славянская глагольная диатеза в свете учения Г. К. Ульянова и Ф. Ф. Фортунатова», В. С. Храковского (Санкт-Петербург) «О соотношении причинных и каузативных конструкций», Н. В. Патроевой (Петрозаводск) «К вопросу о системе синтаксических категорий в русском языке: типология в синхронном и диахроническом аспектах», Н. В. Уфимцевой (Москва) «Типология языковых картин мира», В. Г. Вовиной (Санкт-Петербург) «А. А. Шахматов и Н. Н. Виноградов: по материалам писем Н. Н. Виноградова».

Далее работа конференции проходила по следующим секциям: «Орфоэпия, словообразование и морфология: проблемы и перспективы изучения, новейшие тенденции в русской речи» и «Методика обучению языку». Выступавшие 3 июня на секционных заседаниях отмечали актуальность вопросов изучения орфоэпической нормы и узуса (Е. К. Скачедубова, Москва), особенностей современного произношения групп согласных *-ркс-*, *-нкт-* (А. Е. Жу-

равлева, Москва), суффиксальных дериватов, мотивированных зоотропами (З. И. Минеева, Петрозаводск). Докладчики осветили проблемы исследования актантной грамматики русского языка (Л. И. Богданова, Москва) и категории вида в неофициальной антропонимии (Л. А. Климова, Нижний Новгород / Арзамас), а также обсудили специфику функционирования причастий в составе универбализационных композитов (Л. А. Соснина, Донецк), основные принципы составления толкового словаря аббревиатур (В. И. Теркулов, Донецк), способы реализации категории рода некоторых оценочных существительных в современной речи (Е. М. Мельникова, Ярославль) и особенности употребления родительного падежа при имперфектных глаголах в русском языке» (О. Ю. Чуйкова, Санкт-Петербург).

На секции «Методика обучения языку» наиболее актуальными для дискуссии оказались проблемы рецепции идей Ф. Ф. Фортунатова в средней школе (Л. Б. Парубченко, Барнаул) и вузе (И. Н. Политова, Коломна), вопросы преподавания русского языка и культуры речи в аспекте лингвистической безопасности (Л. А. Сомова, Т. И. Мартынова, Тольятти), а также современные переводоведческие методики (С. Н. Пономарева, Москва; И. А. Басова, Москва; Е. В. Лигновская, Кострома) и др.

Следующий день конференции открыли пленарные доклады известных историков языка и компаративистов, посвященные разным аспектам исследования культуры текста и его реалий с точки зрения исторической ономастики в «Завещании Семена Гордого» 1353 г. (Ф. Б. Успенский, Москва), изучения ветхозаветных маргиналий в Московской Библии 1663 г. (Т. В. Пентковская, Москва). Е. В. Генералова (Санкт-Петербург) провела анализ европеизмов в старорусском языке, а О. Г. Ревзина (Москва) поделилась наблюдениями о развитии русского литературного языка в исторические эпохи XVIII–XX вв. Заседание продолжили доклады В. И. Чуглова (Вологда) «Вклад научного наследия Ф. Ф. Фортунатова в изучение частиц и нечленимых предложений», И. Г. Милославского (Москва) «О преодолении разночтений в осмыслении основных понятий морфемики и словообразования русского языка», Ю. П. Князева (Великий Новгород) «Русские возвратные глаголы в их отношении к переходности / непереходности».

Секционная проблематика второго дня Чтений отражала не только идеи Московской лингвистической школы времени Ф. Ф. Фортунатова, но и их дальнейшее развитие в науке XX–XXI вв. В дискуссиях были затронуты как синхронические подходы к изучению языковых явлений, так и диахронические. Участники конференции обсудили также актуальные проблемы синтаксиса, типологической лингвистики, истории русского литературного языка, лексикографии, диалектологии, лингвокультурологии и поэтики. В рамках хроники нет возможности представить все заявленные в программе и прозвучавшие 4 июня на конференции доклады. Отметим, на наш взгляд, те, которые могут быть интересны широкому кругу научных работников и филологов-практиков.

В секции «Синтаксис русского языка»: Н. С. Ганцовская (Кострома) в сотворчестве с аспиранткой Цинь Лидун (Китайская Народная Республика) озвучила опыт исследования гипотаксиса текстов русской классической литературы в свете представителей Фортунатовской школы Л. А. Булаховского и А. Б. Шапиро; С. Л. Михеева (Чебоксары) рассмотрела имя прилагательное в функционально-семантическом поле обусловленности.

В секции «Сравнительное и типологическое языкознание»: Ю. А. Дубровский и Т. Б. Заграевская (Пятигорск) проанализировали эволюцию функциональности двоеточия и тире в англо- и русскоязычной лингвокультурах; О. В. Трофимова (Тюмень) изучила отглагольные существительные на *-nie* в польском оригинале и особенности их перевода на русский язык; О. С. Ильченко (Санкт-Петербург) говорила о повышении эффективности усвоения семантических структур английского языка на основе когнитивного подхода; Т. В. Пашкова (Петрозаводск) проанализировала компоненты *nenä* и *muahine* в народных наименованиях заболеваний в карельском языке.

В секции «Эволюция славянских языков и история русского литературного языка» хотелось бы отметить выступления М. Биаззо (Италия) на тему «“Презентативные” наречия

и выбор падежа (по материалу русского, сербскохорватского и польского языков)», Н. А. Тупиковой (Волгоград) «Категория ин-персональности русского глагола и ее выражение в древнерусских текстах», Г. В. Судакова (Вологда) «Кто и когда написал “Повесть о Фроле Скобееве”: анализ языка», С. В. Русановой (Новосибирск) «Язык региональных документов XVIII века через призму законодательных актов эпохи», М. В. Серебряк (Луганск) «Символика животного мира в оппозиции «ленивый» – «трудолюбивый» человек в славянской фразеологии (на материале русского, украинского и польского языков)».

В секции «Диалектология и ареальная лингвистика» были представлены доклады и сообщения, анализирующие правила речевого поведения диалектной языковой личности (Е. В. Иванцова, Томск), феномен субъекта действия в диалектной речи (на материале архангельских говоров) (В. А. Закревская, Тюмень), категорию вежливости в коммуникативной практике вологодской глубинки (Л. Ю. Зорина, Вологда), фонетические диалектизмы в костромских говорах (Г. Д. Неганова, Кострома) и др.

В секции «Проблемы лексикологии и лексикографии» участники конференции обсуждали вопросы поиска форм словарного представления авторских новообразований (Л. Л. Шестакова, Москва), «Материалы к Российской грамматике» М. В. Ломоносова как объект лексикографического описания (С. С. Волков, Санкт-Петербург) и другие проблемы.

В секции «Теория коммуникации. Медиалингвистика. Лингвокультурология» прозвучали доклады Н. В. Халиковой (Мытищи) «Фразеологическая образность в научном дискурсе лингвистов первой половины XX века», О. И. Северской (Москва) и Л. В. Селезневой (Санкт-Петербург) «Пунктуация деловая и... цифровая: о знаках препинания в современной бизнес-коммуникации», А. А. Малышева (Санкт-Петербург) «Речевая репрезентация бунтовщиков в петровских “Ведомостях” (1703–1727)», В. А. Новоселовой (Петрозаводск) «Образные сравнения как экспрессемы в медиатекстах телепрограммы “Вести недели с Дмитрием Киселевым”», М. К. Сабировой (Ташкент, Республика Узбекистан) «Функционально жанровые свойства медиатекстов на узбекском языке» и др.

В секции «Лингвопоэтика» нам особенно интересными показались темы, связанные с изучением лингвостилистических особенностей женской прозы (М. О. Жданова, Луганск), произведений Ф. М. Достоевского (А. А. Лебедев, Петрозаводск), ненормативных форм числа анумеральных существительных *singularia tantum* в поэтическом идиолекте М. Цветаевой (А. А. Козакова, Ростов-на-Дону), русского стиха в кругу славянских, германских, романских и других языков (Ю. Б. Орлицкий, Москва) и др.

По материалам «Вторых Фортунатовских чтений в Карелии» будет подготовлен сборник научных трудов. Отдельные доклады публикуются в «Ученых записках Петрозаводского государственного университета».

Информация об авторах

Олег Викторович Никитин, доктор филологических наук, профессор

Наталья Викторовна Патроева, доктор филологических наук, профессор

Information about the Authors

Oleg V. Nikitin, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Natalya V. Patroeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 10.06.2021;

одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021

The article was submitted 10.06.2021;

approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Рецензия

УДК 882

DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-122-127

Грани утопического миропонимания в современных исследованиях

Рецензия на книгу:

Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века.

Литература. Живопись. Кинематограф: Монография.

Москва: Флинта, 2021. 281 с.

Елена Ивановна Колесникова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

ekolesn@mail.ru

Аннотация

Рецензия анализирует монографию «Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века. Литература. Живопись. Кинематограф», определяя ее место в современной науке о проективных моделях будущего. Ключевым аспектом является преемственность предшествующим исследованиям о категории утопии, и прежде всего Б. Ф. Егорова, памяти которого посвящена книга. Фиксируется выход современного искусства за рамки утопического жанра и в связи с этим подтверждается уместность дискурсивной методологии. Автор подчеркивает актуальность традиционного разговора о природоохранных проблемах и выражает недоумение по поводу игнорирования западными филологами русской художественной и научной литературы, гораздо раньше их обозначившей. Как несомненное достоинство монографии отмечается ее современный антропологический подход к психологическим деталям частных нарративных утопий.

Ключевые слова

монография, утопия, дискурс, иллюзия, антиутопия, Б. Ф. Егоров

Для цитирования

Колесникова Е. И. Грани утопического миропонимания в современных исследованиях. Рец. на кн.: Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века. Литература. Живопись. Кинематограф: Монография. Москва: Флинта, 2021. 281 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 9: Филология. С. 122–127. DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-122-127

© Колесникова Е. И., рец., 2021

Utopian View of the World: Modern Studies

Review

Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19th – 21st Century.

Literature. Painting. Cinema. Monograph.

Moscow, Flinta Publ., 2021, 281 p. (in Russ.)

Elena I. Kolesnikova

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) of the Russian Academy of Science

St. Petersburg, Russian Federation

ekolesn@mail.ru

Abstract

The author analyzes the monograph “Utopian discourse in Russian culture of the late 19th – 21st century. Literature. Painting. Cinema”. The review determines the position of this book in modern science of projective models of the future. A key aspect is the continuity of previous studies on the category of utopia, and above all, B. F. Egorov, whose memory the book is dedicated to. The transition of modern art beyond the utopian genre is noticed. This confirms the appropriateness of the discursive technique. The author emphasizes the relevance of the traditional conversation about environmental problems and expresses bewilderment at the disregard by Western philologists of Russian fiction and scientific literature. As an unquestionable advantage of the monograph, its modern anthropological approach to the psychological details of private narrative utopias is noted.

Keywords

monograph, utopia, discourse, illusion, distopia, B. F. Egorov

For citation

Kolesnikova E. I. Utopian View of the World: Modern Studies. Review: Utopian Discourse in Russian Culture of the Late 19th – 21st Century. Literature. Painting. Cinema. Monograph. Moscow, Flinta Publ., 2021, 281 p. (in Russ.). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2021, vol. 20, no. 9: Philology, pp. 122–127. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2021-20-9-122-127

В издательстве «Флинта» вышла в свет монография коллектива авторов «Утопический дискурс в русской культуре конца XIX – XXI века. Литература. Живопись. Кинематограф», научный редактор – проф. Н. В. Ковтун. Такое широкое и многогранное явление, как утопия, породившее целые философские направления, литературные жанры и стили, логические парадоксы и лингвистические фигуры, совершенно логично рассматривается на платформе научной серии «Универсалии культуры», которая на сегодняшний день включает десять выпусков.

Появление книги, авторы которой в основном филологи, весьма актуально, поскольку утопии до сих пор анализируются прежде всего с философской точки зрения и реже с литературоведческой. Монография демонстрирует разнообразие подходов к анализу утопических моделей в хронологических рамках от эпохи модерна до постмодерна, что позволило показать отличие современных утопий от классических образцов, а также определить их место в истории становления самого жанра.

Учитывая многолетние наработки по заявленной проблематике, монография не отвлекается на теоретические обоснования понятия утопии и дискуссии о его дефинициях. Но, уйдя от теоретических споров, книга широкими мазками дает экскурс содержательной эволюции этого явления, оговаривает употребление понятия «дискурс» во избежание утратившего изначальное наполнение понятия «жанр» и недостаточного для охвата материала понятия «стиль». «“Утопический дискурс” понимается как способ высказывания об особой, вероятно-ценностной реальности, которую конструирует утопическое мышление» (с. 12). Взятая за методологическую основу подвижное понятие дискурсивности дало возможность рас-

смотреть в его концептном поле материалы, связанные с утопией не столь очевидно, но через определенные объяснительные модели, блестяще представившие ее современное понимание. Это и чеховская топка, и плакатная живопись, и мемуарные нарративы.

В отдельных конкретных случаях авторы книги видят необходимость разграничения термина «утопия», как это сделано, например, с понятием «идиллия», что актуально на современном этапе («Идиллическое vs утопическое в художественной прозе М. А. Тарковского», Н. Вальянов). Пространство утопического дискурса относительно антиутопии и дистопии обозначено в таких главах, как «Пространство антиутопии в новелле С. Кржижановского “Бог умер”» (А. Мансков), «Образы Москвы в утопическом и антиутопическом дискурсе (на материале романа “Текст” Д. Глуховского» (М. Кун), «От утопии к антиутопии: поэтика повести Я. Ларри “Необыкновенные приключения Карика и Вали”» (А. Куляпин). Подобные уточнения вполне уместны, поскольку терминологические прения по поводу понятий «дистопия» и «антиутопия» всё ещё продолжаются. Часть исследователей предпочитает использовать термины синонимично (Б. Ланин, А. Ф. Поломошнов), другие четко их разграничивают (А. Баласапоус, А. А. Дыдров, В. А. Чаликова), третья группа учёных вовсе отказывается от использования термина «антиутопия» (Г. Клейс, А. Олдридж, У. Вагар). Продуктивны расширительные рассуждения об утопии в главе, посвященной Г. Газданову. В частности справедливо напоминает, что в «термине “утопия” изначально заложена коннотация двоемирия» (с. 198). Этот посыл вызывает соответствующий горизонт ожидания, связанный с неизбежным для мотива двоемирия в искусстве XX–XXI вв. ироническим изводом. Тем более что этот подтекст ощутим в общей концепции монографии, проступающей даже на уровне ее тонкого и остроумного оформления. Но он остается не развит в указанной главе: автор не увидел иронии ни в образе Клэр, ни в финальных сценах романа. Рассмотренные главы демонстрируют, насколько неразделимы в художественных реалиях XX–XXI вв. утопия и ее «разоблачения». Как отметил английский исследователь Чэд Уолш в книге «От утопии к кошмару» («From Utopia to Nightmare», 1962), если в XIX в. и на рубеже веков антиутопические и дистопические мотивы лишь обрамляли утопическое повествование, то сейчас дистопия и антиутопия стали «доминирующим типом»: лишь «небольшой процент воображаемого мира – это утопии, а остальное – ужасы» [Walsh, 1962, p. 14].

Книга подтверждает единство научного пространства: созданная в основном сибиряками и уральцами, она прочно вписана в общероссийскую, прежде всего петербургскую, культурную традицию. Посвященная памяти Б. Ф. Егорова, монография своей содержательной направленностью продолжает житнетворческие и научные особенности его авторского стиля: глубокие исследовательские поиски в сочетании с кропотливой, а порой откровенно рутинной филологической работой (например, составлением сборников). Междисциплинарный инструментарий книги, широкий диапазон материала в сочетании с конкретностью предмета исследования, приверженностью к биографическому факту и документу – это тоже метод работы Бориса Федоровича. Не говоря уже о щедрой дружеской помощи окружающим, что, по его собственному определению утопии, и было достижением «мечты об идеальной жизни в любых масштабах и объемах» [Егоров, 2007, с. 6]. Этот аспект подкрепляется составом авторов рассматриваемой работы – от маститых профессоров до юных студентов-магистрантов, – что говорит о преемственности поколений и наличии серьезной научной школы.

Творческими контактами с Б. Ф. Егоровым и другими петербургскими учеными тесно связана исследовательская биография научного редактора монографии, в прошлом выпускницы аспирантуры Пушкинского Дома, а ныне филолога «первого эшелона» России, Н. В. Ковтун, много лет разрабатывающей проблемы традиционалистской утопии. Во вступительной статье исследовательница подчеркивает преемственность настоящего проекта предшествующему ему труду «Русский проект исправления мира...», научным руководителем которого выступил Б. Ф. Егоров (с. 13).

Ожидаемым от земляков В. Астафьева стал разговор об экопрозе в главе Т. Садыриной «Антипасторальные мотивы русской экологической прозы (на материале произведений

В. Астафьева)». Природоохранные мотивы затрагиваются также в главах Н. Ковтун, В. Степановой «Китежская легенда в современной русской прозе: символика и контексты», Н. Вальянова «Идиллическое vs утопическое в художественной прозе М. Тарковского». Актуальность вновь поднятых традиционных проблем природопользования обусловлена еще и необходимостью популяризации темы в западном пространстве. Немаловажную роль играет вопрос научного приоритета. Ставшее актуальным в Европе и США направление экокритики берет отсчет от 1970-х гг., игнорируя российские наработки, ведущиеся начиная с изучения «протоэкологических текстов 1930–1950-х гг. (М. Пришвин, К. Паустовский, Л. Леонов)» (с. 48), не говоря уже о работах солидных научных центров по изучению творчества В. Распутина и В. Астафьева.

Даже некоторые российские исследователи отдают первенство в этом вопросе зарубежному литературоведению: «Экокритический подход, по сути выросший на методологических принципах натурфилософского подхода в изучении природы, <...> апробирован преимущественно в зарубежном литературоведении (Германии, Финляндии, Великобритании); в отечественной науке данная методология считается новаторской» [Богач, 2017, с. 24]. Созданная в 1992 г. в США Ассоциация по изучению литературы и окружающей среды (The Association for the Study of Literature and Environment) считается результатом работы таких критиков и литературоведов, как Лео Маркс, Черил Глотфелти, Скотт Слович и Лоуренс Бьюэлл. Ни один российский писатель или исследователь в этой когорте не значится. Хотя круг проблем, стоящий за западным понятием «экокритика», вряд ли покажется новаторским для российского литературоведа. Например, согласно англоязычному словарю «A Dictionary of Cultural and Critical Theory» экокритика (environmental criticism) подразумевает «изучение литературы о природе с междисциплинарной точки зрения. Это литературоведческий анализ текстов, содержащих разного рода экологические проблемы... анализ способов и приемов, с помощью которых проблемы природы представляются в том или ином произведении» [Barbera, 2010].

Справедливости ради надо сказать, что и отечественные исследователи часто обходят вниманием творчество зарубежных писателей-натурфилософов. К примеру, в России было проигнорировано творчество Нобелевского лауреата 1980 г. Ж. М. Г. Леклезю, одной из основных тем которого является противостояние природы и цивилизации. Иначе говоря, налицо научный параллелизм в изучении одной и той же проблемы. Для разрешения сложившейся ситуации обращение в солидном научном издании к данному вопросу с привлечением зарубежного произведения (глава А. Григоровской «Integrated man Айн Рэнд в контексте утопических проектов России XIX–XX веков») может послужить шагом к сближению научных изысканий различных школ.

Глава Т. Заиндиновой «“Счастливая Москва” А. Платонова: финал романа в утопической перспективе» могла бы ярко прозвучать в этом контексте. Писатель ставил природу в жесткую систему научных законов: «...конструкция природы такова, что она не любит, когда ее обыгрывают... <...> Природа держится замкнуто, она способна работать лишь так на так, даже с надбавкой в свою пользу, а техника напрягается сделать наоборот» [Платонов, 1989, с. 15]. Но из-за неучтенности всего комплекса текстов, относящихся к обозначенному исследователем замыслу, например, процитированного выше претекста романа – «О первой социалистической трагедии», или его изводов: двух вариантов повести «Московская скрипка», рассказа «Любовь к родине или путешествие воробья», а также имеющего идейные и сюжетные переклички со всеми названными текстами рассказа «Григорий Хромов (Великий человек)», разговор о финале звучит неточно.

Но само обращение к роману «Счастливая Москва» для исследования утопических идей А. Платонова является новаторским. Как правило, утопические / антиутопические идеи Платонова исследуются на материале романа «Чевенгур», повестей «Котлован», «Песчаная учительница», «Джан». Жизнестроительные идеи неоднократно рассматривались в статьях писателя о мелиорации, рассказах «Такыр», «Родина электричества», «О потухшей лампочке

Ильича». Отдельную широко исследованную линию представляют его фантастические произведения «Маркун», «Лунная бомба» и др.

Даже на неполном комплексе текстов и используя материалы лишь «раннего платоноведения» (в монографии за опору взяты в основном исследования из сборника 1999 г. «Страна философов Андрея Платонова...»), автор главы подошел к верному утверждению о том, что любая платоновская утопия оканчивалась трагической неразрешимостью не социального толка, а онтологического. Также убедительно подтверждены ранние наблюдения ученых о смене вектора с «дальнего человека» на «ближнего», открытости финала романа, сделаны интересные наблюдения над «фаустианскими» чертами в характере героев. С учетом актуальных наблюдений платоноведов открытый финал произведений Платонова можно было бы дополнить мотивом «вечного возвращения», где основной сюжетный узел обновляется, наращивается новыми смыслами, но на следующем витке возвращается к истокам (см. об этом: [Малыгина, 2005; 2018]).

Само рассмотрение произведения Платонова в заданном контексте намечает перспективный исследовательский вектор, в котором было бы интересно рассмотреть такие произведения, как неоконченные повести «Умственный хутор», «Македонский офицер», «Технический роман», очерки «Об идиотизме деревенской жизни», «Бедняцкие хроники» и др.

Несомненным достоинством монографии является отклик на современный антропологический разворот, повлекший за собой психологизацию. Так, в главах, посвященных топике А. Чехова, роману Е. Водолазкина «Авиатор», рефлексирована проблема отчужденности человека в мире, в центре внимания оказывается не социум, что характерно для утопического жанра, а отдельно взятая личность.

Столь же личностны главы, в которых рассматриваются повествования об искаженном существовании героев в условиях противоестественного для них уклада. Этот методологический поворот оказывается также созвучным принципу Б. Ф. Егорова, который мастерски сочетал анализ художественных текстов с изучением жизнестроительства в реальных биографиях и нарративах, когда «содержанием утопии становится сам акт человеческой жизни» (с. 254). В монографии два таких исследования, построенных на нарративах о «скверне житейской» / утраченном рае (Дурылин) и «мужской власти» / женском воздаянии (Окуневская), демонстрирующих разные научные подходы.

Первое – «Утраченная Россия как утопия в прозе и мемуарах С. Н. Дурылина» – построено на основе анализа ностальгического нарратива «внутреннего эмигранта, уходящего от жестокостей современности в инобытие повестей и рассказов» (с. 113) за счет «поэтики памяти». Автор главы рассмотрен механизм создания дурылинского нарратива за счет конструирования «эмоционального языкового кодирования и стратегии языковой генерализации» (с. 128). Исследователь выделяет «несколько ярких образов – опорных координат, тех моментов-точек, в которых сосредоточивается концептуальный смысл и на которых заостряется читательское внимание (с. 114)... Это в первую очередь образы прихода-храма, отчего дома, прекрасного сада и др. Этот «вещный» мир прошлого автор убедительно возводит до «сущностных для русской культуры понятий, идей» (с. 128).

В главе, посвященной советской актрисе Татьяне Окуневской, анализируется феминный тип утопии / дистопии. Проективным шагом к освобождению здесь является автобиографический нарратив: проговорив все случившееся и вымышленное в пространстве литературной свободы на грани художественной условности-«автовымысла» (определение С. Дубровски [Doubrovsky, 1977]), обрисовав своих обидчиков и недоброжелателей, актриса оказывается хозяйкой своей биографии. Изящным ходом было бы здесь опереться на работу Б. Ф. Егорова «Обман в русской культуре» (2012) и порассуждать в русле его дефиниций о природе вымысла Окуневской. Есть ли это обман, игра, двусмысленность, банальный оговор своих близких или же иллюзия свершившейся справедливости?

Борис Федорович Егоров, задавший научный и эмоциональный модус монографии, органично предстает в завершающем интервью, иллюстрируя принцип эстетизации жизненного

опыта. Его глубокий по смыслу и легкий по форме рассказ о себе стал удачным завершением книги, не претендующей на конечные итоги, но задающей новые перспективы в исследовании утопии.

Список литературы

- Богач Д. А.** Проблемы понимания образа природы в литературоведческой науке // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филологические науки. 2017. № 6 (402). С. 221–229.
- Егоров Б. Ф.** Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: Искусство, 2007. 416 с.
- Малыгина Н. М.** Андрей Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 335 с.
- Малыгина Н. М.** Андрей Платонов и литературная Москва: А. К. Воронский, А. М. Горький, Б. А. Пильняк, Б. Л. Пастернак, Артем Веселый, С. Ф. Буданцев, В. С. Гроссман. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 592 с.
- Платонов А.** О первой социалистической трагедии // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 3–21.
- Barbera J. R.** Environmental criticism. In: A Dictionary of Cultural and Critical Theory. Ed. by M. Payne. Singapore, Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 205–209.
- Dobrovsky S.** Fils. Paris, Éditions Galilée, 1977, 469 p.
- Walsh Ch.** From Utopia to Nightmare. London, Bles, 1962, 191 p.

References

- Barbera J. R.** Environmental criticism. In: A Dictionary of Cultural and Critical Theory. Ed. by M. Payne. Singapore, Blackwell Publishing Ltd., 2010, pp. 205–209.
- Bogach D. A.** Problemy ponimaniya obraza prirody v literaturovedcheskoi nauke [Problems of understanding the image of nature in literary science]. *Chelyabinsk University Herald. Philology Sciences*, 2017, no. 6 (402), pp. 22–29. (in Russ.)
- Dobrovsky S.** Fils. Paris, Éditions Galilée, 1977, 469 p.
- Egorov B. F.** Rossiiskie utopii: Istoricheskii putevoditel' [Russian Utopias: Historical Guide]. St. Petersburg, Iskustvo Publ., 2007, 416 p. (in Russ.)
- Malygina N. M.** Andrei Platonov: poetika "Vozvrashcheniya" [Andrei Platonov: Poetics of "Return"]. Moscow, TEIS Publ., 2005, 335 p. (in Russ.)
- Malygina N. M.** Andrei Platonov i literaturnaya Moskva: A. K. Voronsky, A. M. Gorky, B. A. Pilnyak, B. L. Pasternak, Artem Veselyi, S. F. Budantsev, V. S. Grossman [Andrei Platonov and Literary Moscow: A. K. Voronsky, A. M. Gorky, B. A. Pilnyak, B. L. Pasternak, Artem Vesely, S. F. Budantsev, V. S. Grossman]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, 592 p. (in Russ.)
- Platonov A.** O pervoi sotsialisticheskoi tragedii [About the First Socialist Tragedy]. In: *Literaturnoe obozrenie* [Literary Reviews], 1989, no. 9, pp. 3–21. (in Russ.)
- Walsh Ch.** From Utopia to Nightmare. London, Bles, 1962, 191 p.

Информация об авторе

Елена Ивановна Колесникова, доктор филологических наук

Information about the Author

Elena I. Kolesnikova, Doctor of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 20.08.2021;
одобрена после рецензирования 01.09.2021; принята к публикации 01.09.2021
The article was submitted 20.08.2021;
approved after reviewing 01.09.2021; accepted for publication 01.09.2021

Памяти Татьяны Андреевны Колосовой

10.09.1928 – 15.08.2021

15 августа 2021 г. на 93-м году ушла из жизни Татьяна Андреевна Колосова, выдающийся русист-синтаксист, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета.

Научные интересы Татьяны Андреевны лежали прежде всего в области синтаксиса русского сложного предложения. Ее докторская диссертация и опубликованная

на ее основе монография «Русские сложные предложения асимметричной структуры» (Воронеж, 1980) посвящены предложениям, в которых между планом выражения и планом содержания нет взаимного соответствия: сложное предложение, состоящее из двух частей, может передавать отношения между тремя или даже четырьмя смысловыми единицами, и механизмы такой компрессии содержания в русском языке формализованы. Семантический подход в синтаксисе по-прежнему остается актуальным и новаторским, так как сложное предложение в лучших традициях структурализма, идей С. О. Карцевского, В. Скалички и др. описывается как единица языка с особым вниманием к семантике. Задача структурирования синтаксического уровня языка, классификация единиц языка и речи всё еще не решена окончательно, но методология такого описания задается в монографии Татьяны Андреевны и со временем может быть реализована.

Внимание к содержательной стороне языкового знака заложено руководителем кандидатской диссертации Татьяны Андреевны – доктором филологических наук, профессором МГУ Тимофеем Петровичем Ломтевым, под руководством которого в 1956 г. Татьяна Андреевна защитила диссертацию на тему «Синтаксис повестей об Азовском осажденном сидении».

Много работ опубликовала Татьяна Андреевна в соавторстве с Майей Ивановной Черемисиной, и прежде всего это монография «Очерки по теории сложного предложения» (Новосибирск, 1987). В. А. Белошапкова писала, что появление этой книги «должно быть расценено как заметное и значительное событие. Возможно, эта книга открывает новый виток в развитии отечественной синтаксической науки, который будет характеризоваться углубленным анализом теоретических основ учения о СП и разработкой новой системы понятий и терминов». Это предсказание В. А. Белошапковой оправдалось в полной мере: многие идеи, высказанные в монографии в дискуссионном порядке, получили развитие в трудах учеников и последователей.

Татьяна Андреевна была прирожденным преподавателем – в меру строгим, требовательным, артистичным, неизменно доброжелательным и открытым для дискуссий с коллегами, аспирантами, студентами. После окончания в 1951 г. филологического факультета Казахского государственного университета она более двадцати лет (с 1951 по 1975 г.) проработала в Алма-Атинском педагогическом университете, затем еще почти 20 лет профессором кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета (с 1975 по 1994 г.). Следующие 20 лет Татьяна Андреевна являлась профессором кафедры

© Сагалаев К. А., фото, 2021

общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. Ее педагогический стаж составляет 69 лет и 10 месяцев!

В разные годы и в разных вузах Татьяна Андреевна читала курсы «Современный русский литературный язык», «Основы преподавания курса “Современный русский язык”», «Основы культуры речи и стилистики», «Введение в языкознание». Особое значение имеют специальные курсы «Асимметрия в синтаксисе», «Проблемы служебных слов в современном русском языке», «Спорные вопросы синтаксиса сложного предложения», «Спорные вопросы синтаксиса осложненного предложения», «Средства связи частей сложного предложения», которые дополняли и углубляли знания студентов в области современного синтаксиса и семантики.

С уходом Татьяны Андреевны мы потеряли близкого друга, коллегу, с которым можно было обсудить самые разные вопросы языкознания и мироздания. Мы бесконечно признательны Татьяне Андреевне за ее постоянную поддержку, готовность поделиться знаниями, разделить радость научных изысканий, за теплоту, сердечность, щедрость.

Коллеги и ученики

Вестник Новосибирского государственного университета

Серия «История, филология»

Выпуск «Филология»

Правила оформления рукописи

Авторы представляют статьи на русском языке объемом не более 0,4 авторского листа (10 страниц, 16 тыс. знаков), включая иллюстрации (одна иллюстрация форматом 190×270 мм = $\frac{1}{6}$ авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редакция каждого выпуска имеет право принимать статьи меньшего объема в зависимости от наполняемости портфеля выпуска. Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

В конце статьи, рецензии, заметки необходимо указать полностью имя, отчество, фамилию автора, ученую степень и звание, должность, учреждение (название кафедры, вуза и т. п.), в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, а также адрес электронной почты, домашний адрес и телефон.

Рукопись должна удовлетворять требованиям к оформлению текста (см. далее), быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Каждая рукопись рецензируется. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку, а также отклонять статьи в случае получения на них отрицательных рецензий. Приоритет в приеме работ к печати отдается работам, в которых ставятся и решаются актуальные проблемы современной лингвистики, отличающиеся новизной, написанные на достаточно репрезентативном фактическом материале.

Содержание выпусков «Филология» ориентировано на следующие научные специальности:

- 10.02.01 – русский язык
- 10.02.19 – теория языка
- 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
- 10.01.01 – русская литература

Требования к оформлению основного текста и иллюстративных материалов

Статья (основной текст, список литературы и источников, подписи к рисункам и таблицам) представляется в редакцию распечатанной на бумаге форматом А4 и в электронной версии, выполненной в формате WinWord (.doc, .rtf). Размер кегля 14 для Time New Roman, межстрочный интервал 1,5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Не следует:

- производить табуляцию;
- разделять абзацы пустой строкой;

- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой «только для чтения»;
- форматировать текст и расставлять принудительные переносы.

На первой странице текста статьи указывается УДК. Ниже даются название статьи, инициалы и фамилия автора, название учреждения, его почтовый адрес и e-mail, аннотация (2 000 знаков включая пробелы) и ключевые слова (не больше 10) на русском, затем на английском языке. Далее идет текст статьи, который заканчивается списком литературы и, при необходимости, списками источников и условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Образец оформления статьи:

УДК 81:39, 81'23

**Исследование наименований растений и национальная языковая картина мира:
к постановке проблемы**

Елена Ивановна Иванова

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
philology@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Систематизируются термины для общего наименования лексических единиц тематической группы «Названия растений и их частей». Дается краткий обзор истории изучения данной лексики и прослеживаются истоки современного этнолингвистического когнитивного подхода, а также описываются возможные перспективы ее изучения.

Ключевые слова

термин, этнолингвистика, картина мира, фитонимы

Благодарности

Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00000)

**Studies of Plant-Names and an Ethnic World Image:
Defining the Problem**

Elena I. Ivanova

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
philology@gf.nsu.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

This paper proposes a brief review of the history of researches in the vocabulary of plant-names (as well as names of some parts of plants). The author lays special emphasis on the sources of the modern ethnolinguistic approach. Some prospects of the further research are outlined.

Keywords

linguistic terms, ethnolinguistics, world image, phytonyms

Acknowledgements

The work was supported by the Russian Science Foundation, project 14-50-00000

Основной текст статьи

Список литературы / References

Список источников / List of Sources

Сведения об авторе / Information about the Author

Елена Ивановна Иванова, доктор филологических наук, профессор
Elena I. Ivanova, Doctor of Sciences (Philology), Professor

SPIN

Scopus

WoS

В лингвистических статьях выпуска «Филология» «Вестника НГУ» иллюстративный материал (слово, фразеологическая единица, словосочетание, предложение) в тексте статьи выделяется курсивом; толкование значения слова и семы заключается в одинарные кавычки ‘...’; имя концепта набирается прописными буквами курсивом (например: концепт *ЗНАНИЕ*, концептосфера *РЕЛИГИЯ*). Цитаты заключаются в кавычки-«ёлочки» («...»); если внутри цитаты имеется цитатная вставка, то последняя выделяется кавычками-«лапками» («...“...”...», «...“...”»»). Ссылка на источник приводимого в качестве иллюстративного материала фрагмента чужого текста приводится после примера в круглых скобках, например: «Надзор за деятельностью банков должен быть в надежных руках. Чтобы при необходимости смотреть на финансовые проводки сквозь пальцы?» (Новая газета. 2007. № 7). Если иллюстративный материал взят из интернет-ресурса, то ссылка на такой источник дается под текстом на этой же странице (в поле сноски). Если на один и тот же интернет-источник делается несколько ссылок, то такой источник указывается в списке источников в конце статьи (например: НКРЯ – Национальный корпус русского языка <http://www.ruscorpora.ru>).

Библиографические ссылки в публикации даются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания работы, страница, например, [Виноградов, 1977. С. 57]; повторная ссылка оформляется [Там же] или [Там же. С. 48]. В конце статьи в алфавитном порядке без нумерации помещаются список литературы, список источников, а также, при необходимости, список условных сокращений терминов, географических названий и т. д.

Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их количества), полное название работы, а также жанр издания, в котором она опубликована (моногр., коллект. моногр., сб. ст., сб. науч. ст., сб. науч. тр.), ответственный редактор (под ред.), название издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомных изданий), номер, выпуск (для периодических изданий), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи, тезисов). Фамилия и инициалы автора (авторов) выделяются полужирным шрифтом.

Далее следует то же описание в транслитерации и в квадратных скобках в переводе на английский язык (для русскоязычной литературы).

Например:

Капинос Е. В., Проскурина Е. Н., Ромодановская Е. К. Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 2. С. 3–17.

Kapinos E. V., Proskurina E. N., Romodanovskaya E. K. Predislovie [Preface]. In: Slovar’-ukazatel’ syuzhetov i motivov russkoi literatury [Dictionary of Russian Literary Plots and Motives]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2006, iss. 2. p. 3–17. (in Russ.)

Одесская М. М. Чехов и проблема идеала. М: РГТУ, 2011. 496 с.

Odesskaya M. M. Chekhov i problema ideala [Chekhov and the Problem of Perfection]. Moscow, RSHU Publ., 2011, 496 p. (in Russ.)

Созина Е. К. О «сырости водосточных труб»: философско-антропологическое измерение творчества Чехова в контексте поколения восьмидесятников // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 82–97.

Sozina E. K. O syrost’i vodostochnykh trub: filosofsko-antropologicheskie izmerenie tvorchestva Chekhova v kontekste pokoleniya vos’midesyatnikov [On Dumpness of Drainpipes: Philosophy-Anthropology Dimension of Chekhov’s Creative Work]. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], 2006, no. 10, p. 82–97. (in Russ.)

Электронные версии рисунков (только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr) следует прилагать отдельными файлами. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм.

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls), кегль шрифта в надписях не должен быть меньше 9. Максимальное поле изображения – 190 × 270 мм.

Обязательно прилагать файлы используемых (нестандартных) шрифтов (.tff),

Автор, передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения.

Распространение «Вестника НГУ» осуществляется по подписке, подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11227.

Адрес редакционной коллегии
серии «История, филология» (выпуск «Филология»)

ул. Пирогова, 1, НГУ, кафедра общего и русского языкознания
или кафедра русской литературы
Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (8 383) 363 42 30

E-mail: philology@gf.nsu.ru